

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический
журнал № 2 (77)
февраль, 2023

Содержание журнала для лиц
12+
старше
12 лет
Содержание
журнала
рекомендуется

S. NIKAS

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами февральский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Уверен, что в истории ничего не происходит случайно. Сама природа своей суровой погодой подсказала нашим великим предкам учредить праздник День защитника Отечества именно 23 февраля. А прошедший 2022 год подкрепил эту дату тем, что 24 февраля началась специальная военная операция по защите Русского мира.

Прошедший год стал временем истины. Тяжёлым, горестным, годом больших потерь, но в то же время годом Героев. Он расставил многое по своим местам. Много, но не всё. Лицемеры убежали из страны, хотя некоторые и затаились, а простые русские люди объединились и дали отпор врагу. И произошло это соборным образом. Как в старорусские времена – всем миром. Поэтому именно с 2022 года защитником Отечества может считать себя каждый житель нашей России, от парня, сидящего в окопе, до бабушки, вышедшей с красным флагом или вяжущей носки тому парню.

Примите искренние поздравления с Днём защитника Отечества! Днём воинской славы, мужества, смелости и чести! Это праздник сильных духом людей, настоящих патриотов и сынов своего Отечества. С праздником вас, дорогие защитники Отечества! От всей души желаю вам крепкого здоровья, благополучия, мира и счастья!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

АЛЕКСАНДРЪ

23
ФЕВРАЛЯ

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

Примите мои искренние поздравления с Днём защитника Отечества.

Этот праздник является символом мужества, доблести и патриотизма.

23 февраля мы чествуем людей, которые готовы противостоять угрозам безопасности нашей страны.

В современных условиях, безусловно, в первую очередь слава тем, кто служит в Вооружённых силах нашей страны, является защитником Отечества, находится на передовой, несёт нелёгкую вахту на море, в небе и на земле.

Россия по праву гордится своими сыновьями, которые ратным трудом, а порой и жизнью обеспечивают безопасность нашей страны.

Вспоминаем всех тех, кто посвятил себя служению Родине, сражался за неё и побеждал. Их героизм, мужество, стойкость и отвага являются надёжным примером для сегодняшних и будущих поколений россиян.

Желаю вам и вашим близким крепкого здоровья, мирного неба над головой и уверенности в завтрашнем дне!

**С уважением,
Юрий БУЧНЕВ,
Герой Российской Федерации,
полковник запаса**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 2 (77), февраль 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.02.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

РУССКИЙ МИР

6 Александр Балтин.
Правда Победы

7 Поэты Победы

15 Юрий Васюнькин
Рифат Измайлов

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

17 Анатолий Труба.
Он шёл по жизни со спортом

20 Вокруг цвела весна...

22 Армия – это жизнь

24 Человек с большим сердцем

26 Парень с широкой душой

28 Мастер на все руки

ПОЭЗИЯ

30 Лев Нецветаев.
Медная бабушка

ПРОЗА

32 Николай Полотнянко.
Тёмная сила

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

43 Евгений Харитонов

45 Анатолий Арестов

ЖИТЕЙСКОЕ

46 Дмитрий Терентьев.
Метель

АФОРИЗМЫ

50 Валерий Румянцев.
Лаконизмы

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

53 Евгений Голоднов.
22 июня, ровно в четыре часа...

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

58 Андрей Скилур-Хазиев.
Кубанцы в Аладжинском сражении

61 «Накось выкусите, мы тут хозяева!»

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

64 Андрей Скилур-Хазиев.
О сотрясении мозгов, одичании,
борьбе с чуждой лексикой
и о национальной безопасности

68 Вадим Кулинченко.
Война моего детства

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

71 Никита Брагин.
Письма уставного узор

74 Андрей Расторгуев

СЛУЧАЙ

77 Валерий Серяков.
Сивый мерин

ДЕТЕКТИВ

82 Виктор Усов.
Надежда

ВОСПОМИНАНИЯ

88 Виктор Семенов.
Удар молнии

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

92 Яна Перова
«Пора в космос!»

На вклейке: работы художника
Никаса Сафронова

ПРАВДА ПОБЕДЫ

Александр БАЛТИН

Денежно-товарное время, закрученное вокруг стержней эгоизма и бесконечного потребления, плохо ещё и тем, что (вероятно, как и тирания) пробуждает в человеке всё худшее, не оставляя шанса световому, естественному в каждой человеческой душе.

Казалось бы, какие альтернативные точки зрения могут быть на историю Великой Отечественной?

Как можно поставить под сомнение невероятную героику того времени, когда через миллионкратное напряжение всех сил всего народа – от мальчишек, становившихся сынами полка, до крупнейших писателей и поэтов, от церковнослужителей до уголовников, попадавших в штрафбаты, – добывалась, становилась реальной такая насущная Победа?

Когда хлеб жизни был один: выстоять и, выжив, восторжествовать, низвергнув в небытие адского демона, наименованного «фашизм»!

Но именно потому, что тогдашнее время подчёркивает жизнь народа, укрупняя его темой преодоления, темой – во многом – отказа от самого себя ради общего дела, отказа от самолюбивых, корыстных, эгоцентрических

побуждений, ныне события Второй мировой затушёвываются: и героизм, мол-де, не такой, и генералы негожие, да и Жуков, коль рассмотреть поближе, обычный мародёр...

Именно потому, что тогда был народ, и даже заглавная буква в обозначении сего понятия не была бы преувеличением, а ныне – население: разорванное, атомизированное, во многом расчеловеченное, объединённое худобно языком да Новым годом.

А населению, кроме бесконечного карнавального шоу, мало что нужно: сложно потребителю объяснить, что отказ от потребления (избыточного, во всяком случае) облагораживает и высветляет душу; сложно людям, слишком заверченным водоворотами бизнеса, растолковать, что эгоизм и корысть – из худших человеческих свойств.

Тем не менее хочется надеяться, что грандиозное, трагическое и великое военное время, приведшее к победе и всё серьёзней уходящее вдаль, облучает великими лучами правды и сущности жизни всех, облучает исподволь, пусть очень незаметно, делая их хотя бы немного лучше – назло всем вариантам исторических ревизий и пересмотров.

ПОЭТЫ ПОБЕДЫ

ТВЁРДАЯ ПРАВДА ТВАРДОВСКОГО

Просты ли стихи Твардовского?

Прав ли был Бунин, пришедший в восторг от Василия Тёркина, или Ахматова, сказавшая: «Частушки в любое время нужны»?

И он и она по-своему – ибо представление о народности, широко внедрённое в сознание граждан Союза и ныне кажущееся нелепым, было и верно, и неверно: народ действительно нуждался в своих песнях, и народность всякая условна, а «Василий Тёркин» – поэма, всё же скорее столь связанная с определённым временем, что так и останется в нём.

А вот грандиозное антологичное стихотворение «Я убит подо Ржевом» ясной стройностью и сверкающей алмазной гранью каждой строки врезается в сознание сильнее.

Простые смыслы и точные формулировки – в этом сила Твардовского:

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налёте.*

Как врезается в недра памяти необыкновенно мудрое стихотворение:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

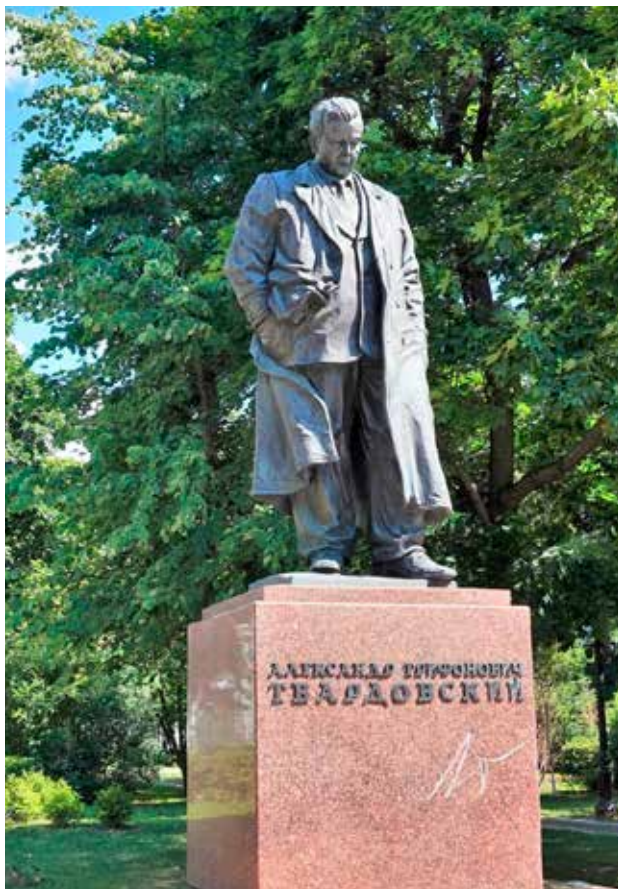
Оно точно формула совести, в которую входит и осознание своей, пусть и не чётко даденной вины – вины метафизической, если угодно.

Поздние стихи Твардовского отмечены знаком мудрости вообще и скорбью, совмещённой с принятием действительности такой, какая она есть; представляется, поздние стихи Твардовского ценнее, чем его монструозные поэмы раннего периода.

Нельзя не задуматься над стихами «Памяти матери», не ощутить их странную, тугую земельную силу – силу почвы, растящей всё необходимое, принимающей телесные оболочки людей.

*Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудюю,
По горсточке отмеривают.
Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...
Но как могильщики – рывком –
Давай, давай без передышки, –
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.*

Сила стиха идёт от глубины, от сознания осмысленности прожитого каждым; от неотменимости того, что было, что есть.

Они просты – стихи Твардовского, но простота эта высокого порядка...

...Памятник поэту и великому редактору возвышается напротив редакции журнала, какому он отдал столько времени и сил.

Люди проходят мимо. Идут не читатели стихов, искатели выгод, бедные представители народа, стремительно становящегося населением, идут, не особенно задумываясь, кому установлен памятник.

ПОКЛОН АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

Читая, перечитывая стихи Тарковского, вновь и вновь поражаешься их земной, земельной мощи – в сочетании с нежностью и тонкостью звука, идущего из неведомых, могущественных, световых сфер:

*И я ниоткуда
Пришёл расколоть
Единое чудо
На душу и плоть...*

Особая оптика сочетается с уверенностью говоримого, и голос обретает властную сдержанность: своя правда не исключает чужие мнения, которыми, впрочем, стоит пренебречь, зная свою правоту.

Речь густа, речь закипает ассоциациями, множится букетами сравнений, играет великолепием эпитетов.

Может ли улыбаться верблюд:

*На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.*

О да!

Неприменно, ибо жизнь хороша, несмотря на войны и кошмар онтологической бездны, ибо мы в ней чего-нибудь стоим, как утверждает мастер, а он не может врать.

Или не знать.

*Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.*

Пусть даже ощущение «измогильности», депрессивное вероятно, но свет же! И не простой: сиятельный, сизокрылый, роскошно данный.

Всё от света, всё замешено на нём, из тьмы нельзя строить.

Кактус равен Карловым Варам – имеет-ся в виду феноменальность любого явления жизни, его неповторимость, его вмещённость в собственную особую ауру; но строгость и чёткость мастерства Тарковского не равны никому, ибо любой поэт – наособицу, хотя и ясны его корни.

Небесное и земное совмещены в самих пластах языка – и звёзды сияют так ярко, как славно работают кузнечики, а мощь новоселья с массой предметов обещает простую, сытную жизнь.

И что первозданный рай малинов – верится, ибо как не верить такому огромному поэту.

ПОЭТ, СТАВШИЙ ПРООБРАЗОМ В. ТЁРКИНА

Тёркин, конечно, собирательный образ, но во многом Твардовский писал его со своего фронтowego друга Василия Глотова, впослед-

ствии, в мирной жизни, ставшего автором 35 книг стихов и прозы.

Поэзия Глотова шла от народной стихии, от простоты той жизни, что и слов требует простых, самородных, веских:

*Смоляне-старожилы
Толпились у горы.
В лесу звенели пилы,
Стучали топоры.
И у реки по скату,
Как много лет назад,
Бревенчатые хаты
Выстраивались в ряд.*

Стих чёткий и чеканен, он мощно работает с правдой действительности, точно... ещё увеличивая оную собою...

...Художник О. Верейский, давший образцовый портрет В. Тёркина, рисовал его с В. Глотова.

В его поэзии была та естественность, что, кажется, не требуется словесного мастерства: просто выдыхай слова, и они сами развернутся... даже, может быть, перьями жар-птицы:

*Далёкое, босое детство!
Нет, ты не радостно прошло.
Мне передали по наследству
Отца простое ремесло.
Я сеял в поле рожь и просо,
Ходил на промысел в тайгу,
Варил смолу, чинил колёса
На бийском сером берегу...*

Красивы и точны, собирались слова, писались картины, и было в простоте созвучий нечто питательное – от пирогов, даже больше, чем от хлеба... Колодезная вода вкуснее.

Опалённые ленты войны, разумеется, перевивали поэзию Глотова, но возникавшие образы были часто очень своеобразны:

*Без дорог и без тропинок,
По увалам напрямик
Шёл в родной район Починок
Тощий мученик-старик.*

*Он оборван. Спасся чудом.
Тяжко кашлял на ходу.
– Расскажи, отец, откуда?
– Из неметчины иду.*

*Мы отдали деду свитер.
И уже в пути, за рвом,
Мой товарищ слёзы вытер
Опалённым рукавом.*

Не выжгла души война, не отменила умение плакать и сострадать.

Глов, прошедший войну, делал стих лёгким, полётным, певучим; сам испытавший всё, что испытал Тёркин, и давший многое от себя, чтобы возник великий образ.

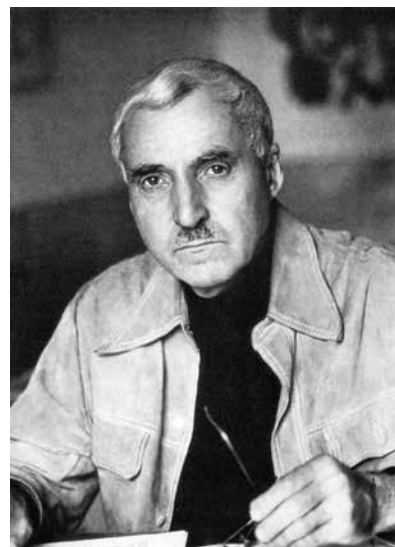
КОНСТАНТЫ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

1.

Романтическое и мужественное начало присуще поэзии К. Симонова; поэзии, столь же чуждой рефлексии, как и абстракции, наполненной только словами значимыми, круглыми, как галька:

*Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.*

Тесак критического суждения не просунуть между строк, всё сделано без зазора:

*И спрятаны под их худые кроны
В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и поэскадронно
Построены британские войска.*

Даже доброта, кажется, чужда мировосприятию Симонова:

*Иной, всего превыше
Боясь толчка под рёбра,
Такого друга ищет,
Чтоб был, как вата, добрый.*

Впрочем, без доброты, как и без света, невозможно существование, и доброта мира, в частности, выражается в том, что люди получают различные дары.

Дар Симонова – некогда знаменитого, как бывали разве что космонавты и футболисты, – был немалым, вполне разнообразным, иногда жёстким от мускульной силы строки, порой – расплавленным от страсти.

Поэзия или проза наиболее полно характеризует его дар?

Думается, и та и другая в равной степени, однако всё же поэзия в большей мере связана с исповедальностью, с тою линией, следуя которой можно понять человека лучше всего.

И поэзия Симонова наблюдательна, это поэзия точного взгляда и уверенных выводов:

*Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как всё на ней запоминалось:
Примёрзший стебель ковыля,
Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.*

Конкретика предметов, их необыкновенная связанность между собой, дуговая всеобхватность всеобщности точно поднимает поэтическое суждение на новую высоту, делая его более значимым.

...Все реки впадают в большие резервуары; все поэты приближаются к мере и осознанию всеобщности.

В плеске и блеске разнообразно представленной жизни – хоть в шашлыке, политом лимоном и запитом вином, хоть в атаке, раскиданной по снегу, хоть в картинах, нарисованных строчками, – разлито столько общечеловеческого, что поэзия К. Симонова словно поднимается к облакам...

2.

Искусство перевода сродни пересадке на новую почву не привычных к ней растений, и тут одно случайное движение способно нарушить корни, отменяя жизнь цветения.

Симонов как переводчик был крайне аккуратен по отношению к корням – к сущностному, основному.

Его Видади, звуча своеобразным, в орнаментах красивых запутанным востоком, цвет русским смыслом, внося в пространственный пантеон русского стиха живое благоухание грустных грёз.

Ряд переводов из Киплинга можно обозначить как чудо, ибо и «Дурак», и «Гиены» несут в себе подлинный огонь.

Их много, переливающихся ярко, заключённых в каждой строфе.

Собственный стиль, своя манера стиха точно уходили из симоновских переводов, и жила другая экзистенция, благородная и страшная, жизненная, связанная с иными культурами – и уже принятая культурой русской.

МЕРА МИХАИЛА КУЛЬЧИЦКОГО

Крест и соль солдатского труда выражены Михаилом Кульчицким с такою силой, что какие-либо иные толкования, кажется, исключаются:

*Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.*

Именно работа, даже более весомое, резкое, сильное слово «труд» не использует Кульчицкий, хотя определяет работу как трудную.

Разумеется, какую ей ещё быть, когда смерть из тени превращается в плотное, хотя и незримое образование, ждущее жертвы каждый момент.

Соль, сущностное, основное – всего этого много в небольшом, но таком ярком наследии Михаила Кульчицкого; нет в нём игры – совсем, никогда, ибо жизнь всерьёз.

И стихи всерьёз – иначе они превращаются в лёгкий досуг, праздную забаву, филологические игрища.

Сквозной онтологический ветер продувает стихи Кульчицкого, и словно он и определяет невозможность лишнего ни в какой строке.

*Но он, просвистанный, словно пулями роца,
Белыми посаженный в сумасшедший дом,
Сжигал
Свои марсианские
Очи,
Как сжѐг для ребёнка свой лучший том.*

Так – о Хлебникове, вольном дервише русской поэзии, не знавшем имущества, как солдат; так приводится пример подлинности. Которую невозможно подделать, которой так не хватает в наше шальное и шаловливое время.

Жизнь – чтобы отдавать, как отдавал Хлебников, как отдавал Кульчицкий: свой дар, свои стихи, свою жизнь, не знавшую ложного жира.

И, выделив в капсулу смысла самое страшное в мире, Кульчицкий писал:

*Самое страшное в мире –
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.*

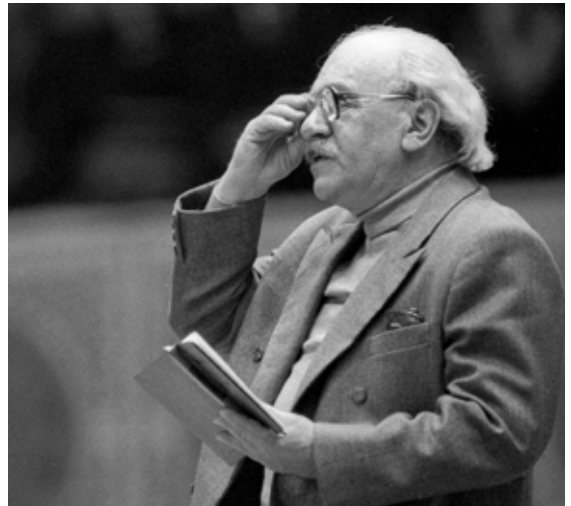
За успокоением: мещанский достаток, эра эгоизма, погань прагматики... Никакого творчества.

Чья суть, помимо основы – таланта, – раздаривание себя, щедрое, как делает это дождь.

А время сохранит и образ, и стихи...

КАПСУЛЫ СТИХОВ ДАВИДА САМОЙЛОВА

Понимать язык волн, передавая его стихами стройными и ясными, есть дар провидца, чувствующего единство всего сущего:

*Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живѐм иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.*

У Давида Самойлова было много поэтических козырей, но ясность и мелодичность были из основных: из тех, что не подвластны пыли времени, но имеют средство против его течения, ибо с годами стихи – лучшие стихи Самойлова – кажутся достигающими небесной глубины.

А «Пярнуские элегии», конечно, из лучших мелодий, исполненных на русском языке во второй половине двадцатого века.

Музыка должна лечить или?..

*Чѐт или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.*

*Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт, –
Музыка – лекарь?
Музыка губит.*

Лаконизм афоризма, и поступь вечности – вот же она, завернувшись в плащ поэтической ткани, сходит в недра смысла... Но оборачива-

ется он собственной противоположностью: ибо то, что должно лечить, губит.

Видимо, дело в мере вещей, в той пропорции, какую составляет музыка от реальности.

Заметим в скобках, что нынешняя реальность, настоящая на чрезмерном растворе денег, противоречит любой музыке.

...Страшные «Плотники», некогда прозвучав, продолжают вибрировать в воздухе поэзии и... жизни.

Или, если жить осталось три часа, говорить о чём бы то ни было бессмысленно.

Хотя... стоит именно говорить, если осталось три часа, – и стихотворение дышит так, будто пронизано предсмертным откровением.

Военные, ставшие хрестоматийными стихи Самойлова сильно пахнут порохом: чтобы почувствовали грядущие поколения цену страха и подвига.

Равно – пот солдатской работы: такой будничной, такой распластанной крестом.

Тайна слова и апрельский лес, точно обновлённый лад баллад и стихи о поэтах, – вращается цветная карусель стихов пёстрых и ясных, своеобразных и налитых силой мысли.

Каждое – как капсула, заключающая в себе вещей янтарь маленького пророчества.

Чтобы в сумме состоялось одно большое под названием «Творчество Давида Самойлова».

ДОЛЯ И ДАР ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

...Ибо концентрация военной правды и боли, соли ужаса войны и кристаллов мужества, что прирастают этой солью, может быть дана в одном четверостишии:

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Лента военных лет, коли опалила сознание, останется навсегда, будет томить и обвивать душу, и если участник войны – поэт, не может не выхлестнуться рваными краями лента сия в стихи.

И то, что четверостишие Юлии Друниной грандиозно, свидетельствует о великих её поэтических возможностях: четверостишие вибрирует, заставляя чувствовать то, что, казалось бы, не в силах ощутить человек, на войне не бывавший.

О, конечно, Друнина прежде всего лирик:

*А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни – мимо,
Пули – мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Всё это потому,
Что рядом
Стоит и бережёт меня
Твоя любовь – моя ограда,
Моя защитная броня.*

Лирик с трепетом тонких строк, чья поступь точно движения кошки; и вместе с тем лирик, считающий возможным в стихотворении о любви упомянуть броню (отблеск войны), каковое слово вроде бы совсем не подходит к теме...

«Царица бала» и «Царевна», «Шторм» и «Я курила недолго» – нити стихов сплетаются в общий свод творимого Друниной, иногда тяжело, иногда с лёгкостью бабочки; кристаллы

строк вспыхивают на солнце времени, а соль их остаётся белой, как бы ни пытались прыскать грязью нелепые годы нашей современности; и Юлия Друнина созидала, живя стихом, до тех пор, пока нечто не перекрыло питающий канал, погрузив её в тьму самой страшной трагедии для поэта: творчество теряет смысл.

Только не теряют оно стихи, оставаясь мерцать живущим искрами и полосками света, изъятыми из сердца поэта.

ИСТИНЫ ИОНА ДЕГЕНА

Сложная простота стихов Дегена связана с экзистенцией войны, с силою онтологического ветра, продувавшего реальность с её наждачной правдой, которая постепенно становится достоянием литературы, кинематографа, истории...

Тончайшие нюансы психологии, малейшие переливы и нюансировка чувств доступны поэзии Дегена:

*Когда из танка, смерть перехитрив,
Ты выскочишь чумной за миг до взрыва,
Ну, всё, – решишь, – отныне буду жив
В пехоте, в безопасности счастливой.
И лишь когда опомнишься вполне,
Тебя коснётся истина простая:
Пехоте тоже плохо на войне.
Пехоту тоже убивают.*

Он точно описал не просто свою войну – как талантливый, яркий поэт, он создавал энциклопедию войны, статьи которой были связаны

с ежедневной смертью солдата, смерть преодолевшего; солдата, остающегося жить, чтобы поведать созвучьями миру о том, как было.

Возможна ли ирония?

Да, своеобразная, она порою касалась устройства стихов И. Дегена, придавая им дополнительное своеобычие:

*Чего-то волосы под каской шевелятся.
Должно быть, ветер продувает каску.
Скорее бы до бруствера добраться.
За ним так много доброты и ласки.*

Восьмистишие «Валенки», часто запоминаемое многими с первого прочтения, несёт в своих восьми лучах всю гамму чувств, связанных с войной: запрет на отчаяние и само свинцовое отчаяние; смерть, всё время ходящую рядом и пока прошедшую мимо; конкретику страха и необходимость его преодоления.

Стихотворение горит костром – на снегу будущего, того, где нет войны, огнём своим неистовым повествуя о многом...

...Напластовываются годы, но... стареет ли прошлое?

Утихает ли память?
Притупляется боль?
Возможно, однако, остаётся:

*Забыл я патетику выпрених слов
О старой моей гимнастёрке,
Но слышать приглушенный звон орденов
До слёз мне обидно и горько.*

*Атаки и марши припомнились вновь,
И снова я в танковой роте.
Эмаль орденов – наша щедрая кровь,
Из наших сердец позолота.*

Ибо кровь, ставшая эмалью, горит, ибо позолота мужества, взятая из сердец, блестит ярче любой другой позолоты.

Но военные стихи И. Дегена не позолоченные – они золотые, они из того метафизического золота, что только дороже делается с годами.

Александр БАЛТИН

Юрий ВАСЮНЬКИН**МЫ – ОФИЦЕРЫ!**

Три звезды на погонах мне не с неба упали,
И папаха с кокардой – на седой голове.
Вкус Победы poznali – и друзей мы теряли,
Это время – зарубки в офицерской судьбе!

Ни о чём не жалею – быстро годы промчались,
И в кадетских шеренгах поредели ряды.
Только знайте, друзья: вы со мною остались,
Мы, как прежде, присяге и долгу верны!

Просыпаюсь среди ночи – как от горного эха,
От разрывов снарядов вижу огненный шквал.
Взвод держал высоту до последнего вздоха,
Там остался мой сын – боевой капитан...

И вот уже внук мой, молодой лейтенантик,
На броне бэтэра мчится в ночь – есть приказ!
Он по жизни боец – и небесный десантник:
На земле же, как ангел, защищает всех нас!

Я готов в рядовые – только б с внуком
быть рядом!
На плацу, и в окопе, и в жарком бою!
И закрыть, когда надо, от осколка снаряда –
Вот о чём сейчас Бога постоянно прошу!

5 декабря 2022 г.

Рифат ИЗМАЙЛОВ

Рифат Шамильевич Измаилов родился в г. Пугачёве Саратовской области в 1984 году. С 2013 года проживает в г. Мичуринске Тамбовской области.

В настоящее время активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодёжи.

В своих стихах и прозе подчёркивает истинно мужские качества воинов, патриотов, пишет о любви к Родине, о героической истории нашей страны.

Об армии знает не понаслышке. Поддерживает решение Президента РФ о проведении специальной военной операции.

**«Быть Воином,
в широком смысле этого слова,
нужно всегда и везде!»**

РОССИЯ

Я люблю тебя, Россия!
Моя Великая страна.
Ты необъятна и красива,
И в сердце ты моём одна.

Леса, поляны и луга,
Заката летнего прохлады.
Тут сена свежего стога –
Вы взгляда моего услады.

Здесь златоглавая Москва,
Деревни, города, станицы.
Здесь люди – судьбы и земля,
Глубинки и провинции.

Люблю тебя, моя страна!
Во славу Богом ты помазана,
Народа духом ты сильна,
Судьбой с тобой навечно связаны.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ФЕВРАЛЯ

Двадцать третье февраля
На листе календаря.
В этот день поздравим братию,
Что стоит Великой ратью,
Что стоит на рубежах
И не знает слова «страх».
Тех ребят, кто с автоматом
Ходит в армии солдатом.
Мы военных всех поздравим,
Счастья, здоровья желаем.
Жёны ждут их, детвора:
«Папа служит наш не зря,
Он Отчизну охраняет,
От врагов нас защищает!»

Ну а кто, если не мы!
Мы же Защитники страны!
Сядем в танки, самолёты
И сведём с врагами счёты,
Мы погоним их взащей
За границы рубежей.
Чтобы знали нас всерьёз,
Чтобы не было угроз
Нашей матушке-стране.
Был чтоб мир – и нет войне!

ЗАМПОЛИТ¹

В войсках все шепчут:
«Замполит» да «замполит».
А у него душа за Родину болит.
Да мысли: люди, судьбы, жизни.
Великой стала чтоб Отчизна.

И подтянуть чтоб дисциплину,
Сплотить войска в единую дружину,

А у солдата мысли не было иной:
«Готов идти, готов идти я в бой!»

У замполита вновь заботы:
Концерты, встречи
и в воскресенья, и в субботы.
Имама иль отца святого пригласить,
Чтоб верой службу укрепить.

А замполит быть должен Маяком,
И кем бы ни был он: танкистом,
космонавтом, моряком,
Патриотизма, духа должен быть гранитом.
Дай Бог успеха в этом деле замполитам!

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

«Где же, Ангел ты мой, и в каких ты мирах?
Помогал ты писать мою жизнь – альманах.
Когда жизни встречал я уколы,
Знал я, рядом мой Ангел – опора.

Иногда обращал я свой взгляд на следы,
Те, что я оставлял, ну а рядом и ты.
А сейчас не увидел следов я твоих,
Неужели покинул этот путь для двоих?»

Ангел мой помолчал, а потом отвечал:
«Испокон я веков, с твоей жизни начал
Я шёл рядом с тобой, что есть сил помогал.
Ты невзгоды в пути проходил, побеждал.

А сейчас, когда позади
Видишь только одни ты следы,
Знай, я рядом с тобой, я спасу!
В жизни в трудное время,
Взяв на руки, тебя я несусу!»

¹ Замполит – в современной армии России заместитель командира по военно-политической работе (ранее по воспитательной работе, работе с личным составом), в Советской армии были политруки, комсорги, комиссары, позже замполиты.

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОРОШКО

24.02.1992–04.09.2022
Сержант

Анатолий ТРУБА

ОН ШЁЛ ПО ЖИЗНИ СО СПОРТОМ

Евгений Горошко родился крупным, здоровым ребёнком весом 4,4 килограмма. Мальчик рос спокойным и жизнерадостным. Будучи вторым ребёнком в семье, Женя любил бегать, играть, особенно радовался, когда родители его пугали, играя, а мальчик визжал от удовольствия и весь сиял. У него была особенная связь с отцом, который полностью посвятил себя воспитанию сына. Ещё до школы научил играть в шахматы, а с первого класса записал в секцию самбо и дзюдо в спорткомплекс стадиона «Темп», где его первый тренер Сергей Викторович Рязанов привил ему любовь к спорту на всю жизнь.

Так и сложилось, что с первого по одиннадцатый класс Женя без перерывов занимался в секциях. Вместе с отцом, который имел собственный автобус и возил всех ребят на соревнования, объездили все ближайшие к родному Мичуринску города. И в 2009 году подросток выиграл первенство ЦФО по самбо в весовой категории до 65 килограммов, за что получил спортивный разряд «кандидат в мастера спорта».

А сколько побед было в школе, и не считать! Спортивного мальчишку постоянно просили защитить честь родного учебного заведения – школы № 23 (сейчас – № 15). Причём независимо от вида спорта, возраста и сил противника юный спортсмен одерживал победы. Так, в 2007 году Евгений в 15 лет победил в городских соревнования по лыжам взрослых, профессиональных спортсменов, заняв 3-е место. В 2008 году принимал участие в первенстве по футболу, за что классный руководитель с благодарностью жал пареньку руку.

Но парень не зазнавался, а старался учиться, насколько позволяло время. Рос скромным парнем, но не пай-мальчиком. Не проходил мимо несправедливости, защищая слабых. И, как в детстве, любил пощекотать себе нервы, попадая в различные приключения.

Одного он боялся – потревожить родных. После очередного приключения Женя просил присутствующих: «Только маме не говорите».

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

А мама и особенно отец поддерживали его и гордились сыном, стараясь всячески помочь и уберечь его. Однажды едва не утонул, когда в первом классе с семьёй поехали на речку в селе Старотарбеево, что под Мичуринском, – неожиданно попал в подводную яму. Мальчик барахтался и захлёбывался. Отец почувствовал неладное, а подойдя к берегу и поняв, что происходит, бросился в воду и вытащил испуганного сына.

Понимая, что спорт для него – всё, Евгений мечтал поступить в Санкт-Петербургский военно-спортивный институт. Но так случилось, что именно в год окончания школы это учебное заведение отменило приём абитуриентов, и тогда, быстро сориентировавшись, парень подал документы в Московский институт спорта и туризма. Не обошлось и без трудностей, так как время было потеряно. Отцу с сыном пришлось быстро выехать в Москву, только чудом Евгения временно определили в общежитие для поступающих, отцу же пришлось жить в автобусе, мыться из бутылки в кустах и ждать результатов вступительных экзаменов.

Отец вернулся домой с вестью о победе. Преподавателю института, тренеру Астахову, понравилось, как Евгений боролся на показательных выступлениях, и Горошко был зачислен на кафедру теории и методики самбо и дзюдо на бюджет.

И вновь череда соревнований, тренировки, учёба. И в 2014 году признание. На XVII Всероссийском турнире по самбо им. Ю. А. Гагарина Горошко занимает первое место и получает звание «мастер спорта».

В институте и встретил Евгений свою будущую жену – Олесю. Девушка родом из Магнитогорска, училась на реабилитолога. Они были как будто созданы друг для друга. Оба спортивные, да к тому же при занятиях спортом возникают травмы, и родители Жени шутили, что он жену специально себе нашёл, из корысти.

После института парень отслужил срочную службу, где два года защищал честь воинской части на спортивных сорев-

нованиях. А по истечении срочной остался в армии, подписав трёхгодичный контракт.

В 2017 году встал выбор: или поехать служить в крымскую Евпаторию, или остаться в Москве. Семья Горошко сразу решила ехать в Крым, и, лёгкие на подъём, загрузив в автобус отца все свои пожитки, перебрались на новое место.

Евгений Горошко начал служить инструктором – заместителем командира дивизии по спортивному воспитанию в 7-й десантно-штурмовой горной дивизии. На месте увидели разрушенный спортивный комплекс, и Евгений с энтузиазмом взялся за дело. Привлёк солдат, и вместе самостоятельно восстановили спорткомплекс, занялись тренировками. Отец же в это время делал ремонт в квартире. В последующем руководство лично поблагодарило сержанта Горошко, отметив, что он единственный в Крыму, кто смог всё сделать по-настоящему, с любовью.

Служба шла своим чередом, но в 2021 году часть стали расформировывать, и Евгению предложили остаться в Крыму внештатным сотрудником, но он уже не мыслил себя без армии, и семья Горошко, вновь собрав пожитки, переехала по новому месту службы в Ставрополь.

Зимой 2022 года Евгений вместе с женой и дочкой навестили всех своих родных. На машине сначала на 23 февраля приехали к родителям Олеси, а 8 марта – в Мичуринск. Дорога была тяжёлая: снег, гололёд – и машина слетела с дороги. Евгений с Олесей переглянулись и договорились ничего не рассказывать маме Евгения. А она, как чувствуя, что видит сына в последний раз, собрала многочисленную родню. По телевизору показывали зверства нацистов, и сын твёрдо заявил, что пойдёт защищать Родину. Его отговаривали, но он упорно стоял на своём.

И уже с апреля, с Воскресения Христова, гранатомётчиком в составе 7-й гвардейской десантно-штурмовой Краснознамённой дивизии (горной) Евгений сначала на Херсонщине, а после в Запорожье бился с нацистами. Парень часто звонил домой, присылал СМС-сообщения. При этом продолжал заниматься спортом, бегал по посадкам, подтягивался на деревьях, увлекая сослуживцев. Ни дня без спорта.

1 сентября произошла трагедия. Прилёт ракеты. Парень получил ранение в живот и лишился глаза. Госпиталь в Херсоне, в Севастополе.

Родные ничего не знали. 4 сентября друг и сослуживец Евгения Вадим позвонил Олесе и сообщил о том, что её муж жив, но находится в госпитале. И именно в этот день Евгения не стало. Большая потеря крови и тяжёлые раны.

Олеся стала обзванивать госпитали и узнала о смерти мужа раньше военкомата.

Гвардии сержант Евгений Валерьевич Горошко награждён орденом Мужества посмертно.

ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИБАНОВ

30.04.1998–30.07.2022
Ефрейтор

ВОКРУГ ЦВЕЛА ВЕСНА...

Даниил Грибанов родился в Мичуринске в последний день апреля 1998 года. В это время природа особенно красива. Весна цветёт пышными, безумно яркими красками, от которых захватывает дух. И всем казалось, что не менее яркой и блестящей должна быть жизнь у новорождённого, что отчасти и подтвердилось, так как жизнь Даниила была яркой, но несправедливо короткой.

Хотя вначале Даниил рос болезненным ребёнком, но, показывая силу духа, занялся спортом, начал с танцев, но в первом классе, вновь проявив характер, заявил, что он мальчик и танцами заниматься не будет, а запишется в секцию дзюдо.

Начав обучение в школе № 21 г. Мичуринска, юный ученик перешёл в пятом классе в школу № 17 «Юнармеец», где сразу и определённо решил, что он будет военным, и через год, достигнув необходимого возраста, начал заниматься в военно-спортивном клубе «Дружина» под руководством Дмитрия Олеговича Хромова.

Именно в военном клубе школы № 17 подросток и нашёл себя. Усиленные занятия спортом, многочисленные соревнования и победы на татами закаляли и делали из него мужчину.

Соревнования проходили в Крыму, Белоруссии, Бородино. Даниил старался их не пропускать. Подросток переживал, что была необходимость носить брекеты и это мешало заниматься спортом в полную силу. Дома мальчишка с восхищением делился впечатлениями о поездках и гордился, когда после очередной победы материалы о соревнованиях публиковались в местных газетах.

Дома же Даниил заботился о двух младших сёстрах, был во всём помощником родителям, которые начали строить дом в Громушке. Нарядился Дедом Морозом и приносил сёстрам подарки к Новому году, что для них было незабываемо и трогательно. В 10 лет стал штурманом для матери, которая осваивала езду на автомобиле, фактически был глазами и ушами неопытной в вождении женщины, тужился, помогая менять колёса.

При этом стремился осуществить свою мечту – стать военным, любил камуфляж, военную форму и очень гордился, когда в 13–14 лет в красивой кадетской форме подчёркнуто гордо, с достоинством нёс знамя. Всё это было без пафоса, не напоказ, а с гордостью.

После девятого класса Даниил Грибанов поступил на учёбу в промышленно-технологиче-

ческий колледж № 19 по специальности «слесарь по ремонту автомобиля, водитель автомобиля категорий "В", "С"», продолжая заниматься спортом и участвовать в различных спортивных соревнованиях.

В 2017 году окончил колледж с отличием и этой же весной, в апреле, был призван в ряды Вооружённых сил России, где дополнительно получил водительские права категории «Е». Службу Даниил Грибанов проходил в Москве в автобате и первоначально хотел там и остаться служить после срочной, но в последующем передумал. Вернувшись из армии, поставил перед собой задачу поступить на службу по контракту в спецвойска, размещённые в Московской области, чего и добился. Пришлось и с другом в общаге пожить, и претерпеть «радости» воинской службы.

Вообще Даниил умел дружить, и у него было много друзей, ведь ему можно было позвонить в любое время и решить все свои проблемы. Парень шутил, но всегда по-доброму, дрался, как все мальчишки, в части во всём помогал сослуживцам.

По службе молодого солдата направили в г. Арзамас для обучения управлению БТР, где он получил специальность «стрелок-механик». Здесь Даниил увлёкся альпинизмом, рассказывая с восхищением о горах домашним.

Не рассказывал родным только о службе. Боялся расстроить мать. Молодой солдат два раза был направлен командованием в боевые командировки в Сирию и был награждён двумя медалями. Но близким своим об этом не сказал ни слова. Только по возвращении, спустя время, его мама Людмила Викторовна узнала, где служил её сын.

Шесть лет встречался Даниил со своей будущей женой и в 22 года женился на любимой девушке Ангелине, которая, как и положено жене военного, поехала за ним в воинскую часть по ме-

сту службы мужа, где молодые тихо и скромно расписались, только по факту оповестив родных о свадьбе. Для получения высшего военного образования в 2019 году Даниил Грибанов поступил на инженерный факультет Мичуринского ГАУ.

Новый, 2022 год молодая семья встречала в доме Грибановых, но неожиданно на Рождество Даниила вызвали по месту службы. А в феврале началась специальная освободительная операция, и родные потеряли связь с солдатом.

Телефон молчал февраль, март, и весной, в апреле, раздался звонок. Даниил знакомым голосом быстро заговорил: «Мам, я накормлен, жив-здоров. Всё хорошо».

В дальнейшем связь наладилась, жена Ангелина и другие жёны военных создали группу в социальной сети, где обменивались полученной «ленточной» информацией. Даниил стал чаще звонить домой, но все звонки длились не более одной минуты и не затрагивали службу. В основном рассказывала о домашних делах мать.

В июне ефрейтор Грибанов получил отпуск и месяц провёл с женой в родном Мичуринске. На вопросы о тяжести службы спокойно отвечал, что раз направили – нужно служить, и в начале июля, успокоив родных, уехал на фронт.

Вечером 30 июля у Людмилы Викторовны зазвонил телефон, и собеседник, представившись сотрудником военкомата, сообщил о том, что её сын Даниил Александрович Грибанов погиб. Только позднее несчастная мать узнала, что в этот день в место сбора бронированной техники попала ракета, оборвав жизнь её сына.

Ефрейтор Даниил Александрович Грибанов был похоронен на кладбище г. Мичуринска в Громушке. Посмертно награждён орденом Мужества.

До сих пор Людмила Викторовна Грибанова вздрагивает при каждом звонке с незнакомого номера в надежде услышать родной голос сына.

ДЕНИС ГЕННАДЬЕВИЧ ДАВЫДОВ

10.02.1982–04.10.2022
ПОЛКОВНИК

АРМИЯ – ЭТО ЖИЗНЬ

С самого рождения Денис Давыдов гордился тем, что является тёзкой и однофамильцем знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, и рос с пониманием того, что обязательно станет военным и непременно настоящим героем, достойным славы великого предшественника. В итоге так всё и получилось.

Денис родился 10 февраля 1982 года в селе Крюковка Мичуринского района Тамбовской области. Отец работал комбайнёром и механизатором в колхозе «Россия». Работа эта тяжёлая, приходил домой поздно, и мальчишке приходилось выполнять всю домашнюю работу. Деревенский парень знал, что такое сельский труд: огород, уборка урожая, корова, сено, – а когда через шесть лет родился младший брат, то и за ним следил. Рос будущий герой активным, спортивным: играл в войнушку, любил мяч погонять, но и от работы не отлынивал, помогал отцу в колхозе.

В 1999 году Денис Давыдов окончил крюковскую школу и исполнил мечту всей своей жизни – стал курсантом Военного университета радиационной, химической и биологической защиты в г. Тамбове. В самом начале пришлось нелегко, хотя вроде был подготовлен. Курс молодого бойца проходил в Пригородном лесу. Изнуряющие тренировки, мозоли на ногах, но сильнее всего первые полгода одолевала тоска по родному дому. Родители старались поддержать сына, ездили каждый выходной в часть. Денис же в каждое увольнение бежал домой. Причём иногда в прямом смысле. Так, однажды курсанта отпустили в увольнение, а автобусы до родного села не ходили, пришлось бежать до дома 27 километров. В итоге, добежав, увидел родных и почти сразу отбыл в часть.

Но Денис Давыдов быстро освоился с жизнью курсанта. С будущей супругой Светланой познакомились в 2001 году. Долго не размыш-

ляли, и через год молодые поженились. В 2003 году родился сын Иван. Ну а уж с любимой дочкой Аней потянули до 2016 года.

Последний год в связи с закрытием тамбовского университета Денис учился в его костромском филиале. В 2004 году выпустился, получил звание лейтенанта и был распределён в п. Топчиха Алтайского края.

За время службы семья Давыдовых сменила 10 мест жительства. В родном селе Денис появлялся один раз в год, в отпуск. Однажды, когда не смогли приехать на Тамбовщину, их посетила Таисия Юрьевна – мама Дениса.

Упорный, трудолюбивый, не знающий усталости Денис Давыдов жил армией, всегда проявляя себя грамотным, ответственным офицером, за которым шли люди.

С 2019 года Денис Геннадьевич принимал участие в боевых действиях. Награждён медалью Суворова за личное мужество и отвагу, проявленные в боевых действиях при защите государственных интересов Российской Федерации в Сирии.

Кроме того, полковник Денис Геннадьевич Давыдов был награждён медалями:

1. «За воинскую доблесть» I степени
2. «За воинскую доблесть» II степени
3. «За отличие в военной службе» I степени
4. «За отличие в военной службе» II степени

5. «За отличие в военной службе» III степени

6. «За усердие при выполнении задач РХБ защиты»

7. «За участие в военной операции в Сирийской Арабской Республике».

10 августа 2022 года чета Давыдовых отметила 20 лет семейной жизни. На таком нелёгком жизненном пути всегда поддерживали друг друга. Много раз говорил Денис Светлане с благодарностью, насколько она сильная женщина. А она просто относилась к его выбору и призванию с пониманием. Часто объясняла родным, что «армия – это жизнь Дениса».

Поехать на Украину Денис Давыдов очень хотел. Уезжал в хорошем настроении, с понятием чести и долга. Близкие провожали его спокойно, без плохих предчувствий.

Светлана в телефонном разговоре с родными пресекала тему военных новостей фразой: «Это не телефонный разговор».

Командир полка радиационной, химической и биологической защиты полковник Денис Геннадьевич Давыдов погиб 4 октября 2022 года в ходе артиллерийского обстрела.

8 октября 2022 года (7 октября – день рождения его сына Ивана) был похоронен на кладбище родного села Крюковка Мичуринского района Тамбовской области.

Полковник Денис Геннадьевич Давыдов награждён орденом Мужества посмертно.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАМЕНСКИЙ

09.12.1976–22.08.2022
Рядовой

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ СЕРДЦЕМ

Алексей Каменский родился в Мичуринске. С детства в мальчике проявились лидерские качества, он молча, без показухи постоянно стремился помочь окружающим. И эту благородную черту Алексей сохранил на протяжении всей своей жизни. Будучи старшим сыном в семье, мальчик всегда был рядом с матерью, помогал во всём и присматривал за младшим братом. Алёша не ждал, пока его накормят, всегда готовил сам. Без просьбы помогал посторонним людям, не проходя мимо чужой беды.

В 1981 году семья Каменских переехала в посёлок Отделение Коммунар Мичуринского района, и братья весело зажили жизнью сельских пацанов – бегали купаться на речку, ловили птичек, играли с соседскими ребятами. Были и трудности – так, в школу

приходилось ездить в соседнее село Донское (сейчас район Мичуринска). Алексей учился средне, звёзд с неба не хватал, но дружил с одноклассниками, увлекался спортом.

После окончания восьмого класса Алексей выучился на столяра в ПТУ № 5, до армии поработал на Мичуринском локомотиворемонтном заводе. А в 18 лет был призван в армию, в учебную часть под Воронежем.

В 1994 году началась война в Чечне, и парень, не предупредив родных, добровольцем записался в охваченную войной республику связистом. Восемь месяцев на войне, от которой другие бежали, он героически воевал.

После, отслужив положенный срок, Алексей Каменский вернулся в Мичуринск. В 23 года женился, а вскоре в молодой се-

мье родились трое детей. В поисках лучшей доли Каменские переехали в подмосковный Подольск, где Алексей работал в различных должностях, а его супруга – музыкальным руководителем в детском садике.

Каменские не забывали и малую родину, приезжая в Мичуринск не менее трёх раз в год, а трое ребятишек проводили у бабушек с дедушкой все каникулы.

В 2020 году началась эпидемия COVID-19, и вновь Алексей проявил свой характер, записавшись санитаром-добровольцем в ковидный госпиталь в Подольске. Без боязни помогал старикам, попавшим в беду, выхаживал, уговаривал бороться за жизнь, кормил. Человек с большим сердцем переживал за каждого больного.

Пандемия спала, и Алексей Каменский как ни в чём не бывало вернулся на завод, на котором работал до эпидемии, и спокойно продолжил трудиться.

Мужчина очень сильно переживал, когда начались события на Украине. Не мог смотреть, как от рук нацистов погибают невинные люди. Близкие, зная характер Алексея, с тревогой ждали его реакции.

8 августа 2022 года Алексей приехал навестить родителей. Попросил отца вместе сходить искупаться на речку. По пути сын твёрдо заявил:

– Папа, я еду на Украину.

– Ты уже всё прошёл, – помолчав, ответил отец, – по жизни ты везучий, вон в каких переделках был. Конечное решение за тобой.

– Ты только жене помоги до конца оформить землю, – попросил Алексей.

– Конечно, помогу, – неуверенно сказал отец.

Дело в том, что земля под строительство личного дома полагалась Каменскому как участнику боевых действий, в которых он участвовал почти 20 лет назад, но из-за

бюрократических проволочек получить положенное не мог.

Вернувшись домой, мужчины встретили младшего Каменского – Вадима, который, узнав о решении Алексея, стал уговаривать брата подумать о троих детях и жене. Алексей попросил по-братски успокоить мать.

Вадим подошёл к матери и тихо прошептал:

– Всё нормально, мать. Он никуда не едет.

Мать облегчённо вздохнула и, успокоившись, легла спать. Рано утром, приготовив завтрак и видя, как сын куда-то быстро собирается, она заинтересовалась его планами.

– В МФЦ еду, мать, – как бы беззаботно ответил Алексей, – землю-то нужно оформить.

И быстро покинул родительский дом.

В полдень у матери Алексея, Людмилы Ивановны, зазвонил телефон, и женщина услышала голос сына:

– Мам, я в Тамбове, еду на Украину. Не переживай, всего на месяц.

Алексей записался добровольцем на фронт. Перед отправкой, как потом узнала Людмила Ивановна, он долго разговаривал со своим сыном, Евгением, которому предстояла служба в армии. Отец наставлял сына, просил заботиться о матери и младших сёстрах. И самое главное – всегда оставаться Человеком.

От Алексея долго не было весточки. Пришло фото из учебки. Каждый день казался родным вечностью. А через 13 дней после отъезда в дом к Каменским в Отделение Коммунар пришли представители военкомата:

– Людмила Ивановна! Беда! – услышала несчастная женщина страшные слова. – Сын убит!

Рядовой Алексей Александрович Каменский похоронен на кладбище в микрорайоне Донское г. Мичуринска. Посмертно награждён орденом Мужества.

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ КОВТУН

13.12.1988–20.09.2022

Рядовой

ПАРЕНЬ С ШИРОКОЙ ДУШОЙ

В разгар перестройки в работающей семье Ковтун в городе Тамбове родился долгожданный ребёнок. Сын. После двух дочерей рождение мальчика, Александра, стало событием.

Почти сразу после рождения сына семья переехала в село Большая Сосновка, в родительский дом. Времена непростые, да и за ребёнком могла приглядывать бабушка. Так что в школу Саша пошёл уже в селе и проучился до девятого класса.

Ребёнком рос спокойным и добрым. Любил смотреть по телевизору спорт, да и сам играл

и в футбол, и в хоккей. Любил животных, часто приносил домой бездомных кошек и собак, всё старался пристроить в добрые руки. Но особенно сильно любил детей, получив зарплату, тратил её на подарки племянникам.

С сёстрами у Саши были особые, тёплые отношения. Несмотря на большую разницу в возрасте, они были дружны между собой, ну а со средней сестрой Настей отношения были как с ровесницей, хотя разница в возрасте составляла семь лет, что для детского сознания – пропасть. Александр переживал за сестёр и всегда был миротворцем в семье.

Уважительное и внимательное было у Саши отношение к старшим. Мимо пожилого человека никогда не проходил, старался помочь: то воды натаскает, то дров наколет. Никогда не садился есть один, всегда предлагал окружающим, всех уважительно сажал за стол.

Ну а про отношение к родителям и говорить нечего. Обожал мать, даже будучи прав в споре, всё равно просил прощения. Старался

подработать и помочь семье и сёстрам.

В 16 лет поступил учиться на сварщика в 12-е училище Тамбова. Сразу после окончания вместе с сестрой Настей поехал в Москву подрабатывать отделочником. А все заработанные деньги потратил на подарки родным.

Вообще Александр был парень с руками. Любые отделочные и строительные работы делал легко и быстро. Обладал умениями в разных направлениях, от крыши до проводки. Бескорыстно помогал со строительством жилья сёстрам и родным.

В 2012 году Александр женился, но личная жизнь не сложилась, и парень после тяжёлого развода ушёл в себя. Стал задумчивым, сторонился людей. Стал меньше делиться с сёстрами.

При этом до конца стоял за правду. Всегда боролся за справедливость. Одно время работал в агрохолдинге «Зелёная долина» и заступился за женщин, которым, по его мнению, дали тяжёлую, непосильную работу. Отстоял свою правоту, но в итоге был уволен с работы.

Самым же большим увлечением и отдушиной стала для Александра рыбалка. На ней он и отдыхал, и душу отводил, и всех знакомых снабжал рыбой, возвращаясь даже с безнадёжной рыбалки с уловом.

Начиная с 2014 года стал говорить родным о необходимости защиты Донбасса и желании пойти на войну. А с начала спецоперации возмущался, когда родители смотрели сюжеты по телевизору о войне на Украине, – говорил, что много обмана, необходимо идти защищать правду.

В июне 2022 года в Большую Сосновку вернулся с фронта комиссованный по тяжёлому ранению Андрей Мелехин, и Александр стал много времени проводить с ним. Расспрашивал о положении на фронте, боевых ситуациях, обо всём, что связано с войной. Беседовал и много думал. А 15 июля заявил родственникам о сборе на специальную военную операцию, стал ездить в военкомат. В августе, быстро пройдя комиссию, был отпущен домой, но, едва доехав до Большой Сосновки, получил повестку на военные сборы и, толком не попрощавшись с родными, уехал.

1 и 2 сентября Александр Ковтун проходил военную подготовку в Белгороде. Вечером 2 сентября позвонил родным и сообщил, что часть отправляют в Изюм. Больше вестей от Александра не было.

25 сентября было воскресенье. Внезапно в 18 часов сестре Александра, Насте, из военкомата позвонили, сообщили, что её брат пропал без вести, и пригласили в Тамбовский областной военкомат. А 27 сентября Настя получила трагическую весть: «Ваш брат погиб, примите соболезнования».

После были приглашение и последующая поездка сестёр Александра в Ростов-на-Дону, предложение опознать по фото. Но сёстры не согласились на это и, прождав определённое время, опознали тело убитого брата.

Старший стрелок Александр Владимирович Ковтун погиб 20 сентября 2022 года близ села Долгенского Изюмского района Харьковской области.

Похоронен 1 октября 2022 года на кладбище села Большая Сосновка Мичуринского района Тамбовской области. Награждён орденом Мужества посмертно.

НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРЕШНЕВ

29.05.2001–22.09.2022
Рядовой

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Семья, в которой в последние дни мая родился Никита, ютилась в маленькой однокомнатной квартире. Но ребёнок был желанным, да к тому же мальчик – помощник в семье. Так и получилось, Никитка с малых лет всё время старался что-то отремонтировать. Сначала просто усиленно ломал, разбирая, игрушки, которые не мог впоследствии собрать. Но время шло, мальчик рос и постепенно научился всё делать по дому сам, от обычного домашнего ремонта до возвращения к жизни сложной бытовой техники.

Не отличаясь постоянством, Никита пробовал себя в различных видах спорта – футболе, теннисе, боксе. Хорошо начинал, но быстро бросал. Озорной и бесшабашный паренёк, добрый, любящий животных, дворовые игры, велосипеды, после мопеды, машины, ну и, конечно, речку – куда в Мичуринске без неё?

Однажды в восьмилетнем возрасте даже спас родственницу. Пятнадцатилетняя девушка потеряла сознание, а Никитка, несмотря на свои годы, не растерялся, бросился в воду и вытащил девушку на берег.

Учился же средне. Без особой прилежности. Признавался, что ему легче работать, чем изучать науки. И до армии где только не трудился – делал стекло, занимался сваркой, клал асфальт, ни секунды не сидел без дела. В его трудовой книжке было большое количество записей с самыми разными специальностями.

Ну а в домашних делах равных ему не было – прекрасно готовил, собирал и ремонтировал всю домашнюю технику, помогал родителям строить дом. Был настоящим мужичком. Однажды с отцом прибавали крышу, и под ними провалилась доска, они пролетели второй этаж и приземлились на первом, но обошлись лёгкими ушибами.

Умел Никита дружить по-настоящему. Приходя в гости, всегда предлагал свою помощь. После школы с двумя товарищами поступил в Тамбовский приборостроительный колледж, где выучился на профессионального сварщика.

На срочную службу Никиту призвали 15 декабря 2021 года в посёлок Мулино Нижегородской области. Служил связистом в учебной части управления батареей, где опять же сдружился с ребятами, и уже через два месяца они все вместе подписали контракт на службу. Дома решение Никиты одобрили и посчитали это хорошим началом военной карьеры, ведь дедушка Никиты служил прапорщиком в «красных казармах» города Мичуринска.

В феврале началась специальная военная операция, мать постоянно умоляла сына не идти на фронт. Но разве остановишь, когда на борьбу со злом подписались верные друзья по службе?

На свой день рождения, 29 мая, Никита позвонил родным и сообщил, что едет на Украину, а уже 1 июня был на передовой.

Звонков с фронта не было. Родные получали информацию от сослуживцев-отпускников. Ребята сбрасывали сообщения о том, что у Никиты всё хорошо.

В августе и Никиту отпустили домой в отпуск. Возмужавший парень рассказывал, что у него всё хорошо.

Матери удалось узнать, что служит в тяжёлой артиллерии, на остальные же вопросы только отшучивался.

22 сентября родители получили весточку от друга Никиты, который написал, что у того всё хорошо: «Никита жив-здоров».

А вечером его не стало.

23 сентября на номер Николая Черешнева позвонил командир части их сына и сообщил, что 22 сентября Никита погиб. Также с ним погибли ещё четыре его сослуживца. 30 сентября Никиту Николаевича Черешнева похоронили на воинском кладбище города Мичуринска.

Рядовой Никита Николаевич Черешнев награждён орденом Мужества посмертно.

Посвящается любимому брату, Никите Николаевичу Черешневу, родившемуся 29 мая 2001 года, погибшему 22 сентября 2022 года при проведении спецоперации на Украине. Награждён орденом Мужества посмертно.

*Дорогой, любимый брат,
Ты навеки в моём сердце.
Буду бережно хранить
Всё, что мы прожили вместе.
И твой голос, и твой смех,
И улыбку не забуду.
Лучше тебя просто нет
Никого на белом свете.*

*Ты был мастер на все руки,
Всё всегда мог починить.
Помогал всем безвозмездно.
Ты был щедр и красив.*

*Очень вкусно ты готовил
И всегда мог рассмешить.
Сделал для меня так много,
Как теперь мне отплатить?*

*Жизнь жестока. Забирают
Молодых совсем ребят
И домой потом привозят
В страшных цинковых гробах.*

*Твоя жизнь была недолгой,
Пролетела словно миг.
Была яркой и весёлой,
Ты сумел жить и любить.*

*Брат, прости меня за всё.
Моя любовь к тебе навечно.
Буду помнить и хранить
Всё, что мы прожили вместе.*

Царство Небесное. Вечный покой.

Дарья Черешнева

Медная бабушка¹

Лев НЕЦВЕТАЕВ

Усмешкой мудрого провидца,
Что не уйдёт от кары грех,
Глядела медная царица
В сарайном склепе снизу вверх.

В прохладной каменной утробе
Вдали от всяческих тревог
Она лежала, как во гробе,
Сурово глядя в потолок.

Здесь глохли все мирские звуки
И тишины царила власть,
И очень странны были руки,
Не пожелавшие упасть.

Как бы низвергнутая с трона,
Она всё продолжала бой
И, как оружие обороны,
Держала руки над собой.

Забудут дверь закрыть – так куры
Тотчас начнут делёжку мест
И разукрасят всю фигуру,
Принявши скипетр за насест.

Откуда здесь, в глухом подвале,
Куда не вхож житейский гул,
Та, перед коей трепетали
Берлин, и Вена, и Стамбул?

...А было так: царицын поезд
Из доброй дюжины карет,
От долгой тряски успокоясь,
Остановился на обед.

Царица, с позевотой вместе
Перекрестив державный рот,
Спросила: «Это чьё поместье?
Не Полотняный ли завод?»

Не Афанасий ли Никитич
Здесь размахнулся, как король?»
А из ворот уже спешили,
Несли с поклоном хлеб да соль.

И чтобы на века восславить
Сей исторический момент,
Хозяин-льстец решил поставить
На этом месте монумент.

Ваялся он в самом Берлине,
Отлит усердно и умно...
Но отчего ж, простите, ныне
Он в месте тёмном и срамном?

С чего почтение пропало,
Чтобы царицу – в мрак тюрьмы?
Тому виной – правленье Павла,
Четыре года кутерьмы.

Оно, конечно, против правил –
Сменять забвением почёт...
Но знали все: к мамаше Павел
Имеет самый гневный счёт.

¹ Мать Натальи Николаевны в качестве приданого предложила Пушкину статую Екатерины II, отлитую во второй половине XVIII века в память о посещении императрицей имения Гончаровых.

Изгой, мамашей не допущен
До трона в сорок с лишним лет...
Какие мысли о грядущем
В нём накопили скорбный след?

Не раз, не два он слышал в спину –
Как кирпичом из-за угла –
О том, что внуку, а не сыну
Она корону стерегла.

Как в ссылку, в Гатчину отправлен
И даже там, вдали дворца,
Всегда боялся быть отравлен
Иль повторить судьбу отца.

И вот он – царь! Уж то-то страху
Меж лизоблюдов и льстецов:
А ну как он поставит плаху,
Как грозный прадед для стрельцов?

Настало время дней суровых
Для преданных царице слуг.
Вот и в семействе Гончаровых
Случился крупный перепуг.

Такие начались фортели!
Столь многих гнев его достал!
Как хорошо, что не успели
Поставить даже пьедестал!

На дню меняется погода
Сто раз... Следи за языком!
Молчок на все четыре года
О тайном кладе под замком.

Курьёзов смачную копилку
Могла отныне украшать
Царица, сосланная в ссылку,
От сына спрятанная мать.

«Сик транзит gloria», царица.
Едва ль ты думала о том,
Что будет образ твой пылиться
В прямом соседстве со скотом.

...В сарай таинственный допущен
В серьёзной роли жениха,

Смотрел на это диво Пушкин,
И странных мыслей вороха

Его томили... В самом деле:
Как на развилке трёх дорог
Здесь всё сошлось: нехватка денег,
Любовь, история и торг.

«Поклон всем почестям, возданным
Фелице в давние года,
Но этот памятник приданным
Считать – увольте, господа!

А ведь считает дед Натальи,
Идеей этой озарён,
Что остаются лишь детали:
Обговорить её с царём –

А он иль выкупит (поставить
В достойном месте), иль на медь
Позволит статую расплавить...
Но как сказать о том посметь?

Коль монументу места нету,
То медь всегда была в цене.
А вдруг и впрямь удастся мне
Перевести её в монету?

Ах, то бы был исход счастливый!
Хотя, меж нами говоря,
Вопрос довольно щекотливый:
Расплавить бабушку царя?!

Похоже на злоумышленье,
На дерзкий вызов: на виду
У всех предать уничтоженью
В горящей топке, как в аду...

Ну что толочь, как воду в ступе?
Пора надежды отложить:
На медь не сдать, а царь не купит.
Сумела тёща удружить!»

...Вот так и гениям – чего там! –
Своё диктует быта власть.
К его бесчисленным заботам
Ещё и эта приплелась.

Николай ПОЛОТНЯНКО

ТЁМНАЯ СИЛА

- 1 -

Электрик Ронжин прожил две трети из своей предпенсионной жизни точно так же, как её проживают все не обременённые высшим образованием русские мужики, не торопясь, не задумываясь, не обижаясь на судьбу, что она определила ему своё счастье жить на краю областного города в рубленой избе и вот уже два десятка лет вкручивать лампочки и чинить электропроводку всему околотку, получать за это зарплату в жилищно-коммунальной конторе. Бывали у него, и не так уж и редко, шашки, но эти деньги он жене не отдавал, тратил в основном на выпивку, к которой приохотился незаметно для себя самого. Правда, водка ещё не взяла над ним верх, и они существовали как бы на равных: то она вдруг без всякого повода

понесёт его к магазину, то сам он среди застолья вдруг возьмёт и заартачится: не буду пить – и баста!

– Как не будешь, Лёха! – начинали шуметь мужики. – Ты деньгами, как и все, вложилась, а теперь как? Отливать тебе твою долю от общей бутылки?.. Нет уж, ты не дури, пей свои сто пятьдесят – и катись на все четыре стороны!

– Другой раз больше плеснёте. Меня нынче дома ждут.

– Нет, другого раза не будет, – настаивали собутыльники, но Ронжин не оглядываясь покидал компанию, чем вводил кого в недоумение, а кого в радость оставленной водкой.

Проходил день, другой, иногда и неделя, и Ронжин не брал в рот ни капли, а потом наступали дни, когда он вечером без бутылки домой не являлся, ставил её на обеденный стол

и говорил тревожно поглядывающей на него супруге:

– Сооруди-ка, Мария Кузьминична, на закусточку что-нибудь существенное...

– Борщ на плите, там же котлеты, вермишель, – отвечала жена и уходила в свою комнату, где сразу начинала кашлять и стонать. Она уже пятый год маялась от затяжной простуды, доктора то находили у неё лёгочное заболевание, то оно вдруг само собой рассасывалось, но от этого ей легче не становилось. Одышка и слабость в ногах заставили её расстаться с живностью, а Ронжины держали и коз, и свиней, как, впрочем, и все, кто жил на их улице, которая заканчивалась заболоченным лугом, поросшим осокой, камышом и мелким кустарником.

Вот и сегодня, выпив стаканчик водки, Ронжин до пота хлебал горячий и густой борщ, затем выпил ещё стаканчик, спросил супругу:

– Кроли ещё не все передохли?

– Кто их знает? – сказала Мария из своей комнаты. – Я из дома не выходила. Сил никаких нет. Еле-еле смогла картошки для борща начистить.

– Ладно, я пойду, гляну, – он поднялся со стула и заглянул к жене. – Тебе что-нибудь надо?

Мария подняла на мужа измученный взгляд.

– Присядь рядышком, Лёшенька. В обед я прикорнула и сон видела, что постучался к нам старичок. Я вышла на крыльцо, а он говорит: «Хвораешь, доченька?» – «Хвораю, да так, что сил моих нет!» – «А я затем и пришёл, чтобы помочь твоему горю». Я говорю: «Не руки же мне на себя накладывать?» – «Зачем, – говорит старичок, – как только тебе муж скажет, что ты умерла, так и будет».

– Ты, часом, не чокнулась? – хмыкнул Ронжин.

– Я и сама в этот сон не верю, – тихо сказала Мария. – Но вдруг это правда?

– Что правда? – не понял Ронжин.

– То, что ты одним словом сможешь избавить меня от мук, – горько вымолвила Мария. – Ведь сил у меня нет дальше болеть. Болею, бо-

лею, а конца-то нет... Чем это я Богу не угодила, что он меня не берёт к себе?

Жалко стало до слёз Ронжину свою Марию, он сглотнул сухой комок в горле, смахнул с глаз слезинки, взял её руку и прижал к своим губам.

– Не горюй, ты не одна, – прошептал он. – А чему быть, того не миновать.

– Так-то оно так, – вздохнула Мария. – Только больной здоровому плохой товарищ и никудышный помощник. Ты лучше скажи мне это слово. Сразу и я отмучаюсь, и ты.

Ронжин резко встал и молча вышел из дома. Сел на крыльцо, закурил и задумался. Затем достал из кармана мобильник и позвонил дочери. Он хотел поделиться с ней тем, что услышал от Марии, но пока шли сигналы вызова, передумал. Дочь была на шестом месяце беременности вторым ребёнком, и её не стоило беспокоить выдумками больной матери. Поэтому спросил первое, что пришло на ум:

– Как вы там?

– Как всегда. Вася патрулём ушёл по гарнизону, Олежка спит, а я постирушками занялась. А как ты, как мама?

– Пока живы...

Выключив мобильник, Ронжин подумал, что пора опорожнить очередной стограммовый стаканчик водки и уже начал подниматься на ноги, как вдруг его ожгла мысль, что ведь он не далее как несколько дней назад на этом же самом месте произнёс те слова, которые его только сейчас со слезами на глазах умоляла сказать Мария. Сказал, правда, наедине с самим собой, не прошептал даже, а в уме, но ведь сказал. И пусть никто их не слышал, но он-то об этом знает. Но если знает человек, то об этом неизбежно знает и Бог.

«Чёрт меня дёрнул за язык, – сокрушался Ронжин. – Делов-то, кипятючку плеснула случайно на штаны, а как я взбеленился, и вымастерился, и, выбежав на крыльцо, пожелал ей поскорее загнуться. А Марии сегодня сон как раз подоспел, хотя говорят, что сон в руку до обеда, а она после обеда заснула».

Он встал с крыльца и прошёлся по двору, пытаясь отвлечься от дурных мыслей каким-нибудь делом. Дом был старым, но ещё

крепким. Дед срубил его после Гражданской войны в родной деревне, где он простоял до конца пятидесятых годов, когда отец, устав маяться с молодой женой в заводском бараке, раскатал его на брёвна и собрал на трёх сотках земли, которые ему выделили под домовладение на окраине города.

За последующие полвека своего стояния дом оброс всякими постройками – сараем для дров и угля, хлевом, где держали корову, курятником, голубятней, баней и «царским местом», куда хозяева не заглядывали, потому что все удобства со временем были устроены в доме: и ванная с душем, и туалет, и водяное отопление. Дворовые постройки были сколочены из досок и жердей и сильно обветшали, а кое-где и насквозь прогнили, но Ронжин почему-то не сносил их, хотя надобности в них не было. Несколько кроликов содержались в бывшем деревянном сарае, и хозяин сам присматривал за ними.

Мысль о том, что слово проклятия всё-таки было им произнесено, поразила Ронжина, и он на какое-то время даже забыл по дороге к крольчатнику, куда направился.

«Как же я это так?» – с недоумением вопрошал он, глядя то в небо, покрытое непроглядной облачной мглой, то упёршись взглядом в землю. Ответ на вопрос являлся довольно скоро и без всякой подсказки со стороны.

«Я ведь пожелал худа до того, как ей приписался этот проклятый старикашка! – обрадовался он. – Значит, всё, что было до его слов, не имеет силы».

На радостях он хотел остограмниться, почти шагнул на крыльцо, но удержал ногу и мысленно пообещал себе, что никогда не произнесёт этого слова – ни в хмелю, ни в трезвости. И в этой клятве не было вранья. Ронжин любил свою Машеньку, но избегал признаваться в этом и ей, и самому себе даже в молодости, когда им случалось сходить для сладкой потехи. В последние годы из-за болезни жены это было всё реже и реже, а пару лет назад Ронжин и вообще переселился из спальни в другую комнату, чтобы поставить в этом вопросе супружеской жизни окончательную точку.

Однако повелевают своей натурой только монахи, и то не все, а Ронжин был вполне здоровым мужиком, едва переступившим за своё сорокапятилетие, который не гнушался ни горьким, ни сладким. Только где этого сладкого взять, чтобы не попасть впросак перед супругой, которая нет-нет да и поглядывала на него испытующим взглядом и со слезой в голосе вопрошала:

– С кем это ты, Лёшенька, вчера припоздился?

– Как где, на шабашке был. Проводку на даче ставил с Серёжкой. А ты что подумала?

– Тут и думать нечего, – повздыхав, говорила Мария. – На шабашке был, а явился трезвый как стёклышко.

– Я и сейчас с работы пришёл трезвый. Нет, ты говори, что у тебя на уме?

– Ничего у меня там нет, – начинала заливаться слезами Мария. – Дура я, дура!..

В ответ на бабий укор Ронжин уходил в крольчатник, включал свет, усаживался на табуретку и устраивал для успокоения нервов газетную читку вслух.

– Так, как там поживает госпожа Васильева, королева «Оборонсервиса»?..

Кролики прядали ушами, поблёскивали раскосыми очами и поначалу вели себя смиренно. Однако выдержки хватало ненадолго, зверушки начинали возню, толкотню. Ронжин грозил им пальцем и укоризненно выговаривал:

– И не надоело вам шоркаться день и ночь? Вы не в Австралии. Это Россия. Вот выкину на мороз, так сразу поймёте, каково здесь жить и размножаться.

- 2 -

Потоптавшись возле крыльца, Ронжин прошёл в палисадник перед домом, раздвинул куст красной смородины и, сорвав несколько веточек с переспелыми ягодами, освежил пересохший рот сладковато-кислым соком. Хозяйским глазом оглядел фасад и подумал, что надо бы обновить покраской оконные наличники и рамы. Подумал и тут же забыл – в кармане тренькнул мобильник, но пока Ронжин

его вынимал, умолк. Он глянул на определитель номера и хмыкнул: это давала о себе знать Лялечка, мол, позвони мне, как освободишься. Ронжин прошёл к северной глухой стене дома, воровато оглянулся по сторонам и нажал на клавишу вызова абонента.

– Хочешь, угадаю, где ты сейчас находишься? – пропела Лялечка.

– И где же?

– Смотришь, как и я, по телевизору сериал? Угадала?

– Ем с куста смородину.

– Какая прелесть! – воскликнула Лялечка. – А у меня опять лампочка перегорела. Требуется электрик.

– Оформи, как положено, вызов в ЖЭУ, – жарко выдохнул Ронжин в трубку.

– Может, обойдётся без формальностей? – хихикнула Лялечка. – У меня к тебе серьёзный разговор.

Ронжин выключил мобильник и усмехнулся. С Лялечкой не соскучишься, она, несмотря на свой сороковник, была всегда весела, игрива и сумела свои отношения с ним сделать приятной для обоих и ни к чему серьёзному не обязывающей забавой. Ронжин, хотя и был знаком с ней более двух лет, никак не мог понять, когда она говорит правду, а когда прикалывается, и на все его попытки уличить её в выдумках отвечала, жеманно топыря губки:

– Ах, что мне делать, если я всегда права!

Однако Лялечка не была простушкой и о себе ничего не рассказывала. Ронжин про неё знал только то, что она была замужем, но по какой-то причине не родила. Кирпичный особняк достался ей от родителей, сумевших оставить своей дочери внушительное даже по современным меркам домовладение с садом и огородом, которые хозяйка содержала в порядке, используя наёмных работников, благо, что безработных в округе было полным-полно.

– Ах, что мне делать, если я так умна! – восклицала Лялечка всякий раз, когда ей удавалось облапошить в своём салоне оккультных услуг доверчивую клиентку.

Ронжина проницательная гадалка заполучила в свои сети не с помощью карт, присуш-

ки и других хитростей. Он достался ей даром. Сам пришёл, вопреки хамским повадкам сантехников надел поверх своей обуви бахилы и осведомился:

– Показывайте, где и что у вас не работает.

Лялечка восхищённо глядела на медицинскую обувь электрика, и в её обвешанной бигуди голове тренькнуло: «Это он...»

И, указав на перегоревшую лампочку, кинулась наводить марафет.

– Что я могу поделать, если вижу любого мужчину насквозь, – сказала она зеркалу, подсушивая кудёрушки феном. – Он явно не хам, весьма пригож, и руки у него чистые, и ногти подстрижены...

Ронжин, не догадываясь, что хозяйка производит ему ревизию, вкрутил новую лампочку, щёлкнул выключателем и осмотрелся в комнате. Она была довольно уютной: мягкий диван, круглый стол посередине на толстых вычурных ножках, в каждом углу по невысокому узкому шкафу и вдоль стены несколько стульев. Ронжин подошёл к столу и стал заинтересованно разглядывать довольно большой, размером с волейбольный мяч, прозрачный, по-видимому, хрустальный шар, покоившийся на чёрной пирамиде-подставке. Лёгким касанием пальцев он привёл шар в движение, и тот из прозрачного вдруг стал молочного цвета, затем снова приобрёл прозрачность, по нему, вспыхивая, пробежали крохотные огоньки, которые отразились на потолке и стенах.

– Извините, я нечаянно коснулся шара, – сказал Ронжин, заслышав шаги хозяйки.

– Что я могу поделать, если этот шар привлекает внимание мужчин больше, чем хозяйка, – прощепетала Лялечка. – Но я должна вам сказать, что лампочки у меня перегорают одна за другой.

– Надо проверить проводку, – сказал Ронжин. – Но это не входит в обязанности дежурного электрика.

– Приходите вечером, часиков в восемь, и проверьте всё что нужно, – томно произнесла Лялечка и взяла Ронжина за руку. – Вы такой большой и сильный.

Она положила свободную руку на шар и посмотрела ему в глаза.

– Что я могу поделать, если я так обаятельна? – произнесла Лялечка, и Ронжин почувствовал, что эта женщина необычайно притягательна и красива и даже чем-то ему душевно близка.

– Хорошо. Продолжим наш разговор вечером. Вы ведь молчун, я угадала?

Ронжин пожал плечами, подтверждая догадку хозяйки.

– Вот видите: просто сама не знаю, что мне делать, если я всегда права?

– А чем плохо быть всегда правой?.. – сказал Ронжин, направляясь к выходу.

На улице он обернулся, но никого не увидел ни в окнах, ни на крыльце и не спеша отправился домой, где его ждала хворая жена, раздумывая над тем, что с ним произошло. И, зайдя в калитку своего дома, вынужден был признать, что Лялечка его заинтересовала и манерой своего поведения, и простодушной откровенностью, и кое-чем ещё, что Ронжин намеревался изучить и оценить уже сегодняшним вечером.

Хотя Ронжин не имел опыта самовольных отлучек из дома, это у него получилось как бы само собой.

– Кстати, Маруся, один из наших электриков попросил его подменить на дежурстве с восьми и до полуночи. К нему гости понаехали...

– Возьми с собой что-нибудь перекусить, есть пирожки с ливером, свежие.

«То ли я делаю?.. – спросил себя Ронжин, глядя, как жена заворачивает пирожки в бумагу. – Одно утешает, что об этом она не узнает, хотя пора бы ей и сообразить, что природа своё требует. Взять тех же кроликов. Как-то крольчиха сдохла, так кроль от тоски и скуки всю клетку погрыз. На нас, людей, посмотреть в тот же телевизор – один бабах да трах-перетрах...»

Приободрившись, Ронжин отправился на таптывать дорожку к дому Лялечки и очень быстро так поднаторел в этом деле, что мог дойти до него с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться, в смысле что ни разу даже не

был заподозрен Марией в супружеской неверности, а тем более в ней уличён.

- 3 -

Словом, повадился Ронжин ходить к Лялечке, как кувшин по воду, и, получив приглашение, оседлал велосипед, который только затем и приобрёл, чтобы поспешить к своей зазнобе, и скоро был возле знакомого дома, который, надо сказать, находился через три улицы. Перед тем как войти, он тренькнул несколько раз велосипедным звонком, но хозяйка не выглянула в окошко, как бывало, и Ронжин своим ключом открыл высокую глухую калитку, вошёл во двор, прислонил велосипед к крыльцу и отворил входную дверь.

Иногда игривая не по годам Лялечка встречала его на пороге, чтобы броситься желанному гостю на шею, но веранда была пуста, и Ронжину вдруг почудилось, что кто-то мимо него прошёл и расшевелил воздух, оставив за собой ощутимый след. То, что кто-то здесь только что был, подтверждали и открытые двери в сени и в комнаты. Ронжин оглянулся: дверь на веранду с крыльца, которую он только что плотно прикрыл, была полураспахнута. И ему вдруг стало зябко от сквозняка, хлынувшего из дома на улицу, и почти неудержимо захотелось убежать отсюда и не возвращаться никогда. Скорее всего, он так бы и поступил, но вспомнил о Лялечке: может, с ней что-то случилось.

Ронжин быстро вошёл в комнату и обомлел: Лялечка с закрытыми глазами лежала на диване и была мертвенно бледна. Он её окликнул, но ответа не дождался и, осторожно приблизившись к дивану, коснулся женского колена. По телу Лялечки пробежала дрожь, она дёрнулась и, открыв глаза, испуганно вскрикнула.

– Не надо так со мной играть, – обиженно произнёс Ронжин. – Я ведь и вправду решил, что тебе плохо.

– Что я могу поделать, если я... – начала в своей обычной манере Лялечка, но вдруг икнула и схватила его за руку. – Он ещё здесь?..

– Кого ты имеешь в виду? Здесь никого нет. Разве здесь кто-то был?..

Лялечка медленно поднялась с дивана и, ведя гостя за руку, обошла все комнаты, заглянула во все подсобки, даже в подпол.

– Вроде никого. Значит, он ушёл.

– Про кого ты говоришь?

Лялечка подошла к столу, схватила магический шар и поднесла его к глазам.

– Он умер, – трагическим шёпотом произнесла Лялечка.

– Кто умер? – Ронжин обнял плачущую женщину и усадил на диван. – Кто умер?..

– Мой шар, – всхлипнула Лялечка. – Он его умертвил.

– Нет, у меня, дорогая, от тебя голова кругом идёт, – начал сердиться Ронжин. – Я, пожалуй, отчаю. Меня кролики ждут, с ними и помолчать приятно. А у тебя что-то сегодня невесело. Говори: что с тобой случилось после того, как ты мне позвонила?

– Я звонила?.. Не помню, – Лялечка сжала ладонями виски. – Я помню лишь то, что хотела тебе позвонить. Но вдруг мне стало не по себе, я села на диван. Подняла голову и увидела старичка...

Ляля умолкла, а Ронжин, поражённый услышанным, вскричал:

– Что дальше было? Дальше!

– Он мне сказал, чтобы я перестала с тобой греховничать... Брось, сказал, его, если живой хочешь быть... Я ему такое, говорит, горе приготовил, что мало не покажется...

– Значит, старичок приходил? – скривился Ронжин и, поднявшись, подошёл к окну.

– А ты что, его знаешь? – воскликнула Лялечка.

– По-моему, знать такое – это по твоей части. Я работяга, электрик, на меня в ЖЭУ за этот год, да и за прошлый, ни одной жалобы не было, а тут такой наезд. И что это за старичкашка в нашем районе объявился? Моей жене он тоже являлся.

– Это тёмная сила, – прошептала Лялечка. – И ты её ко мне привёл.

– Может, не надо ля-ля?.. – вспыхнул Ронжин. – Тёмная сила!.. Я знаю одну силу – силу электричества. А всё остальное, извини, бабий треп.

Ронжин вышел из комнаты, но скоро вернулся с бутылкой водки и двумя рюмками.

– Ничего, что я похозяйничал? – развязно сказал он, откупоривая зубами бутылку. – Сейчас мы всю тёмную силу разгоним, а мало покажется – ещё нальём. Правда, Лялечка?

Она попыталась улыбнуться, но смогла только сморщить губки и взяла поданную ей рюмку подрагивающей рукой. Ронжин, наперекор чувству страха, который начал ощутимо познабливать ему нутро, напустил на себя весёлость. Лихо опрокинул в рот одну, а за ней и другую рюмку водки, облапил и притиснул к себе подрагивающую Лялечку и уже примеривался, как бы удобнее опрокинуть её на диван, как по железной крыше дома забарабанили капли дождя, в открытые форточки пахнуло грозовой свежестью, где-то совсем близко, совсем рядом с потяготливым треском начал громыхать и грохотать гром и засверкали молнии.

Лялечка вырвалась из ослабнувших объятий Ронжина и, подбежав к книжным полкам, начала что-то искать, перекладывая книги, блокноты, журналы и декоративные безделушки.

– И что вы там ищете, мадам? – икнув, осведомился Ронжин, успевший выпить уже четвертую рюмку водки. – Наверно, что-нибудь особо ценное, что вполне мог спереть или стырить – впрочем, неважно, как это назвать, – украсть этот мерзкий старичкашка.

– Господи, ну куда же она подевалась! – воскликнула Лялечка и уронила на пол стопку книг. – Наконец-то!

Она опустила на колени, что-то взяла в руки, прижала к губам и, закрыв глаза, начала взад-вперёд покачиваться.

Ронжин, освободив очередную рюмку от содержимого, подошёл к ней и с трудом разжал плотно сомкнутые руки женщины.

– И как тебя понимать? – сказал он, разглядывая совсем маленькую иконку с изображением Богородицы и младенца Иисуса. – Ты что, верующая?

Резкий удар грома потряс жилище. Он был такой силы, что рюмки на столе заприплясывали, и на полке книжного шкафа зазвонил будильник. Ронжин подошёл к нему, отключил

и услышал, как Лялечка, что-то пробормотав, замолкла. Он повернулся к ней и увидел, что она стоит на коленях и едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

– Я не смогла перекреститься, – всхлинула Лялечка. – Руку подняла, а куда опустить, не знаю...

– Если не удалось помолиться, то, наверно, в самый раз согрешить, – дурашливо хохотнув, сказал Ронжин. – Прячься подо мной и забудь всё плохое.

Он распахнул руки и попытался обнять Лялечку, но она отбежала к дальней стене и крикнула:

– Уходи! Я не могу и не хочу тебя видеть!

– Как уходи? – опешил Ронжин. – Ты что, меня выгоняешь?

– Уходи! И забудь сюда дорогу.

Ронжин не обиделся, по строгому счёту Лялечка его забавляла, но душу не затрагивала. Сегодня она была не в себе и могла устроить скандал, и это его испугало.

Он с сожалением глянул на оставшуюся водку, шагнул к столу и опорожнил досуха бутылку из горлышка.

– Счастливо оставаться, мадам!

Он сделал два шага и остановился, надеясь, что она его окликнет, но этого не случилось, Лялечка была так удручена случившимся, что ничего не видела и не слышала. Ронжин сделал ещё шаг, и в этот миг из окна ему ударил в глаза луч солнца, Стало тихо, и откуда-то с улицы донёсся жалобно-требовательный плач котёнка.

– Ну я пошёл! – произнёс он внезапно севшим голосом и толкнул дверь, хотя покидать жилище ему совсем расхотелось.

Дверь на веранду оказалась входом в почти непроницаемую темноту. Грозовые тучи опять налезли друг на друга, ливень хлынул с прежней силой, в небе с треском ломались молнии и оглушительно загрохотал гром. Открыв дверь на крыльцо, Ронжин увидел на нём освещённого молниевой вспышкой мокрого чёрного котёнка, который зашипел и, выгнув спину дугой, пошёл ему навстречу.

– Ах ты, гад, – пробормотал Ронжин и попытался обойти его стороной, но котёнок, зашипев, прыгнул, вцепился ему в штанину и, вонзая когти в тело, полез по человеку наверх. Это было неожиданно и потому очень страшно. Ронжин схватил котёнка, отодрал его от одежды и отбросил в сторону. У него мелькнула мысль вернуться в дом, но он усилием воли подавил приступ слабодушия и сбежал с крыльца, где на него обрушились почти непроходимые потоки ливня.

Вытащив за калитку велосипед, он взгрозился на него, поставил ногу на педаль и ужаснулся: чёрный котёнок был рядом и готовился опять вцепиться ему в штанину. Ронжин, толкая велосипед перед собой, выбежал на почти сплошь покрытый потоками воды уличный асфальт, забросил ногу через сиденье, что есть силы надавил на педали и помчался по улице, рискуя каждый миг упасть наземь и расшибиться.

Дальше переднего колеса велосипеда ничего не было видно. Вода лила как из ведра сверху, летела из-под колёс снизу. Вспышки молний временами освещали улицу, и Ронжин пристально вглядывался вперёд, чтобы не пропустить поворот на свою улицу. Своего преследователя он не видел, но тот был рядом, и стоило только чуть притормозить, как котёнок давал о себе знать шипением и противным плачущим криком.

Повернув на свою улицу, Ронжин попал в ещё большую темноту из-за высоких и густых тополей, которые, намкнув, с порывами ветра обрушивали на него добавочные к ливню потоки воды. До дома оставалось не больше сотни метров, это Ронжин понял по тому, что асфальт закончился, дальше шла насыпная – глина и щебень – времянка. Велосипед забуксовал, и он, сойдя с дороги на тропку, покатыл его, ругая себя за то, что не остался у Лялечки: лежал бы сейчас на чистых простынях – так нет, попёрся спать в грозу и ливень. Однако вполне здравые рассуждения вмиг испарились, когда Ронжин увидел впереди себя взъерошенное и мокрое существо, которое, посверкивая глазами и оскалив клыки, приближалось из зарослей

акаций. По виду это был всё тот же котёнок, только он стал много крупней, клыкастей и когтистей. В этот раз он не шипел, а двигался в полной уверенности, что от него некуда деться. Это понял и Ронжин и похолодел от ужаса. Его преследователь был от него не более чем в двух метрах и припал к земле, чтобы прыгнуть со всех четырёх лап, но человека спас заложенный в нём инстинкт самозащиты. Он швырнул велосипед на изготовившегося к нападению врага. Жалобно тренькнул велосипедный звонок, лапы зверя попали между колёсными спицами, и, он, почувствовав боль, заверещал и задёргался, как в капкане.

Удар грома побудил Ронжина к действию, и он не выбирая пути рванул изо всех сил напрямик через огородные зады к своему дому. Ноги несли его сами, страх придал ему силы, и забор своего огорода он преодолел одним махом, подбежал к крыльцу и как подкошенный рухнул наземь. Его сразило то, что возле двери его встретил всё тот же котёнок, правда, ставший вчетверо больше, чем тот, что явился в первый раз на Лялечкином крыльце, но это был он. И последнее, что увидел Ронжин перед тем, как в его глазах померк белый свет и на него обрушилась гробовая тьма, были громадные когти, нависшие над ним, как вилы, и он завопил, пронзительно, истошно и безнадежно.

- 4 -

Хотя гром и ливень продолжали бесчинствовать над околотком, до Марии донеслись вопли подгулявшего мужа, и она, встав с кровати, вышла в коридор и включила наружный свет перед домом. Затем сунула ноги в галоши, открыла замок и, отшатнувшись, перекрестилась: на лежавшем лицом кверху муже сидел котёнок, который, увидев хозяйку, жалобно замыкал и юркнул под крыльцо.

Озябший под проливным дождём Ронжин зашевелился, привстал на четвереньках и попытался залезть на крыльцо. Наконец с помощью жены он преодолел ступеньки и разлёгся на досках, положив голову на порожек сеней.

– Вставай, – сказала, всхлипнув, Мария. – Ведь простынешь, на тебе нитки сухой нет.

Ронжин открыл глаза, неузнаваемо глянул на жену и стал подниматься на ноги.

– Давай я тебе помогу, Лёшенька. Держись за меня. Вот так. Теперь присядь на скамеечку, а я тем временем ванну приготовлю. Я котёл сегодня включила.

Ронжин тяжело опустился на крылечную скамеечку и полез рукой во внутренний карман пиджака. Нашупал смятую пачку сигарет, попытался закурить, но спички не загорались, а только шипели.

– Дай в зубы, чтоб дым пошёл, – пробормотал он.

– Что дать-то?

– Спички, видишь, у меня намокли. Хотя погоди, – Ронжин выплюнул сигарету и заоглядывался. – Ты тут ничего такого не видела?

– Чего такого я должна была видеть?

– Ну такого, похожего на кошку, – подрагивающим голосом произнёс Ронжин. – Только побольше.

– Если котёнок похож на кошку, – сказала Мария, – то его я видела.

– Где?

– На тебе сидел и пищал. Почему ты об этом спрашиваешь?

Ронжин, не ответив, чиркнул о коробок спичкой, и она загорелась. Прикурив, он недовольно буркнул:

– Чего ждёшь? Иди, делай, что надумала.

От выкуренной второпях сигареты у него закружилась голова, воспоминания путались, одна картина мешалась с другой, он много помнил из того, что с ним было в доме Лялечки, а всё дальнейшее заслонил постоянно увеличивающийся в размерах котёнок. И только Ронжин о нём подумал, как из-под крыльца явственно донеслось мяуканье и шипение, а затем послышалось царапанье когтей по железу.

«К водосточной трубе примеривается, – содрогнувшись, понял он. – Хочет забраться на чердак и устроить там своё логово».

– Пойдём, Лёшенька, я воду приготовила, – сказала Мария. – Идём, я тебя поддержу.

В сенях она заставила его снять с себя мокрую одежду, и когда он в одних трусах вошёл в ванную, вскрикнула.

– Где же ты так оцарапался? И ноги, и руки, и спина, и даже лицо – все в царапинах. Глянь на себя в зеркало.

Пока Ронжин рассматривал себя в зеркало над умывальной раковиной, Мария успела найти домашнюю аптечку и начала обрабатывать царапины зелёной.

– Ты мне должен сказать: откуда у тебя царапины?

– В малиннике оцарапался.

– Не лги, – строго сказала жена. – Я медсестра со стажем и вижу, что тебя оцарапали или ногтями, или ещё чем-то похожим.

– Ясно: ревнуешь, – усмехнулся Ронжин. – Да не бабьи эти царапины, а кошачьи, точнее котёночьи.

– Это я и хотела выяснить, – сказала Мария. – Я сразу поняла, кто тебя оцарапал. И это, скорее всего, котёнок, которого я видела.

– Пусть котёнок, и что?

– А то, Лёшенька, что он наверняка бешеный.

Ронжин от нечего делать почитывал популярную медицинскую литературу и о бешенстве кое-что знал.

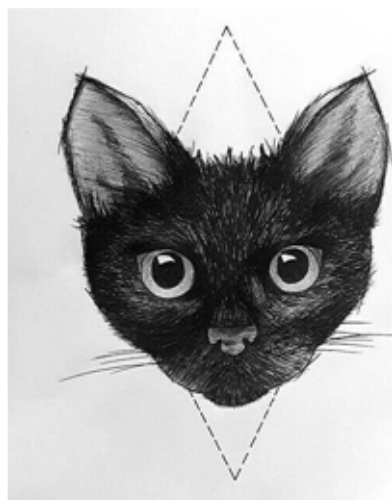
– Ты считаешь, что эта тварь... что эта тварь заразила меня водобоязнью? – с трудом сглотнув слюну, прохрипел он.

– В любом случае уколы ставить надо. Так что купаться не будем. Надень всё чистое, а я вызову «скорую».

«Раскомандовалась, – хотел сказать Ронжин, но не сказал. – Ожила, что ли? И разругалась, и глаза поблёскивают, точно у здоровой. Видно, ей моя беда пошла на пользу».

На вызов медики явились без промедления и сразу принялись искать источник инфекции – котёнка, но не нашли. Ронжина доставили в травмпункт, осмотрели и уложили на больничную койку под капельницу, хотя он сопротивлялся и уверял всех, что здоров. Но когда ему сделали укол в живот и объяснили, что в течение полугода ему нельзя пить хмельного, то он притих и от жалости к себе слегка прослезился.

Домой Мария вернулась под утро. Открыв калитку, она насторожилась, выглядывая котёнка. В какой-то миг ей почудилось, что он стоит на балясине крыльца, но заголосил соседский петух, оповещая на всю округу, что время тёмной силы подошло к концу, и хозяйка прошла в дом без всякой опаски. Она уже решила, что пойдёт к утрени в храм и после неё упросит бабушку освятить своё жилище.

Никас Сафронов. Унесенные ветром. х.м. 60x50. 2015

Никас Сафронов. Человек - стихия. х.м. 50x35. 2007

S. NIKAS

Евгений ХАРИТОНОВ

Евгений Николаевич Харитонов родился и живёт в г. Белгороде. Член Союза литераторов при Белгородском отделении Союза писателей России.

Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия – За правду» (г. Москва, 2022 г.).

Лауреат многих всероссийских и международных литературных конкурсов.

Более 100 публикаций в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъём», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Александръ», «Нижний Новгород», «Невский альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский вестник», «Пять стихий», «Наша молодёжь», «Крым», «Метаморфозы» и т. д.

Автор книги стихотворений «Абрикосовая осень».

СИРОТЫ ДОНБАССА

Не стреляйте в меня, я и так вас боюсь
И поэтому прячусь в подвале.
Каждый вечер я Господу Богу молюсь,
Чтоб в меня никогда не попали.

Закрываю глаза, снова вижу во сне,
Как горят небеса над посёлком
И как мама в крови подбегает ко мне,
Чтоб собою укрыть от осколков.

Как на кухне лежит неподвижно сестра,
А в руке её плюшевый мишка.
И прошепчет кому-то потом медсестра:
«Сиротю остался мальчишка».

Я бежал ото всех неизвестно куда,
Вытирая солёные слёзы.
И, свалившись на снег, попросил я тогда,
Чтоб меня погубили морозы.

Но какой-то солдат вдруг обнял горячо,
Будто смерти порвал пуповину.
И на ужин в своём котелке мне ещё
Он оставил еды половину.

Но под утро ушёл за речной перекаат,
Сунув мне сухари и тушёнку.
А потом много раз был восход и закат,
И подвал словно норка мышонку.

РУССКИМ, УБЕЖАВШИМ ИЗ СТРАНЫ

Нет, не вы распрощались с Россией!
Нет, не вы оборвали с ней связь!
А она вас с подошвы струсилась,
Как случайно прилипшую грязь!

И теперь, изнывая до одури,
Осознав, что её нет родней,
Вы божитесь, что всё в мире отдали б,
Лишь бы снова топтаться по ней.

Нет, иуды, не смейте и пробовать
Замолить перед Богом грехи.
Вашим душам отныне жить впроголодь,
Русской крови своей вопреки.

Хоть не скоро рассвет, я от мысли проснусь:
«Как найти мне хоть крошку к обеду?»
Но я вытерплю всё и пред Богом клянусь,
Что дождусь непременно Победу!

* * *

Засвистели свирепые ветры
Над моею великой страной.
До войны не года – километры,
И её не пройти стороной.

Снова нам уготовано свыше
Встать за русские земли стеной.
Я порою отчётливо слышу,
Будто молится кто за спиной.

Отгоняю от сердца тревогу,
Обернуться на голос боюсь.
Вдруг увижу, как молится Богу
На колени припавшая Русь.

МОЛИТВА

Посмотри, к чему пришли мы, Боже.
Сколько зла посеял человек.
Придержи хоть Ты, Всевышний, вожжи
Той войны, что не видал наш век.

Что сулит всему земному шару
От руки напыщенных глупцов,
Знаешь Ты! Прошу же, помешай им
Из живущих сделать мертвецов.

Поругай детей своих беспечных.
Накажи, как любящий отец.
Кто вину не примет – не калечь их,
Прозревает даже и слепец.

Укажи на слабость и проступки
И добавь им разума извне,
Чтоб пошли друг другу на уступки
Прежде, чем весь мир сгорит в огне.

Род людской, увы, не безупречен
И горазд на подлые шаги.
Но тобой он создан и помечен.
Не оставь нас, Боже. Помогите!

АНГЛОСАКСЫ

Перепили, наверное, виски
Англосаксы, решив на корню
Уничтожить Россию мою.
Покажите, пожалуйста, списки,
Кто из них будет с нами в раю?
Вдруг послышался мне голос Божий:
«Англосаксы в тот список не вхожи».

АЛЁШКА

Стросил меня сосед Алёшка,
Лет десять, кажется, ему:
– А правда то, что понарошку
Ввязались русские в войну?

Он не желал к себе притворства
И взглядом требовал ответ.
Хоть детям врать довольно просто,
Но мне пришлось ответить: «Нет!»

* * *

Возвратите мне Россию,
Ту, где мать меня растила!
Где берёзовые рощи
Шелестят в душе моей.
Ту спокойную Россию,
Где не видели насилья!
Где из-под озёрной толщи
Мы ловили окуней.

Возвратите мне Россию,
Где к семье любовь привили.
Где нас с детства приучили
Верным быть своей стране!
Ту богатую Россию,
Где нас досыта кормили
Из того, что мы взрастили
На своей, родной земле!

Возвратите мне Россию
С соловьями в небе синем
И бескрайними полями,
Где цвела золотая рожь!
Ту Великую Россию,
Что нам деды подарили,
Где от нашей, русской силы
Мир охватывала дрожь!

Анатолий АРЕСТОВ

Нодился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях «Юность», «Наш современник», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Волга – XXI век», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Сибирь» и др. Автор книги в двух частях «В потоке поэзии».

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Просторы родные: кружит вороньё,
Ругаясь над жнивой пшеничной,
Поодаль деревня – разрушил её
Не голод, а блеск заграничный!
Распалась страна, потянула на дно
Народ невинный с собою.
Осталось открытым в избушке окно,
Где ветер играет с судьбою...

ПРИЗНАНИЕ

Степь, проснись румяным утром,
Дай зарок в беде помочь!
Осознать, что в мире мудро,
И признать, что нужно прочь
Отогнать, как ветер гонит
Омертвевшие листья.
Надоело жить в погоне...
Степь, поможешь? Можешь ты
Наставлением душистым
Вновь насытить сердца плоть?
В мрачном мире снова чистым
Стать отныне, побороть
Зло в себе, себя стирая,
Как дожди сбивают пыль
С придорожных трав, сдирая
Наносное? Дай костыль
Той погубленной морали,
Что я бросил от погонь
За распутным, где дышали
Мраком ярости, в огонь
Забирая душу... Можешь,
Степь моя, в беде помочь?
Знаю, ты одна поможешь –
Больше некому помочь...

РАБОТЯГИ

За бетонным забором завода
На машинах возили металл,
Повседневная трудность – работа,
Повседневная данность – забота,
Для России ковал капитал
Без сомнений и лишних вопросов
Благородный рабочий мужик.
– Эй, Михалыч, уважь папиросой
И грязищу-то вымой под носом.
– Закоптился! «Болгарочка» – «вжик» –
разлетелся кружок на осколки.
Ты чего отдыхаешь?
– Курю!
– Приварил арматуру?
– А толку!
Отошла от жестянки. Недолго
Всё держалось... Сейчас доварю.
...За бетонным забором завода
На машинах возили металл,
Повседневная трудность – работа,
Повседневная данность – забота,
Прибавлял для страны капитал
Наш мужик...

РАННЯЯ РОСА

Поля разлеглись на просторах России
Под небом осенним в дождливые дни...
Денно и ночью крестьяне косили,
Грузных комбайнов горели огни
В мрачную полночь, шумящую ветром,
Пыль уносящим в зовущую даль.
Скошено поле метры за метром!
– Слушай, Иваныч, домой не пора ль?
Что-то роса увлажнила маленько.
Всё забывает. С зернишком аврал!
– Да уж! Сегодня чего-то раненько
Росы упали. Ты бункер набрал?
– Полный!
– Дождёмся водилу иль ходом?
– Ходом давай! Разгружается MAN.
Скошено поле, и грузным исходом
Плыли комбайны в белёсый туман...

Тоскливо зимой и даже жутко, когда по ночам мучают цветные сны, после которых при пробуждении не можешь сразу понять: что реальность, а что сон и где граница между ними. Спишь больше обычного и не можешь выспаться, каждое утро встаёшь с тяжёлой головой, как с похмелья. Дни летят, как перелётные птицы к берегам неведомой земли. Рабочие будни вообще стираются из памяти, если не произойдёт чего-нибудь слишком значимого. За окнами белым-бело и, можно сказать, как в сказке, но не замечаешь этого. День короток и туманен, как кино... Чёрно-белое кино. Редко с кем видишься – не хочется. Порой долго никому не звонишь, не отвечаешь на звонки. Многие обижаются. Вроде вину должен чувствовать, угрызания совести, но нет – не чувствуешь. Только зло берёт, что донимают. И мысли какие-то скомканые... Всё чаще думаешь о смерти. Двадцать пять лет всего – ещё на одну жизнь хватит, а думаешь о смерти. В детстве тоже думал, но иначе – боялся. Бабушка никак не могла понять, вразумляла: «Ты это брось! Нам

с дедом по столько лет, скоро преставимся, а о смерти не думаем, не боимся!» А сейчас о смерти думаешь как о лекарстве, путешествии, избавлении. И особенно как-то относишься теперь к кончине. Не злобной старухой себе смерть представляешь, не скелетом в капюшоне с косой, а скорее, явлением природы: закатом, угасающим на горизонте; грозой, разрывающей молниями небо; ливнем, заливающим город; туманом, устилающим долину. Ближе смерть становится, можно сказать, роднее. Только как с ней ни роднись, а понять, почему она забирает самых близких, а не тебя, невозможно. Спросишь у людей, отмахиваются, говорят: «Глупо думать о смерти, нужно жизнь устраивать. Пусть тяжело, а жить надо». И никто будто не боится. Но когда смерть на пороге, меняются все одинаково, если, конечно, трагически не погибают, не успев осознать, что время пришло. Чувствующих приближение собственной смерти можно прочитать, как книгу. Увидишь незадолго: задумчивые они, долго смотрят на тебя не отрываясь, но много не говорят. Спокой-

ные, тихие, грустные. И глаза у них одинаково печальные, большие, как море. Приглядишься, а в них уже небо просматривается. Когда узнаёшь об их кончине, особенно если человек тебе дорог, понимаешь, что прощались они с тобой при последней встрече навсегда. Те, кто сами уходят, особенные. Их бывает сложно прочитать и понять. Чужая душа – потёмки...

Такие мысли не давали спать ранним воскресным утром Алексею. Который час в ожидании рассвета он ворочался в одинокой сырой от пота постели и никак не мог заставить себя подняться. Полгода назад у молодого человека умерла жена от клещевого энцефалита. Заболевание развивалось настолько быстро, что спасти её не удалось, несмотря на своевременное обращение к врачу. После этого жизнь для Алексея потеряла всякий смысл. Часто слышишь это клише: «жизнь потеряла всякий смысл», но как описать лучше необъятное горе одномоментно ставшего маленьким, с маковое зёрнышко, человека, напрочь выпавшего из реальности и не видящего никого и ничего вокруг?.. Каждое утро Алексей выезжал на работу в банк, где был клерком средней руки, машинально совершал необходимые дела и возвращался домой по давно знакомому маршруту, как ежедневно ходит по расписанию электричка. Вечера и ночи он проводил в одиночестве: тупо смотрел телевизор или лежал на диване, глядя в потолок. После пережитой трагедии он замкнулся. Алексея не покидали мысли о любимой супруге, он видел её живой в своих сновидениях, где они по-прежнему были вместе, счастливые, любящие друг друга, строящие планы на будущее. По приезде домой Алексей впадал в замешательство и застывал в прихожей. Ранее распространявшийся по квартире аромат ужина, приготовленного женой, встречающей его с работы, заменился отвратным запахом одиночества, тоски и боли. Молодой человек проходил в комнату и обессиленно падал на диван. Только в выходные он заставлял себя выйти на улицу, сесть в машину и поехать на кладбище навестить жену.

Сегодняшний сон напугал Алексея. Жена приснилась ему не как обычно: она влетела в

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

Родился в 1987 году в г. Горьком. Окончил Нижегородское речное училище им. И. П. Кулибина, юридический факультет ННГУ им Н. И. Лобачевского. В подростковом возрасте окончил нижегородскую музыкальную школу № 11 им Б. А. Мокроусова по специальности «флейта». Работает юристом в частной компании.

Стихи были опубликованы на сайтах «Российский писатель», «Русское воскресенье», в газете «День литературы», журналах «Наши современник», «Невский альманах», «Север», «Великоросъ», «Артбухта», «Огни над Бией», «Молодая гвардия», «Нижний Новгород», «Зарубежные задворки» (ZAZA), «Вокзал», «Родная Кубань», Bellissimo, в других газетах, альманахах и сборниках.

Автор двух сборников стихов: «Человек дождя» (2012), «Мозаика раненой нации» (2015).

Член Союза писателей России с 2016 года. Лауреат и дипломант нескольких поэтических конкурсов. Участник форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья. Помимо поэзии увлекается музыкой. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

комнату из окна белой бабочкой, обратилась собой в подвенечном платье и подседа к нему на диван. Гладила его щёки и целовала так, что Алексею казалось, будто всё происходит наяву. Он буквально ощущал поцелуи и прикосновения своей жены, только они были холодными. Она говорила ему тихо, с материнской заботой (Алексей помнил каждое слово): «Лёша, милый, не расстраивай меня, следи за собой! И не плачь обо мне. Мне теперь хорошо!» И гладила, гладила его по голове и щекам.

Он проснулся затемно возбуждённый. За окном хороводила зима. Февральская вьюга разносила жгучий мороз по улицам и дворам города, пытаясь проникнуть сквозь щели в дома, выла в водосточных трубах, ухала в подъездах и стучала в окна. Поняв, что больше не заснёт, Алексей встал с дивана. Голова кружилась от недосыпа и от голода. Он подобрал с пола джинсы и толстовку, оделся и прошёл в зал. Отпил воды из стоявшего на столе стакана. Взял с полки ключи от машины. Обулся, накинул зимний пуховик и вышел из дома. На улице валил снег. Его огромные хлопья, носимые шквалами ветра, дувшего то в одну, то в другую сторону, быстро налипли на лицо и одежду. Алексей завёл машину, расчистил выезд от снега и двинулся на кладбище. Ехал неспешно, видимость была практически нулевая. Проезжая часть походила на лыжную лесную трассу. Машина то и дело виляла кормой, теряя сцепление с дорожным полотном. Снег налипал на дворники, и, чтобы видеть, куда ехать, приходилось останавливаться, выходить из машины и очищать их.

На кладбищенских воротах висел замок. Другой дороги на кладбище Алексей не знал. Он вышел из машины и направился в вагончик, стоявший поблизости у ограды. Постучался, на возглас «Кто?» вошёл внутрь. В помещении, похожем на бытовку, пластами лежал табачный дым и пахло затхлостью. За грязным деревянным столом сидели два мужичка в потрёпанных фуфайках и распивали водку. «Вероятно, охранники или могильщики», – подумал Алексей. Мужички удивлённо уставились на него, один из них спросил:

– Чё надо?

– Здравствуйте, – Алексей старался быть как можно более вежливым, – прошу вас, откройте ворота, мне нужно проехать к могиле.

– А не рано помирать собрался? Твою могилу, поди, уже снегом завалило. – Мужики, довольные своей шуткой, захохотали.

– Мне нужно проехать на могилу к жене, – спокойно ответил Алексей, не обидевшись.

– Да куда ты собрался, сейчас сугробы по пояс. Не то что на твоей легковушке, на тракторе не проедешь.

– Я заплачу, – Алексей протянул мятую пятисотку.

При виде денег мужики переглянулись и замялись. Один из них кивнул другому, и тот, забрав деньги и сунув их в карман фуфайки, пробасил:

– Пошли. Но случись чего, сам за себя отвечай!

Ворота открыли, и Алексей поехал по кладбищу, высвечивая фарами кресты и танцующие в воздухе снежинки. Кладбищенскую дорогу занесло. Маленький «гольф», как моторная лодка, наваливался на снег и пыхтел, понемногу продвигаясь вперёд. Иногда автомобиль сносило, и он застревал, тогда Алексею приходилось расчищать снег лопатой и с раскочки выезжать на колею. Снег по-прежнему валил не переставая. Разморённого автомобильной печкой, не выспавшегося Алексея клонило в сон. Он не заметил т-образного перекрёстка и, не повернув, проехал прямо. «Фольксваген» нырнул в кювет, включённые фары окрасили снег перед капотом в жёлтый цвет. Алексей пытался откопать автомобиль, но тщетно – машина села на «пузо».

«Ну и чёрт с ней!» Он бросил лопату, сел за руль, откинулся на сиденье и мгновенно уснул.

...И проснулся от холода. Двигатель заглох, через незакрытую дверь в салон машины и на одежду молодого человека навалился снег. Вьюга не стихала. Алексей вышел, и огромная волна тоски, злости и одиночества накрыла его с новой силой вместе с этой метелью, которая, казалось, нарочно не даёт ему добраться до могилы жены.

«Ничего, дойду пешком, а машину вытащу потом», – подумал Алексей и пошёл по сугробам, на месте которых ещё недавно была расчищенная дорога. Перед глазами стояла белая пелена снега, сквозь которую страшными очертаниями выступали кресты и памятники. Он шёл не разбирая пути, и всё вокруг казалось ему незнакомым, несмотря на то, что на кладбище он ездил каждую неделю. В отчаянии Алексей стал звать на помощь. «Эй! Кто-нибудь, помощи-и-ите! Помогите-и-ите!» Крики растворялись в окружившей его вьюге, и он уже не

слышал сам себя. Ноги проваливались глубоко в сугробы, усталость подкашивала. Ничего не видя, молодой человек упал в снег. Вдруг сделалось спокойно. Метель укутывала его мягким тёплым пледом.

И вновь пришла жена. Обняла его. Алексей почувствовал на щеках прикосновения её ладоней. Она обиженно посмотрела ему в глаза и сказала: «Лёша, милый, просыпайся. Вставай! Тебе ещё не время. Не страдай так. У меня всё хорошо. – Она по-детски улыбнулась. – И у тебя всё будет хорошо!»

Алексей очнулся, вскочил на ноги, отряхнул пуховик и огляделся по сторонам. Он не мог понять, что произошло: метель прекратилась, воздух был прозрачен и чист. Перед ним стоял засыпанный снегом памятник. Он смахнул с него снег и оцепенел: с фотографии на памятнике на него смотрела любимая жена...

Когда Алексей открыл глаза (вероятно, он опять потерял сознание), двое мужиков, которым он заплатил за проезд на кладбище, держали его под руки и трясли.

– Да ты что, совсем охренел! – один из них, крупный и небритый, орал, дыша перегаром в лицо молодому человеку. – Говорил я, он нас под суд подведёт!

– Повезло тебе, парень, – второй, высокий, был настроен дружелюбнее, – если б мы тебя так быстро не нашли – оочурился бы и снегом завалило!

Алексей хотел что-то ответить, но силы оставили его. Из рта вырвался только хрип. Мужики подхватили молодого человека и понесли к своему уазу.

– Если б я не настоял проверить, – говорил высокий мужик, явно обрадовавшийся найти

парня живым, – бедой бы обернулось. Пурга-то какая была!

– Ага, ладно, следы не занесло, – согласился второй, успокоившись.

– Я, когда его «немца» в кювете увидел, с распахнутой дверью, подумал, совсем с катушек съехал человек. Не найдём!

Они усадили Алексея на заднее сиденье уазика, укутали пыльным пледом. Сами сели спереди. Крупный мужик, который кричал на него, протянул стакан водки: «На, выпей, согреешься!» Алексей выпил, по телу растеклась тёплая истома. И снова мысли скомкались. Он уже не помнил, как оказался рядом с этими мужиками на кладбище и как он чуть не замёрз на могиле своей жены. Алексей прислонился головой к окну и заснул. Мужики закурили, высокий завёл машину и тронулся. Вырулив на колею, спросил:

– Спит?

– Спит, спит, – обернулся назад второй.

– Надо будет его на матрасе положить.

Днём можно попробовать его машину трактором вытащить.

– Ты видел могилу-то, на которой он лежал? Видать, жена его.

– Похоже. Говорил, что к ней едет.

– Молодая, жалко.

– Жалко, да.

– А в наши-то годы только бы сбежать куда от них. От баб этих спасу нет!

Мужики начали в голос смеяться, но, вспомнив о спящем пассажире, замолчали. Задумались. Старенький уазик медленно полз по заваленному снегом кладбищу, покачиваясь из стороны в сторону. На горизонте свечой разгорался рассвет.

ЛАКОНИЗМЫ

Валерий РУМЯНЦЕВ

Все мы – коллекционеры упущенных возможностей.

Иногда нужно пройти весь путь до конца, чтобы понять, что заблудился.

Светлые моменты уходят быстро, но освещают, когда вспоминаешь о них.

Любой исторический день заканчивается тем, что наступает ночь.

Умереть за идею легче, чем сражаться за неё всю жизнь.

Весна меняет цвет наших чувств.

Никто не составил антологию глупых мыслей. А зря!

В театре жизни зрителей не бывает.

Слишком сильные чувства приводят к параличу мысли.

Полководцев рождает война.

Всегда можно найти повод, но не всегда потом можно избавиться от него.

Жесты бывают умнее слов.

Многие в жизни так основательно заблудились, что ищут себя годами.

Не так страшны амбиции, как их последствия.

Образ жизни – это реализация образа мыслей.

Прежде чем обвинять, подумай. Возможно, тут требуется защита.

Всё проходит, но не всё оставляет след.

Ошибка, которую ещё не совершил, поджидает тебя завтра.

Гром аплодисментов не доказательство истины.

Несовершенные ошибки ждут своего часа.

Разум – враг любой религии.

Когда испытываешь тёплые чувства, душа согревается.

Неизбежность – это то, что бежит рядом с нами.

Музыка – это сочетание звуков, в котором нуждается сердце.

Настоящие праздники в календарях не нуждаются.

Они пытаются сохранить лицо, меняя маски.

Иногда жизнь улыбается нам, но чаще смеётся над нами.

Дорогу к истине открывают сомнения.

Если нет попутного ветра, включай мотор знаний.

Поскреби любую манию величия – и увидишь комплекс неполноценности.

Даже высокие чувства имеют потолок.

Кто шагает в ногу со временем, тот вместе с ним и спотыкается.

Глупость, сделанная качественно, надолго остаётся в памяти.

Начать новую жизнь легко, трудно закончить старую.

Иной поставит перед собой цель – и простоит всю жизнь перед ней как вкопанный.

Знания не гарантируют мудрости.

Храбрость – это чувство, победившее страх.

За всё в жизни приходится платить, но многие рассчитывают на скидки.

Он нашёл своё место в жизни, но оно уже было занято.

Жизнь – это миг, в который вмещаются годы.

Нас учит жизнь, а нам кажется, что мы занимаемся самообразованием.

Внутренний голос – это суфлёр, склонный к импровизации.

В своё удовольствие можно жить только за счёт чужого.

В богах правды нет.

В океане лжи часто встречаются айсберги правды.

Жизнь – это лабиринт, в котором любой путь ведёт к выходу.

Есть настолько глубокие мысли, что многие боятся к ним даже приблизиться.

Муки совести переносятся труднее, если совесть чиста.

Если оставил след в жизни, тебя найдут и на том свете.

В каждом из нас сидит адвокат собственных поступков и прокурор чужих.

Карликовые партии возглавляют гиганты бутафории.

Реклама не двигатель прогресса, а его выхлопные газы.

Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять.

Радости желудка быстро перевариваются. К кормушке пробираются прежде всего те, кто уже сыт.

Жизнь – это бочка дёгтя, в которой нас удерживает ложка мёда.

Жизнь коротка, но руки у неё длинные.

Падая в пропасть, поздно смотреть под ноги.

Своя глупость роднее, чем чужая.

Поэзия жизни скрывается в её прозе.

У будущего большие амбиции.

Среди проходимцев тоже есть первоходцы.

Впадая в крайности, рискуешь свалиться в пропасть заблуждений.

Поражение можно представить как победу, если заменить цель.

Единственное постоянство в мире – это постоянные изменения.

Горькие мысли имеют лечебные свойства.

Прожить ярко – значит осветить путь другим.

Понять чужую боль можно, если имеешь свою.

Поэтическая строка должна вмещать в себя страницу прозы.

В старости мы совершаем те глупости, которые не успели сделать в молодости.

Любую революцию порождает власть.

Главное – не получить урок, а усвоить его.

Вилять хвостом умудряются даже те, у кого его нет.

Без вдохновения любой труд – каторга.

Для воспитания сердца нужны примеры, для воспитания ума – знания.

Сжигая за собой мосты, иные сгорают вместе с ними.

На вершину власти идут по трупам тех, кто теряет власть.

Кто твёрдо решил быть счастливым, станет им.

Самые выразительные высказывания делаются молча.

Цель всех страданий – заставить нас действовать.

Современная массовая культура оскорбляет мой вкус.

Страшны не тупики, а длительность выхода из них.

Терпение – фундамент любого дела.

За душу берёт то, что волнует не только сердце, но и разум.

Головокружение от успехов – хороший фундамент для будущих поражений.

Не существует капитализма с человеческим лицом. Есть капитализм, надевший маску гуманизма.

Трудно научиться жить, ещё труднее научиться умирать.

Говорят, стучитесь – и вам откроют. А что будет дальше, не говорят.

Вначале было Слово. А уж потом началась болтовня.

Блестящая речь способна ослепить разум слушателей.

Рай на земле невозможен, но можно разрушить дорогу в ад.

Свобода, купленная за бесценок, подвержена инфляции.

Главная опора в жизни – надежда.

Жизнь перестаёт смеяться над нами, когда мы перестаём плакать над ней.

На вечные вопросы все ответы временные.

У желаний нет выходных, но есть праздники.

Интонация часто важнее слов.

Даже тот, у кого ничего нет, может потерять последнее, что у него осталось.

Когда увлекаются формой, о содержании не задумываются.

В будущее человечеству всегда приходится идти по бездорожью.

Если в голову стучится бредовая идея, отвечайте, что у вас все дома.

Избыток удовольствий порождает их недостаток.

Чем глубже истина, тем больше шансов захлебнуться заблуждениями.

Наличие ума не гарантирует присутствие совести.

Большинство проживают жизнь так, что видят лишь её контуры.

Между войной и будущим миром дистанция огромного размера.

Злой умысел часто маскируется под глупость.

Чтобы найти истину, нужно пройти через лабиринты ошибок.

В поисках истины часто попадают в объятия заблуждений.

Чтобы подняться на вершину знаний, нужно сбросить с плеч багаж заблуждений.

Оставаться человеком труднее всего среди нелюдей.

У каждого своя дорога заблуждений.

Препятствия – жизненная необходимость.

Как ни крути, а внутренний мир человека находится в зависимости от внешнего.

У многих жизненный опыт – всего лишь багаж заблуждений.

Сомнения – стимул для поиска истины.

Выбирая врагов, не промахнись.

Мало иметь в руках козыри, нужно научиться пользоваться ими.

Будущее обещает. Когда оно становится настоящим, забывает про свои обещания.

Далеко не все мысли, пришедшие в голову, способны пройти цензуру.

У хорошей книги есть один недостаток: она быстро заканчивается.

Если бы всё было в наших руках, мы бы их не опускали.

Когда вокруг поют птицы, за спиной растут крылья.

Стремиться к идеалу – это каждый день становиться лучше, чем вчера.

Боль учит, как избавиться от неё.

Информированных много, думающих мало.

Все победы временные.

В любом закате зреет рассвет.

Врагов можно забыть, друзей – никогда.

В поисках попутного ветра в жизни многие поднимают паруса глупости.

У человека всегда есть шанс сделать такую ошибку, которую до него не делал никто.

Мало иметь за спиной крылья, нужно ещё научиться летать.

Жизнь – это череда экзаменов, многие из которых приходится сдавать без подготовки.

Иногда, чтобы идти вперёд, нужно вернуться.

Самое большое несчастье – жить только потому, что ещё не умер.

Опустив якорь, паруса не поднимают.

Внутренний мир человека только тогда чего-нибудь стоит, если он способен улучшить внешний.

Жизнь слишком коротка, чтобы считать её длинной.

Если мысль цепляет за душу, она пропитана чувством.

Гениальное произведение всегда на злобу дня.

Есть только один способ выйти из тупика: не стоять на месте.

Ложь быстро бежит, но рано или поздно спотыкается. Правда идёт медленно, и падение ей не грозит.

Если хочешь поглупеть, начинай спор с дураком.

Собственный опыт – единственная ответственность, которую невозможно потерять.

Бежать от любви можно, убежать нельзя.

Вдохновение – лучший тонизатор в любом деле.

Если логика не убеждает, используйте интонацию.

Вражда – это антипатия, которой дали волю.

Когда идут в атаку, о поражении не думают.

Потеряешь бдительность – найдёшь беду.

Не жди прихода лучших времён. Время умеет только уходить.

Время – невидимка, оставляющий следы.

Сколько возможностей прошло мимо нас, а мы их так и не заметили.

Порыв – это сплав воли и вдохновения.

Ничего не напутал известный шлягер грозных лет?

***Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война...***

Песня сочинена, предположительно, одним из украинских советских поэтов в период с 22 июня по 29 июня 1941-го и быстро распространилась по стране. Как говорят, из песни слова не выкинешь... А из самой военной истории?

Живёт ещё в подмосковной глубинке одна четырёхсотлетняя старообрядческая деревня Селиваниха Орехово-Зуевского округа. Сейчас в ней чуть более ста жителей. А в начале прошлого века жило в десять раз больше. Чем прославилась деревушка?

А тем, что в ней родился будущий адмирал советского флота Иван Дмитриевич Елисеев (1901–1974), участник трёх войн – гражданских в России и Испании и Великой Отечественной. Инициатор первого боевого приказа 22 июня 1941 года, за час до официального объявления войны. В свете имевшей место в то время команды «не поддаваться на провокации» боевой приказ земляка требовал большого мужества.

После Испании в числе других советских офицеров-интернационалистов Елисеева удо-

стоили ордена Красной Звезды. Боевую награду в Москве герою вручал лично Калинин. В дальнейшей службе на Черноморском флоте Иван Дмитриевич последовательно прошёл путь от начальника штаба бригады крейсеров до начальника штаба флота.

В историю Великой Отечественной приказ контр-адмирала об открытии огня вошёл как первый отданный на уровне всего советского флота против фашистских самолётов, направляющихся бомбить Севастополь. Благодаря правильному решению именно 22 июня Севастополь успели защитить. В противном случае в известной песне «Двадцать второго июня» могли бы появиться иные слова...

В послевоенные годы подвиг адмирала Елисеева почему-то замалчивали. Может, его приказ не совсем вписывался в хронологию войны? Даже в первые издания известных «Воспоминаний и размышлений» маршала Жукова вкрались досадные неточности в отношении названного события.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года начштаба Елисеев находился в штабе ЧФ, поддерживая связь с наркомом ВМФ СССР Николаем Герасимовичем Кузнецовым, при этом извещая командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского о складывающейся обстановке.

Обратимся к мемуарам маршала Жукова, а также к воспоминаниям адмиралов Кузнецова

и Елисеева. И объективно взглянем на ход событий последней предвоенной ночи 22 июня.

Жуков отметил, что первое сообщение о начале войны поступило в Генеральный штаб в 3 часа 7 минут 22 июня. В это время ему позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС [воздушного наблюдения, оповещения и связи] флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолётов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Датировка в мемуарах точная. Просто Октябрьский звонил Жукову, когда Елисеев уже отдал свой приказ. Ивана Дмитриевича сделали бы обязательно «крайним», если бы что-то пошло не так. Как известно, инициатива наказуема! По хронометражу адмирал Елисеев отдал приказ как бы без согласования с начальством. Время «03:07» – это своего рода алиби для командующего флотом Октябрьского, будущего Героя Советского Союза.

А что в своих воспоминаниях отметил сам адмирал Елисеев?

По его словам, «учитывая тревожную обстановку, договорились, чтобы в штабе флота ночью обязательно присутствовал кто-нибудь из старших начальников, облечённый правом в случае необходимости принимать ответственные решения».

В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил начштаба флота Елисеев. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье. В 01:03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она лежала у Елисеева на столе. Вскоре он вручил её прибывшему командующему флотом. Это был приказ Наркома ВМФ Кузнецова о переводе флота на оперативную готовность № 1.

Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала Елисеев приказал использовать первый способ. Но в штаб стали поступать сообщения, что переход на повышенную готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда он приказал сыграть базовую тревогу. Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01:15 22 июня 1941 года.

А что по этому поводу в мемуарах бывшего наркома ВМФ СССР Кузнецова?

Около 3 часов дежурному (Н. Т. Рыбалко – дежурный по штабу Черноморского флота. – Прим. авт.) сообщили, что посты СНИС и ВНОС (СНИС – Служба наблюдения и связи; ВНОС – Воздушное наблюдение, оповещение и связь) слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И. Д. Елисееву.

– Открывать ли огонь по неизвестным самолётам? – звонит начальник ПВО полковник Жилин.

– Доложите командующему, – отвечает начальник штаба. Рыбалко докладывает комфлоту.

И тут у них происходит разговор, который воспроизводится Н. Кузнецовым по записи дежурного.

Ф. С. Октябрьский. Есть ли наши самолеты в воздухе?

Н. Т. Рыбалко. Наших самолетов нет.

Ф. С. Октябрьский. Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны.

Н. Т. Рыбалко. Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф. С. Октябрьский. Действуйте по инструкции.

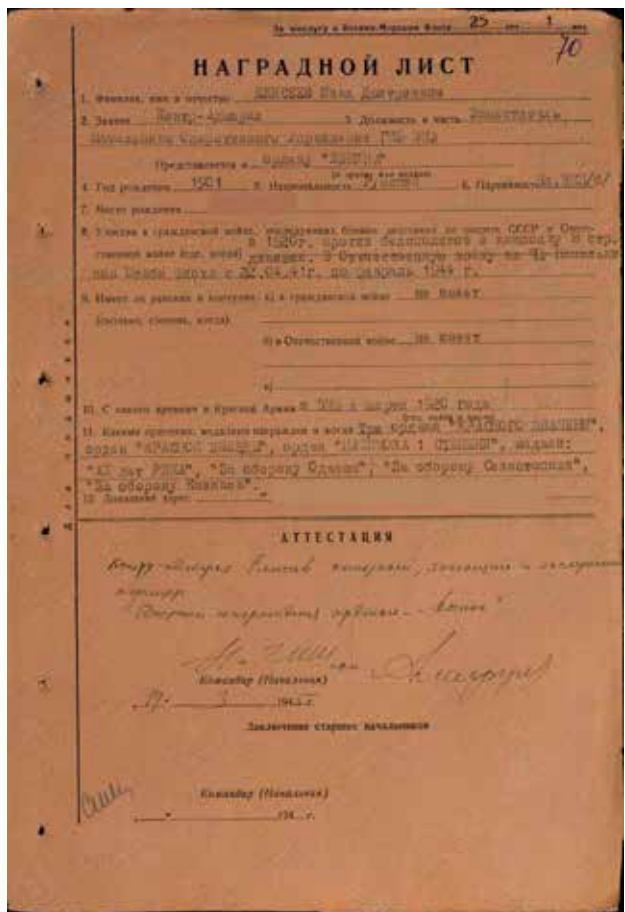
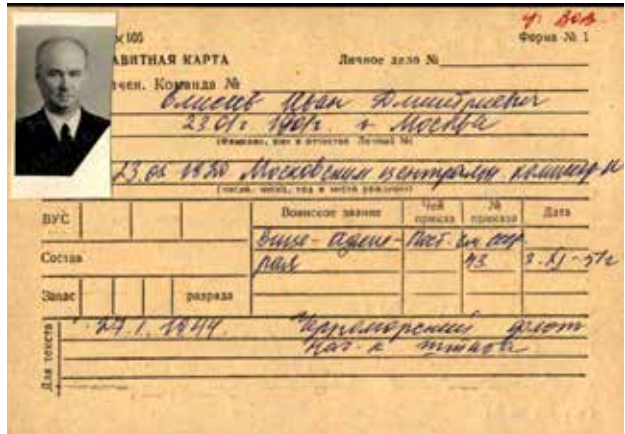
Кузнецов дословно приводит в своих мемуарах записи Н. Т. Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Адмирал пояснил, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне. Ведь дело касалось Севастополя – главной военно-морской базы Черноморского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным ещё в те минуты самолётам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой – не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали.

Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н. Т. Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И. Д. Елисееву:

– Что ответить полковнику Жилину?

– Передайте приказание открыть огонь, – решительно сказал И. Д. Елисеев.

– Открыть огонь! – скомандовал Н. Т. Рыбалко начальнику ПВО. Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

– *Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я запишу его в журнал боевых действий, – ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское «Есть!».*

3 часа 7 минут. Немецкие самолёты подходили к Севастополю крадучись, на небольшой высоте. Вдруг сразу вспыхнули прожектора, яркие лучи стали шарить по небу. Заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей. Несколько самолётов загорелись и начали падать. Другие торопились сбросить свой груз. У них была задача заблокировать корабли в бухтах Севастополя, не дать им возможности выйти в море. Противнику это не удалось. Мины упали не на фарватер, а на берег. Часть попала в город и взорвалась там, разрушая дома, вызывая пожары и убивая людей.

Мины спустились на парашютах, и многие жители думали, что это выбрасывается воздушный десант. В темноте принять мины за солдат было не мудрено. Невооружённые севастопольцы, женщины и даже дети бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов. Но мины взрывались, и число жертв росло. Однако налёт был отбит, и рассвет 22 июня Севастополь встретил во всеоружии, ошестившись орудиями, которые смотрели в небо и в море.

В Москве рассвет наступил несколько раньше. В 3 часа было уже всё видно. Кузнецов прилёг на диван, пытаясь представить себе, что происходит на флотах. Глуховатый звонок телефона поднял его на ноги.

– *Докладывает командующий Черноморским флотом. – По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Октябрьского Кузнецов понял: случилось что-то из ряда вон выходящее.*

На Севастополь совершён воздушный налёт. Зенитная артиллерия отражает нападение самолётов. Несколько бомб упало на город... На часах адмирала флота 3 часа 15 минут. Сомнений не осталось: «Война!» И он сразу же позвонил Сталину...

К вышесказанному добавим, что сохранилось доверительное письмо И. Д. Елисеева к Н. Г. Кузнецову, датированное 20 апреля 1970 года, где он ссылается на своё письмо в ЦК КПСС в отдел печати по поводу неточности, допущенной в книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Речь идёт об обстоятельствах, связанных с налётом немецкой авиации на Севастополь в начале войны.

Суть вопроса, сформулированная И. Д. Елисеевым в уже названном письме в ЦК КПСС:

1. *Налёт немецкой авиации на Севастополь был совершён в 3 часа 07 минут 22 июня 1941 г.*

2. *Обстоятельно об этом изложено в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне» на страницах 334–336. Н. Г. Кузнецов (в то время Нарком ВМФ СССР) рассматривает вопрос о том, как трудно было в тот период решиться на отдачу приказаний об открытии огня по летящим на Севастополь неизвестным самолётам, и на основании записок дежурящего в то время по штабу Черноморского флота Н. Т. Рыбалко объясняет, как произошло открытие огня. Из записок т. Рыбалко следует, что команду об открытии огня Комфлот Ф. С. Октябрьский не давал, применил угрозу, решение было принято нач. штаба ЧФ.*

3. *В свою очередь Ф. С. Октябрьский написал т. Рыбалко письмо, в котором пишет: «Когда мне т. Русаков (Командующий авиацией ЧФ) доложил о появлении неизвестных самолётов, я сразу же дал приказание открыть огонь. А после открытия огня и первых упавших мин лично доложил в Москву, найдя вначале Кузнецова, потом мне звонил Берия, потом начальник Генштаба Жуков». (Это написано Октябрьским 24 января 1966 г.)*

В книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» (издательство Агентства печати «Новости», 1969 г.) на стр. 247 написано: «В 3 часа 17 м. (а налёт фактически состоялся в 3 часа 07 м.) мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский и сообщил, что Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолётов. Флот находится в

полной боевой готовности. Прошу указаний». (А ведь Октябрьский пишет, что он отдал приказание открыть огонь, никого не спрашивая.)

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому: «Действуйте и доложите об этом своему Наркому». (Даже Г. К. Жуков не дал согласия на открытие огня, не доложив С. К. Тимошенко.)

Как видно из приведённых выдержек из книги Маршала Советского Союза Жукова, вопрос не прояснился, а запутан окончательно. Нам кажется, что при переиздании книги следовало бы это уточнить.

Вице-адмирал в отставке Елисеев И. Д.
20 апреля 1970 г.

В годы войны судьба приготовила храброму полководцу неожиданные повороты и зигзаги.

С мая 1942 по апрель 1943 года он заместитель командующего и начальник штаба ЧФ.

В апреле 43-го «за ряд военных неудач и больших потерь на флоте» снят с должности и до января 1944-го находился в распоряжении Управления кадров офицерского состава ВМФ. В марте того же года понижен в воинском звании до капитана 1-го ранга, однако уже в апреле в прежнем звании восстановлен. С апреля 1944-го – помощник начальника Управления – начальник второго отдела Управления боевой подготовки Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ СССР. С августа 1944 года – заместитель начальника Оперативного управления ГМШ ВМФ. После войны продолжил службу на флоте: с июля 1945 года – помощник начальника ГМШ ВМС, с марта 1947-го – заместитель ответственного редактора; заместитель главного редактора журнала «Морской сборник». С сентября 1948 года – начальник кафедры ВМС военно-морского отдела военно-морского факультета Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Декабрь 1949 – сентябрь 1951 года – главный редактор журнала «Морской сборник»; сентябрь 1951 – апрель 1953 года – начальник Научно-технического комитета Военно-морского

министерства. С апреля 1953-го – помощник начальника ГШ ВМС, заместитель начальника ГШ ВМФ СССР.

С декабря 1965-го – в распоряжении Главкома ВМФ СССР, с марта 1966 года – в отставке. Жил в Москве, скончался 28 сентября 1974 года, пережив на три месяца своего главного оппонента маршала Жукова. А бывший начальник и единомышленник Елисеева адмирал Кузнецов пережил его на два месяца. Это так, к слову.

Похоронен на старинном старообрядческом Рогожском кладбище Москвы.

На памятнике почему-то указано не-много иное время приказа, отданного Елисеевым 22 июня 1941-го, на минуту раньше... Среди наград героя-земляка – орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Нахимова 1-й степени, орден Ушакова 2-й степени, самый первый орден Красной Звезды (за Испанию) и боевые медали. Царствие ему Небесное и вечный покой!

Евгений ГОЛОДНОВ

КУБАНЦЫ В АЛАДЖИНСКОМ СРАЖЕНИИ

ИЗ КНИГИ «ТАМБОВСКИЕ РАТОБОРЦЫ. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ»

Андрей СКИЛУР-ХАЗИЕВ

...Командир полка Александр Миров объезжал свои сотни, успокаивал казаков.

– Вот ведь, война войною, а жизнь не остановить, – произнёс Александр Иванович, показывая нагайкою в сторону одной из дальних гор: там пастухи гнали на пастбище большое стадо овец.

– Что-то поздненько они идут, – прокомментировал увиденное командир 4-й сотни Александр Головин. – Может быть, мы тут своей стрельбою да шумом напугали местных жителей, вот они и не рискнули выводить отару на рассвете?..

– Очевидно, так, – продолжил разговор полковник Миров.

В последние месяцы Александр Иванович всё чаще беседовал с Александром Платоновичем, стараясь говорить на отвлечённые от войны темы.

– А вот у нас, в Ставрополье, хорошие луга в основном по рекам и в горах, а так, если вы бывали в наших краях, то знаете, что степи у нас вперемежку с песчаниками и солонцами, для скотоводства места эти неблагоприятные, – ска-

зал Миров. – У вас, на Кубани, – другое дело, там хорошо...

– Да, на Кубани – раздолье, красота... – мечтательно прикрыл глаза и заулыбался Головин. – А вот я бывал у родных в Тамбовской губернии, так там два раза за лето сено косят! А леса там какие! А реки!..

Есаул и не заметил, как отвлекся от проблем, забыл о жаре и жажде. Прислушивавшиеся к разговору офицеров рядовые казаки и унтеры последовали их примеру – стали вспоминать что-нибудь приятное из своей жизни.

– В Тамбове я не бывал, но случится оказия, поеду, посмотрю... Я тоже теперь кубанский казак, как и вы, Александр Платонович, и волею судеб теперь у нас единая дорожка, под одни и те же пули головы подставляем. Дай-то Бог вернуться нам к нашим семьям живыми... – закончил беседу полковой начальник.

– Держитесь, казаки! Скоро опять нам в бой, там мы про жару и воду быстро забудем! – крикнул полковник напоследок.

Русские войска с трудом отбивали напор вырвавшихся из Карса превосходящих сил противника.

– По коням!.. Вперёд... рысью... марш! – раздалась команда, и Ейский казачий полк вместе с драгунами и другими прибывшими из резерва конными частями направился к месту сражения.

Чем ближе казацки сотни к полю боя, тем больше встречались им трупы погибших воинов – по большей части турецких, но были и русские солдаты. Много раненых из обеих армий сидело вдоль Карсской дороги, ожидая приезда санитарных повозок. При этом окровавленные, часто без рук или ног, все в грязи, искалеченные турки и русские только стонали и молились, ни у кого из них в глазах уже не было ненависти друг к другу – лишь боль и страх. «Да, правильно говорят: смерть не различает национальностей, общая беда лишь иногда разъединяет людей, чаще – сближает...» – вдруг пришло на ум Александру Платоновичу Головину.

Он скакал по каменистой дороге, и впереди гремел гром, сверкали всполохи, всё сильнее пахло сгоревшим порохом, кровью и смертью.

В безоблачной и бескрайней глубине лазоревое небесное океана двигалось к своему зениту жаркое дневное светило, а вдали от него, на северо-востоке, парил в горячих струях воздуха, кружил над горными хребтами свободный во всём и гордый своим одиночеством хищный хозяин неба – орёл.

«Может быть, он видит с высоты нашу русскую землю? Шестой месяц я в этой проклятой Богом враждебной Турции, а так хочется хотя бы одним глазком увидеть родину!..» – снова промелькнула, будто огненная искра от большого костра, мысль. Но есаул Головин отмахнулся от неё: это полковник Милов виноват в таких размышлениях, это он любит говорить и вспоминать о бередящих сердце вещах... Да, не к месту такие мысли, когда ты идёшь в бой, возможно, в последний для тебя бой. Но ничего героического, пафосного почему-то не приходит на ум...

Казачи со свистом, драгуны-северцы с криком «ура!» налетели на турецкую пехоту. Зря солдаты подставляли под обрушившиеся на них сверху русские клинки ружейные приклады и

цевьё – шашки разносили в кровавые лохмотья их руки, плечи, головы.

Есаул Головин рубил сплеча, со всей силы, как дровосек, и вскоре его ладони, лицо, шею покрыли, словно краской, пурпурные брызги. Его движения были машинальными, годами заученными, в голове царил пустота, работали только глаза и руки. Вот молоденький, ещё безусый турок, испуганно пятась за спину пожилого однополчанина, наводит на Александра Головина свой штуцер «Пибоди-Мартини», нажимает на спусковой крючок. Бах! Пуля, взвизгнув, будто обидевшись на того, кто выпустил её из ружейного ствола, пролетела мимо уха казачьего офицера. Александр Платонович, не раздумывая, замахнулся шашкой над бритой, без фески, совсем беззащитной, какой-то даже детской головой – приблизился к ней своим лицом, и тебе в нос обязательно пахнёт этим незабываемым запахом ребячьих волос, свежего мыла, домашнего молока, ещё чего-то неуловимого, семейного. Шашка уже готова была разрубить юный череп, прервать молодую, неокрепшую жизнь, когда в последнее мгновение пожилой турок-пехотинец вдруг закрыл юношу своим телом. Клинок врезался старику в плечо и застрял в грудной клетке, Головин автоматически выдернул его, и солдат, неестественно сложившись пополам, головой вперёд упал под копыта головинского Черкеса. Молодой пехотинец воспользовался счастливым случаем и побежал, бросив ружьё, прочь. Только потом, после боя, вспомнив об этом, есаул начал гадать: а кто был тот пожилой усатый и опытный турецкий воин, отдавший жизнь за явного новобранца? Родственник, односельчанин? Или просто герой?..

Дружными усилиями пехоты и кавалерии русским удалось отбить вылазку Карсского гарнизона, турецкие войска с серьёзными потерями повернули в крепость.

– Вахмистра Люльку убили! – прокричал кто-то рядом.

Александр Платонович будто очнулся от тяжёлого обморока: забрызганное кровью потное лицо его словно отупело, оно ничего не выражало, глаза тускло, как старое оконное стекло, отражали окружавших есаула людей.

– Что... что? – наконец начал возвращаться в реальность Головин.

– Матвей Панкратович пропасть, смерть вин прынял... – склонил голову и снял папаху сотник Кубатиев.

Сотня спешила, все собрались в одном месте. На истоптанной лошадиными копытами, без единой травиночки, усеянной брошенным оружием, мёртвыми телами, обильно удобренной человеческой плотью земле лежал, раскинув руки, словно хотел обнять весь мир, и спокойно смотрел в лазурь небес старый кубанец – вахмистр Матвей Панкратович Люлька. Ничего, кроме маленькой дырочки на его черкеске прямо напротив сердца, не говорило о том, что казак неживой: так же чист и мудр, как раньше, его взгляд, так же свисают по углам слегка усмехающегося рта его седые «запорожские» усы, на голове оставалась папаха, в руке – шашка, и весь его облик говорил о желании просто отдохнуть после боя – полежать и поглядеть голубыми глазами в голубое небо.

– Ось бул Матвейко, да и нэма его... – горько заплакал, никого не стесняясь, другой ветеран, знавший Люльку не один десяток лет, – старший вахмистр Науменко.

Ветер играл белыми волосами старика.

У Головина запершило в глотке, из углов глаз сами собою выкатились слёзы.

Прискакал командир полка Миров. Он взглянул на казаков, обнажил голову, помолчав, произнёс:

– Мир праху его, добрый был казак. Знал я его, жаль Матвея Панкратовича. Ведь мог бы он

дома сидеть, внуков нянчить, но сам напросился в полк... Не забудем его, казаки, на обратном пути обязательно заберём его тело...

Александр Иванович помолчал ещё раз, надел папаху:

– Простите, станичники, но война – нетерпеливая дама. Нам приказано преследовать неприятеля, а поэтому – по коням, казаки!

Полк вместе с драгунами опять помчался по Карсской

дороге, но догнать быстро отступающего врага кавалеристы генерал-майора князя Александра Щербатова так и не успели – турки скрылись за стенами города и фортов перед ним...

... Последним аккордом той безумной и кровавой симфонии, которую исполняли в тот день, 20 сентября 1877 года, два оркестра – две противоборствующие армии, была лихая молодецкая атака Кубанского конного (казацкого) полка, «учинённая» поручиком лейб-гвардии Казачьего полка и флигель-адъютантом императора, храбрецом и красавцем Петром Михайловичем Орловым-Денисовым. Внук героя 1812 года, потеряв любимую жену – дочь графа Гагарина, записался волонтером в Кавказскую армию и добровольно отправился воевать с турками.

Уже смеркалось, когда османы предприняли очередную пехотную и конную атаку на русские части. Командир сотни граф Орлов-Денисов, всего-то двадцатипятилетний казачий лейб-гвардеец, не мог оставаться сторонним зрителем.

– Казаки! Станичники! А неужто не любо нам потешиться, поиграть шашкою в бою, когда басурманин грозит нам и нашим братьям-пехотинцам смертью? – обратился Пётр Михайлович к своей сотне.

– Любо! – ответили своему командиру кубанцы.

– Ну так слушайте приказ: шашки наголо... рысью... марш!

Сотня помчалась рысью, а потом и галопом так, что только подковы на лошадиных копы-

тах заблестели. Вслед за ней рванулись в бой и другие сотни Кубанского конного (казацкого) полка. Казаки так сплочённо налетели на турецкие цепи, что пехотинцы-османы в испуге попятнулись, а кавалеристы встретили русскую атаку совсем безнадежно.

– Бей их, руби нещадно! – скакал впереди всех молодой граф Орлов-Денисов и бросался с одной шашкою в самую гущу врагов.

Он явно искал смерти, но она его в тот раз пожалела, он погиб много позже, в другом бою...

Изрубив четыре десятка вражеских воинов, Кубанский казачий полк рассеял турецкую кавалерию по всем окрестностям.

Только спустившаяся на землю тьма остановила боевые действия сторон. Ночь прошла спокойно: и русские, и турки изнемогли от усталости, от потери.

Начальник сотни Ейского казацкого полка есаул Головин еле добрался до своей палатки. Ему снились Матвей Люлька, молодой турок и тот старик, которого Александр Платонович

зарубил: вахмистр весело улыбался, ободряюще подмигивал своему командиру, парень – турецкий пехотинец – тарашил испуганные чёрные глаза, а его спаситель в залитом кровью мундире сверлил есаула укоряющим взглядом. Но видения скоро исчезли, и Головин погрузился в сон, похожий уже на беспамятство...

От автора. 4 октября 1877 года, в 5 часов утра, вся Авлияр-Аладжинская группировка Анатолийской армии Турции капитулировала, Аладжинское сражение закончилось победой России. Русским сдались в плен семь генералов, 250 офицеров и 7000 нижних чинов.

Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич прибыл в войска и отметил победу на Аладжи смотром и парадом своих войск. Русское воинство в тот день сотрясало округу громовым «ура!». Впереди ещё был штурм города-крепости Карс и окончательная победа над врагом. Турки тогда очень хорошо запомнили русскую силу и дай-то Бог не забудут её и впредь...

«НАКОСЬ ВЫКУСИТЕ, МЫ ТУТА ХОЗЯЕВА!»,

ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ, КАК В 1809 ГОДУ У ШВЕДСКОГО РАТАНА РУССКИЕ СОЛДАТЫ ПРОГНАЛИ ШВЕДОВ В МОРЕ

...Колонна по два человека в ряд с трудом продвигалась по узкой, зажатой между деревьями лесной тропе. Впереди всех ехали конные казаки, которые ещё вчера изучили этот путь, за ними – пешие казаки, потом – мушкетёрские и егерские полки, позади всех – два неполных взвода митавских драгун.

В лесу сумеречно, пахнет смолой и грибами, кое-где по соснам прыгают хвостатые рыжие белки, с тропинки то и дело убегают мыши, уползают змеи.

Глебу Можарову знакомы все лесные запахи и звери, он житель «зелёного» Моршанского уезда, и лес для него, даже и в Швеции, – род-

ной дом. Он двигался, как ему было положено по уставу, во второй шеренге впереди драгунского отряда, зачехлённый штандарт бережно держал в правой руке, спасая от нависавших над тропею веток.

Дорога уходила влево и вскоре закончилась опушкой, за которой шумело Балтийское море. Ближе к берегу виднелись голубые мундиры шведской пехоты, в морском заливе – шведский флот адмирала барона Пуке. Где-то правее, за лесом, гремела пальба: там наступала русская колонна полковника Ивана Сабанеева, под её напором войска шведов всё сильнее прижимались к Ратанской пристани,

генерал граф Вахтмейстер, прикрываясь огнём корабельной и собственной артиллерии, ускоренно грузил своих десантников на лодки и баркасы и перевозил их на суда адмирала Пуке.

Войска Казачковского развернулись вдоль лесной опушки, солдаты готовили ружья.

– Расчехлить знамя! – приказал фанен-юнкеру Можарову его командир.

Шведы ошетились штыками, зажгли фитили у своих артиллерийских орудий. Они оказались в ловушке, капкан захлопнулся – русские прижали их к морю. Но Вахтмейстер всё ещё надеялся на силу шведской артиллерии.

– Зря надеется! Мы его сомнём и сбросим в море, как ненужный хлам! – осмелел командующий русским экспедиционным корпусом генерал-лейтенант Каменский.

Действовать быстро, нагло – нахрапом, пока противники не объединили свои силы, – этот принцип из суворовской «Науки побеждать» оказался самым любимым тактическим приёмом героя Альпийского похода 1799 года и сражения за «Чёртов мост».

В 16:00 он приказал своим войскам начать наступление, и обе части его корпуса пошли в атаку: с двух сторон затрещали барабаны, взвились вверх боевые стяги, громыхнули две имевшиеся русские пушки, и пехота Сабанеева

и Казачковского ринулась вперёд. Шведы незамедлительно ответили ружейной стрельбой и мощным огнём сухопутной и морской артиллерии. В русских рядах разорвались снаряды, упали скошенные пулями солдаты.

– Егерям рассыпаться вдоль опушки леса и оттеснить неприятеля к морю! – отдал приказ полковник Иван Васильевич Сабанеев.

– Мушкетёры! Ребята, в штыки, вперёд! Егерям и драгунам – прикрывать мушкетёров огнём с флангов! – выхватил шпагу из ножен генерал-майор Кирилл Фёдорович Казачковский.

Сабанеевские егерские части довольно легко переиграли шведских егерей, потеснили их и более меткой, уверенной стрельбой, и штыковыми ударами. Видя, как другие их товарищи грузятся в лодки и отплывают к стоявшим на рейде кораблям, стрелки Вахтмейстера потеряли мужество и стойкость и побежали к спасительной Ратанской пристани. Их преследовали русские егерские полки и мушкетёры, стреляли в спины бегущим, кололи их штыками. Немногочисленные драгуны Митавского полка не стали спешиваться и вначале посылали свои пули, сидя в сёдлах, а потом бросились вслед за атакующими пехотинцами, чуть левее их, на шведские цепи, но уже с холодным оружием.

– Вперёд, ура! – размахивал тяжёлым длинным палашом скакавший рядом с фанен-юнкером Можаровым командир его взвода – молодой поручик.

– Ур-ра! – во всю глотку орал Глеб, и над его головою реял драгунский штандарт.

Митавцы уже нагнали шведов и принялись их рубить, когда вражеские егеря разбежались в стороны, освобождая место для своей артиллерии. Первым же выстрелом картечи неприятельские пушкари остановили лихую атаку драгун. Один из круглых свинцовых шариков – картечина – угодил в лошадь поручика, и она вместе с всадником, перевернувшись на скаку через голову, полетела в разросшуюся вдоль леса крапиву.

– Можаров, прикрывай нас, а я к поручику! – закричал, соскакивая со своего коня на землю, прапорщик Апушкин. – Ух и везучий же ты, Глебка! – завистливо выдохнул он, сажая на своего коня обмякшее тело раненого командира взвода.

Пехотинцы полковника Сабанеева ворвались в Ратан, и шведские артиллеристы прекратили стрельбу, у них тоже появилось паническое чувство, и они устремились к лодкам на берегу. Русская пехота бежала за ними по пятнам, в самом Ратане завязался бой у пристани.

– Держать пристань до последнего человека! – метался по капитанскому мостику начальник всех десантных войск и морских судов адмирал Пуке.

Вскоре пехотинцы Казачковского, преследуя врага, двинулись вправо и соединились с частями Сабанеева, городок Ратан и его пристань заняли русские. Успевшие погрузиться на лодки шведы, отстреливаясь из ружей, изо всех сил гребли в море – подальше от пристани, от берега, поближе к своему флоту, продолжавшему прикрывать их отступление всеми бортовыми орудиями. На пристани и по всей занятой русскими войсками береговой линии рвались тяжёлые артиллерийские ядра – бомбы и гранаты, разлетающиеся во все стороны чугунные осколки, взлетающие в воздух тучи песка и гальки, солёные брызги морской воды накрыли солдат России, число убитых и раненых росло.

– А ну-ка, братцы, катите поближе к берегу свои орудия! Всыпьте-ка шведам из русских пушек! – обратился Иван Сабанеев к своим пушкарям.

Артиллеристы из колонны полковника выкатили стоявшие в Ратане две единственные лёгкие пушки и открыли огонь по шведским судам.

Две пушки начали охоту за плывущими лодками и баркасами, и время от времени им это удавалось – в небо поднимались деревянные щетки и фонтаны воды, шведы-десантники беспомощно, будто попавшие в лужу букашки, барахтались в Ратанской гавани, зывали о помощи, многие тонули.

Но больший эффект производили меткие российские снайперы – егеря. Выйдя на лесную опушку и спрятавшись за деревьями, они точно поражали утлывавших неприятельских пехотинцев и моряков, всё больше шведов, обливаясь кровью, вываливалось из шлюпок и исчезало в морской пучине. Но в ответ из лодок тоже прилетали пули – шведские егеря палили по русским.

– Настало и наше время, ребята, показать шведам кузькину мать! – решил генерал-майор Кирилл Казачковский. – Все к воде! Открыть огонь по неприятелю с фланга!

По приказу Кирилла Фёдоровича воины его отряда подошли к самой кромке берега, к набегавшим на песок и камни волнам, и принялись сбоку, с изгиба гавани, обстреливать из своих мушкетов утлывавшие лодки.

– А мы что же, хуже мушкетёров и егерей? – возмутились бойцы Митавского драгунского полка. Оставив лошадей у леса, митавцы дружно побежали к морю, но не остановились на краю наиболее выдвинутого в залив каменного мыса, а спрыгнули прямо в воду и начали стрелять из неё по вражеским баркасам и судам. Стоя по колено в волнах, драгуны вели огонь по шведским морякам и солдатам.

Глеб Можаров не стрелял, он вышел вперёд и, развернув своё знамя, стал двумя руками размахивать им, воодушевляя сослуживцев.

– Ур-ра-а-а! – кричал фанен-юнкер. – Наша взяла, драпайте, трусливые шведы!

– Молодец, Глебка! Правильно делаешь: пушай видят шведские гады, что берег-то – наш! Накось выкусите, мы тута хозяева! – подержали юношу рядовые солдаты.

Драгунские пули уничтожали неприятеля и на воде, и на корабельных палубах. Мстительные шведы не останавливали артиллерийский обстрел утраченных берегов Ратанской гавани, пристани и самого селения до десяти часов вечера, а русские полки, многие тоже войдя по колено в воду, не уставали разряжать во врага свои ружья-мушкеты. Только ночью граф Каменский отдал приказ покинуть Ратан, чтобы сберечь свои войска от губительного огня артиллерии адмирала барона Пуке, отход русских частей прикрывали егеря.

Перед тем как покинуть бывшее поле битвы, генерал-лейтенант и генерал-адъютант Николай Каменский поблагодарил войска своего Улеборгского корпуса:

– Вы сражались как львы! Не могу довольно нахвалиться тем усердием, храбростью и неумолимостью, кои все чины выказали в бою! Спасибо вам, братцы!..

* * *

Сражение у шведского городка Ратан состоялось 8 августа 1809 года, а уже 5 сентября Российская империя и Шведское королевство заключили Фридрихсгамский мир, по которому все финские земли отходили к России, образовывалось автономное Великое княжество Финляндское, Аландские острова оставались за шведами, но они расторгали союз с Великобританией и обязывались участвовать в континентальной блокаде английских портов.

От автора. Это была последняя в истории Европы русско-шведская война, но шведы не любят её вспоминать. А зря! Ныне, когда правители современной Швеции решили отказаться от нейтралитета и присоединить королевство к НАТО, готовы ввергнуть свою страну в новую военную авантюру, им следовало бы вспомнить тот их позор у Ратана, когда им пришлось бежать с собственной земли!..

О СОТРЯСЕНИИ МОЗГОВ, ОДИЧАНИИ, БОРЬБЕ С ЧУЖДОЙ ЛЕКСИКОЙ И О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Нам, провинциалам, ежедневно приходится видеть и слушать великое (хотя и ограниченное) множество представителей столичного бомонда, элиты российской культуры, выступающих в эфире центральных телеканалов. Нет нужды доказывать, какое значение в наш информационный век имеют СМИ и особенно телевидение, которое ещё, казалось бы, недавно являло собою образец культуры речи. К сожалению, эти «представители» несут нам, россиянам – жителям регионов, поразительное косноязычие, внедряют в сознание своей аудитории убогие лексические штампы.

Когда известная ведущая популярной медицинской телепрограммы несколько раз за минуту употребляет слово «потрясающе», причём мы видим и слышим, что именно звало у этой уважаемой дамы такое безумное восхищение – какой-нибудь анус или пенис, возникает вопрос: неужели доктор наук не знает других русских слов в превосходной степени? Ну да ладно, она всё же медик, а не деятель культуры. Но вот ещё пример. Телеканал «Культура» рассказывает о поведении птицы, и в переводе с английского мы слышим: «Она потрясающе крутит телом!» Вопрос: так что же у птицы трясётся, а что крутится? Но тут мы ещё

можем простить не слишком мудрствующих переводчиков, которые стремятся к простоте, а в результате опять внедряют в наши мозги, в лексическую память стереотип – коли уж что-то хорошо, замечательно, значит, обязательно потрясает! Между прочим, в так распространившемся у нас в России английском языке у слов «потрясающе», «изумительно», «сногшибательно», «великолепно», «ужасающе» и др. есть тоже множество синонимов, например *stunningly, appallingly, horribly*, можно просто сказать: «It's agroove!» Однако в телепереводе мы обязательно услышим только одну версию – «потрясающе!». А как высказываются у нас в телепередачах знаменитые московские или питерские телеведущие, журналисты, писатели, певцы, композиторы? Не буду называть имён, но воспитанному на русской литературе человеку противно же слушать все эти «ах, потрясающе!». Что это? Скудоумие, косноязычие? Где наш язык – великий и могучий, в котором можно выразить своё восхищение чем-либо или кем-либо двумя десятками синонимов? Почему те, кого мы помним много-много лет, кого любим, кто стал примером для всей страны (не только Москвы и Питера), вдруг перестали использовать такие слова, как «прекрасно», «великолепно», «замечательно», «превосходно», «блестяще», заменив их одним расхожим штампом, языковым эрзацем? А ведь провинция тоже начинает подражать столичным «идолам» эстрады, театра, кино, литературы, СМИ, и появляется мнение, что, ежели ты не используешь в своей лексике модное слово «потрясающе», ты – бескультурный человек, ты не элита общества! А мне так и хочется сказать: «Сотрясающе!» Уж если трясти, потрясать, то уж лучше всем вместе. Только кого и что сотрясать-то? Страну? Её и так 74 года сотрясали экспериментаторы-ленинцы, а ныне пытаются потрясать всякие проходимцы – и свои, доморощенные, и западные. Скорее всего, мы имеем дело с психолингвистическим явлением, в корне которого прячется сотрясение мозгов у мнящих себя москвичами и питерцами «звёзд» (ладно бы уж у старлеток!).

А почему все последние десятилетия мы вдруг стали «присаживаться»? Почему сказать

просто: «Садитесь, устраивайтесь, усаживайтесь, займите своё место» – стало неприлично? Значит ли, что «присаживаться» стало более вежливой формой, нежели «садитесь»? Или все стали бояться «сесть», то есть отправиться в места не столь отдалённые? Такое впечатление, что приходишь, например, не в библиотеку, а в прокуратуру. Между прочим, 37-й год был уже более восьмидесяти лет назад, и даже в 80-е годы прошлого столетия мы, тогда ещё советские граждане, не боялись «садиться», и слово «присаживайтесь» означало то, что и сегодня числится за ним в толковом словаре русского языка: «сесть на короткое время». Кстати, будучи в молодости педагогом и директором большой школы, я никогда и никого не «присаживал», дети в классе обычно садились. Что же мы, не были вежливыми или были слишком смелыми, не боящимися «сумы и тюрьмы»? Однако эти лексические метаморфозы ещё можно объяснить развитием языка, он же живой и должен меняться... А я (вредный поборник литературного языка и русских традиций) выхожу из ситуации по-своему: на предложение присесть отвечаю стишком: «Я вприсядку не пляшу, просто сяду и сажу»... Впечатление производит, но будет ли польза? Но ничего не могу с собою поделать – во мне так и не умер учитель...

Но зачем россияне вдруг оказались «в шоке»? Я прекрасно помню, как один популярный эстрадный артист в телепередаче Регины Дубовицкой впервые стал веселить своих зрителей этим глупым и смешным выражением, оно быстро распространилось, и вначале сохраняло ироничный характер, но потом закрепилось в умах не очень образованной части населения, а затем перешло и в лексикон «бомонда и элиты». Теперь «общее расстройство функций организма вследствие психического потрясения или физического повреждения» стало всеобщим и всеобъемлющим, редко кто из дикторов ТВ, гостей и участников различных ток-шоу вспоминает другие слова – «шокировать» или «в состоянии шока». Стремление к сокращению количества слов, к унификации лексики проявляется тут достаточно ярко. «Я в шоке» – и этого хватает для выражения целой бури эмоций и

психических реакций! Но ведь за унификацией словарного запаса людей следует обеднение языковой культуры всей нации, а это уже не шутки артистов из «Аншлага» и клоунов из «Петросян-шоу»... «Я в шоке потрясающе присел, и вот вам, челы: я язык свой съел (схавал)...»

Здесь не хочется особо останавливаться ещё на одной общероссийской проблеме – на стремительном распространении матерщины, жаргонизмов и иностранных заимствований. Сколько уж об этом сказано! Но не могу не заметить, что после всех вынесенных Россией страданий, связанных с «великим социальным экспериментом», затеянным политическими экстремистами в октябре 1917 года, когда чуть ли не каждому третьему советскому гражданину пришлось познакомиться с тюрьмами и лагерями, сегодня мы с удивлением видим и слышим, как «блатной язык», лексикон каторжников стал нашим обыденным средством общения! И дело не только в той лексике «ментов», всех этих Дукалисов, Тумановых, Шиловых и Балаболов, которая ежедневно льётся с телеэкранов, в речи героев бесконечных киносериалов, дело снова в наших мозгах, настроенных на подражание, на лёгкое впитывание услышанных где-либо и от кого-либо ненормативных словесных форм, в отсутствии ещё школьной скамьи привычки к культурной речи, в отсутствии надёжной прививки от публичного бескультурья и чётких преград на пути нескрываемой «экспрессивной лексики» – по сути, «чёрной брани». По этой же причине никто из нынешних телеведущих ни разу не попытался найти в «великом и могучем» замену новомодным компьютерным словечкам и всевозможным внедряющимся к нам с Запада «ингам», и гуляют в нашей памяти всяческие «тюнинги», «пилинги», «дайвинги», «троллинги», «зацепинги» и прочие только что придуманные кем-то хреновинги... Тут бы государству вмешаться в бесконтрольный процесс оглупления и одичания «народных масс» (на жаргоне политиканов, «электората»), но не тут-то было!

Именно в последние 30 лет **ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК УСИЛЕННО И (БОЮСЬ) ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО ОБЕСЦВЕЧИВАЕТСЯ,**

УМЕРЩВЛЯЕТСЯ. Не хочется подозревать уважаемых в Москве и Санкт-Петербурге людей в связях с ЦРУ и русофобскими службами Запада, но возникает предположение, что кто-то сознательно и очень эффективно реализовывает у нас программу оглупления и одичания населения через унификацию, обеднение и в конечном счёте уничтожение главного языка Российской Федерации, и столичные «звёзды» преднамеренно или непреднамеренно служат этим целям. «Потрясающе! Я в шоке! Присаживайтесь!» Тут следует вспомнить известные выражения совсем не глупых людей. «Русская национальная идея – это есть русский язык», – писал Пётр Чаадаев. «Сбережение русского языка, литературы и нашей культуры – это вопросы национальной безопасности», – говорит нам Президент РФ Владимир Путин. Кстати, Владимир Владимирович сам не «потрясает» и, кажется, хорошо помнит слова Петра Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»

Насчёт национальной безопасности нам действительно приходится постоянно думать, это не прихоть правительства, не происки заполонивших телеэфир «ультрапатриотов» и «ястребов», не известная нам по 1937 году сталинская шпиономания и поиск «врагов народа», нет! **УНИЧТОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, А ЯЗЫК – ЕЁ ОСНОВА, НЕИЗБЕЖНО ПРИВЕДЁТ К ПОТЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА И БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ!** Если мы хотим в нынешних условиях выжить как нация, как Россия, нам всё равно придётся как-то бороться с «впрыскиванием» в наши уши и мозги чуждых нашей культуре лексических форм, мы вполне можем обойтись без «брендов», «трендов», «кластеров», «флешмобов», «дорожных карт», «кешбэков» и т. п., нужна лишь политическая воля и общественное единомыслие в этом вопросе. А пока что: как и где работает Закон о защите русского языка? Где эффективная, всем известная, а не замалчиваемая в СМИ, в интернете деятельность созданных давным-давно обществ и союзов защиты и поддержки русского языка, русской словесности? Одним возвращением в школы

и вузы письменных экзаменов-сочинений, организацией лингвистических игр и конкурсов, изданием словарей (кстати, всё более лояльных к нарушениям прежних лексических норм, в результате чего ведущие теле- и радионовостей легко могут сказать «комбайнёр», «гренадёр» и «афёра») с такими проблемами, как превращение ужасающего молодёжного сленга и безмозглого компьютерного (читай – американского) «ворда», засилия мерзкого мата, дурацких слов-паразитов, диких варваризмов и тупых english-заимствований в нормативы нашего общения между собою, – одним этим нам никогда с языковым варварством не справиться! Требуется полноценная, поддержанная президентом, правительством, Федеральным Собранием, образованной частью населения и общественными организациями НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА СПАСЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.

О ней уже писали и говорили, но воз и ныне там! А почему? Значит, программа кому-то не нравится, а власть имущие закрывают на это глаза, руководство ТВ-каналов и интернет-ресурсов продолжает культивировать в стране мерзость и дикость. Чего стоит одна лишь реклама колбасы, которую любит какой-то мифический «папа», и поэтому за неё готова разорвать всех в клочья древнегерманского (не славянского!) вида толпа злобных дикарей! «Это наша еда!» Хочешь не хочешь, но приходят на ум небезызвестная «теория заговора», слухи о масонах и т. д. Понятно, что сейчас у России немало других проблем, но языковую всё равно придётся решать. Иначе будет поздно: сотрясение мозгов может перерасти в полное одичание, а владеющие суперсовременной техникой дикари принесут миру гибель.

Когда-то великий немец Отто фон Бисмарк, хорошо изучивший Россию, сказал, что победить русских на войне невозможно, их можно только разложить изнутри, внедрив чуждые им нравы. И Западу удалось внедрить в русские мозги не только интерес и привязанность

к заграничным шмоткам, к истеричному, расчитанному на психопатов «тяжёлому року», «хеви-металу» и пр., но (и это главное!) наши извечные враги привили россиянам свои понятия о «правах человека», о «толерантности», о «гендерности», о «транссексуализме» и т. д. и т. п. И сегодня мы сполна вкушаем результаты этих идеологических «прививок»...

Но борьба неизбежна! А НАЧИНАТЬ НАДО С ВАС, МОСКОВСКИЕ И ПИТЕРСКИЕ ГОСПОДА – «звёзды» СМИ, кино, эстрады, литературы, депутаты и политики, именно вам стоит первыми отказаться (или не умеете?) от модных в вашем понимании языковых штампов, вроде бы незаметно, на первый взгляд совсем невинно, но опасно воздействующих на сознание провинциальных ваших слушателей и почитателей, на всю остальную Россию, отказаться от выражений, исподволь разрушающих нашу культуру. Вы же не хотите способствовать всеобщему варварству и одичанию? Тем более в условиях развернувшейся ныне глобальной войны России с коллективным Западом!

Слава Богу, что недавно появилась надежда: вроде бы в Госдуму собираются подать на обсуждение закон о запрещении в РФ англицизмов. Будет ли такое? Хочется надеяться, что закон примут, а потом всем миром мы возьмёмся за свою родную русскую лексику – нужно хоть с чего-то начинать эту борьбу, пусть начнём с предательского преклонения перед враждебным нам Западом, с их мерзких словечек, со всем этим компьютерным лексическим мусором, которому ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК ВСЕГДА НАЙДЁТ ЗАМЕНУ! Надо, обязательно нужно остановить лексический беспредел, сотрясение мозгов, «присаживание» нашей культуры, оглупление и одичание – нет, не «господ» и предателей, которые бегут сейчас из РФ, как крысы, нет, не о них речь! Забота о каждом из нас, о нас всех! ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ВЫЖИТЬ КАК РУССКАЯ НАЦИЯ, КАК РОССИЯ!

Андрей СКИЛУР-ХАЗИЕВ

ВОЙНА МОЕГО ДЕТСТВА

*Разрывы редких мин. Ружейная пальба.
Надсадный плач детей.
Тоскливый рёв скотины.
На сотни вёрст горят созревшие хлеба –
Ни горше, ни страшней не видел я картины.*
Виктор Кочетков. «Июль 41-го года»

80-я годовщина начала Великой Отечественной войны. Всё меньше остаётся участников тех ужасных событий. Тем, кто встретил Великую Отечественную войну 15–17-летними, уже за 90 лет, а тем, кто завершал её в этом возрасте, – за 80. Есть ещё один слой участников той страшной войны, пока не востребованных пропагандой, но переживших все ужасы её, – это дети военной поры, рождённые после 30-го года прошлого столетия. Я не хочу просить для них льгот, хотя они сегодня все пенсионеры, – не отобрали бы последнее, а к этому уже идёт дело. К таким отношусь и сам я. Обычно их никто не спрашивает и не публикует их воспоминаний.

А ведь детская душа впечатлительна. Я не согласен с теми психологами-философами, которые утверждают, что дети не имеют страха перед войной. Они имеют свой ещё не осознанный страх перед всеми ужасами, в том числе и военными, впечатления от которых остаются на всю жизнь. Детское стремление играть в войну обусловлено самой природой человека – защитить себя. Здесь детская фантазия выступает формирующим началом сильной, уверенной, способной справиться с любым врагом личности, а бывает и наоборот – воспитывается будущий агрессор. Игра в войну – опасная вещь всегда, но страшнее всего пережить это фактически.

Те страшные четыре года сломали бесчисленное количество человеческих судеб, в том числе и детских. Та война носила особый характер – она великая, потому что затронула жизнь всего Союза, народы которого проявили

огромный героизм и встали на защиту Родины и всего человечества. К сожалению, многие молодые люди плохо знают историю своей Родины и не могут извлечь из неё уроков, в этом и наша вина, потому что мы мало рассказываем о том времени. Человек без памяти становится неблагодарным существом, не умеющим ценить то, что было достигнуто с таким трудом, в том числе и детскими страданиями.

Дети не получали достаточного питания для растущего организма. Какие там молочные продукты. Хлеб пекли сами, а грубую муку получали на ручных мельницах собственного производства, если удавалось раздобыть зерна. В оккупации город спасала деревня.

Моя мама в возрасте 27–28 лет испытала тягости, какие и врагу не пожелаешь, но враг вверг нас в них. На её руках были мы с братом (мне – шесть, брату – три года на начало войны), отец – инвалид, получивший тяжёлое ранение под Ленинградом, которого она к моменту оккупации Острогжска привезла из Вологды и который скрывался в деревне, старики – за всех она была в ответе. Оккупация, хотя и недолгая, шесть месяцев, была тяжелейшим испытанием для взрослых и детей. Как маме удавалось вытесаться, известно только Богу и нам, переживающим очень её отсутствие по многу дней, когда она добывала зерно и картошку по деревням за последние вещи.

Один раз немцы окружили рынок (базар), основное место пропитания аборигенов. Ждали машины-душегубки из Харькова, для которых готовили материал – невинных людей. Там была и мама. Их продержали двое суток без воды и еды, но, слава советским партизанам и лётчикам, состав с этими страшными машинами-убийцами партизаны на перегоне Харьков – станция Алексеевка пустили под откос, а лётчики разбомбили его в пух и прах. Акция уничтожения жителей Острогжска была сорва-

на. А каково было нам, детям, которым бабушка и дедушка не могли объяснить, где мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы – ведь для оккупантов жизнь аборигенов – ничто, тем более для фашистов, для которых все мы были недочеловеки. Мы, дети, не понимали происходящего, но интуитивно чувствовали, что происходит что-то страшное.

Поэтому, когда в наши дни я услышал от одного молодого человека, что машины-душегубки, концлагеря и прочие ужасы – это миф, меня всего потрясло от негодования.

Геноцид славянских народов осуществлялся многими методами, в том числе и голодом. С оккупированных территорий всё вывозилось в Германию. В оккупации от голода вымерло 4,1 миллиона человек. Голод больше всего сказывался на детях. Помню, когда впервые наелись, но это было связано с большим риском.

Напротив нашего дома наискось через дорогу находилась усадьба МТС, в помещениях которой немцы устроили свои продовольственные склады. Туда не подпускали никого, даже вездесущих пацанов.

Зимой 1943 года, когда группировка немецко-венгерско-румынских войск попала в окружение (Острогожско-Россошанская наступательная операция 13–17 января 1943 г.), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы не оставили склады, а, подорвав их, подожгли. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы достать что-нибудь съестного. Устремилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыр, макароны и снова бросалась в горящие развалины. Я пытался это богатство отнести домой, но по дороге всё отбирал боров-сосед, который при немцах держал лавочку, был их прислужником. Эта подлость запомнилась мне на всю жизнь. Уже в 60-е годы прошлого столетия, приезжая в отпуск, я всегда при встрече с ним высказывал ему своё презрение. К сожалению, такие, как он, безбедно жили при немцах, не получили по заслугам и после нашей Победы... Изворотливость – их профессия. Почему это так, я понял, прожив

большую нелёгкую жизнь. Опыт даёт истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда побеждают только в сказках, а в реальности зачастую наоборот.

Последствия войны с её постоянным недоеданием продолжались и после Победы. Это особенно ощущал детский растущий организм. Поест вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто помнит сегодня голод 1946 года, особенно из жителей больших городов, которые уже властью «родного» правительства снабжались за счёт деревни и малых городов. Провинция снова выручила страну. А мы, 10–12-летние, считали за лакомство лепёшки из жёлудёвой муки. Жёлуди собирали в лесу, дубов достаточно в Воронежской области, и сами мололи их на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепёшек... Впервые я наелся конфет, и то не шоколадных, в 1950 году, когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГа (торговое государственное предприятие). Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учёба для нас была роскошью, к которой мы стремились, невзирая ни на какую усталость.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайностей могла стать и становилась причиной гибели многих из нас. Один случай из моей детской жизни.

Советские войска окружили Острогожск, но ещё не вошли в город. Немцы находились в городе и пытались вырваться из кольца. Их танки мотались по улицам из одного конца в другой. Город бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб – понятия разные. Когда во дворе и огороде нашего дома упали две бомбы, наша семья решила перебраться в погреб к соседям через улицу. Там погреб посолидней, и в нём уже укрывалось несколько семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов: «На миру и смерть не так страшна!» Когда мама меня и трёхлетнего братишку повела туда, то в конце улицы появился немецкий танк, а улицы в районном городишке узкие, танк быстро приближался. Мы растерялись и засуетились. Я с мамой успел перебежать дорогу, а Вова остался на другой стороне

улицы. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась махина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, громыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда всё обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом: «Что стоило тогда немцам дать очередь из пулемёта или чуть-чуть вильнуть машиной – и... нас нет!» И таких случаев во время войны была масса, в большинстве своём они печально заканчивались и для взрослых, и для детей.

А сколько детских смертей случилось уже после освобождения города! Изощёрённо маскировать под детские игрушки мины – это не выдумка чеченских боевиков, а повтор фашистского приёма. Просто у мирных людей коротка память на подлости. Подобные «игрушки» оставляли оккупанты, убегая с нашей земли. Многим детям военной поры такие игрушки стоили жизни. По естеству детский ум любопытен. Любой ребёнок стремится познать окружающий мир собственным опытом. Многочисленное оружие и боезапасы, оставшиеся после бегства немцев, привлекали наше внимание. Поковыряешь палочкой в противотанковом патроне, а из него пойдёт дым... кладёшь порох – какого только не было, доставали и из снарядов, – на булыжник, бьёшь по нему другим булыжником – и веер искр. Интересно. Рыбу в леваде глушили толковыми шашками... Но все эти познания зачастую кончались увечьями, а то и детскими смертями. Вот такие реалии настоящей войны, а не детской игры «Зарница». Но лучше всё-таки игра, чем война!

Читатель помоложе, возможно, удивится моим нерадостным детским воспоминаниям и будет прав по-своему. Не испытав ужасов страшной войны и видевший её только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, мучения детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны для всех, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, а

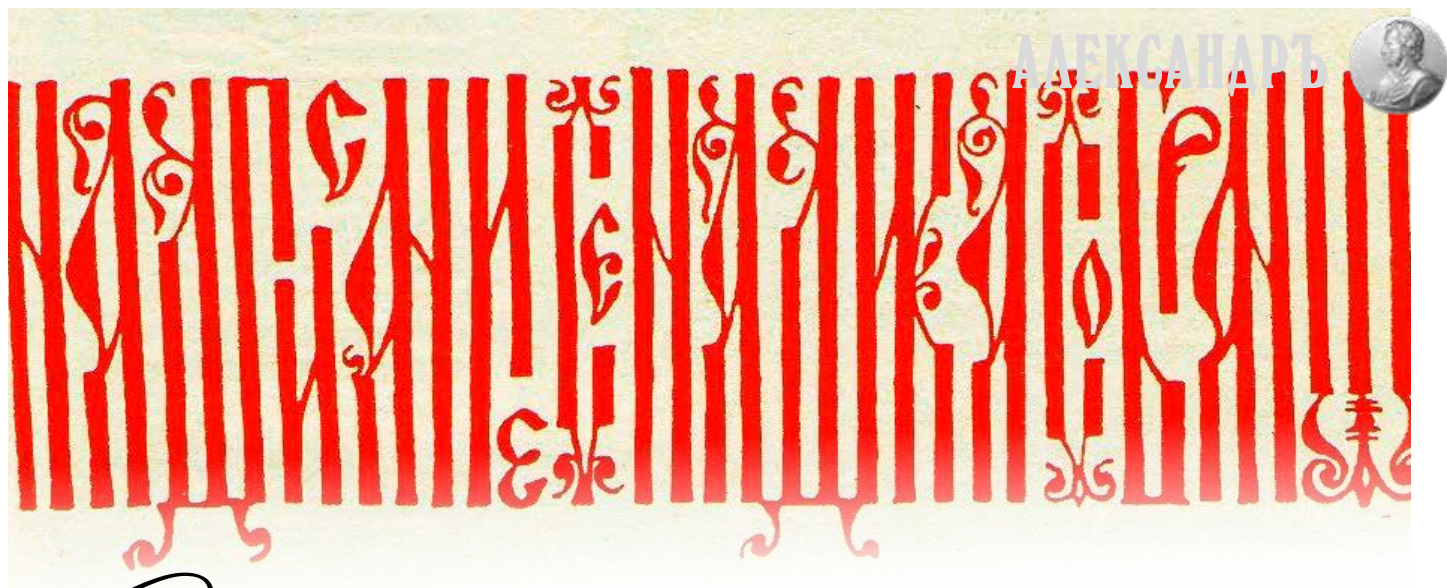
тем более их показывать. А это, на мой взгляд, самая действенная пропаганда против войны. Американцы не испытали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими войсками. Любые иностранные солдаты, будь то и миротворцы, – чужие солдаты и положительных эмоций не вызывают.

Помню, как немецкие солдаты, подмавив нас конфеткой, бросали её в нашу стайку 7–8-летних пацанят, а потом хохотали во всю пасть, смотря, как мы боролись за неё. Это очень веселило их, а у нас зарождался волчий инстинкт. Благородно ли это? Но оккупант есть оккупант!

Пребывание на оккупированных территориях долго икалось детям военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты, был или нет на оккупированной территории. Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытал вражеское рабство, в чём-то неблагоприятном. Не унижительно ли это?

Всё было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа – это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется. Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается мнение – была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят!» – очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью – трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них и страдания детей – пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного – это известный постулат. Для богатого слёзы бедного – это деньги. Нынешняя действительность – подтверждение этому!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
*капитан 1-го ранга в отставке,
ветеран-подводник, лауреат литературного
конкурса «России верные сыны»*

Письма уставного узора

Никита БРАГИН

* * *

БЕРЕСТА

Береста загорелась, и дымом коптит смоляным,
И свивается в кольца, и масляным пламенем плачет,
И последний клочок позлащённой огнём старины
Рассыпается пеплом горячим.

Береста – наш папирус, хранящий живые слова;
Всё на ней, от взысканий долгов
до любовных посланий,
Всё, что веяла по ветру, словно полову, молва
Под крестами и колоколами.

Береста – это поле, где всходит озимая рожь,
Это серая почва, укрытая лапами елей,
Это честная бедность земли, не приемлющей ложь,
Это нежность слезы и метели.

Береста – это светлые очи заветных озёр –
Белоозера, Ладоги, Ильменя и Селигера,
И на белой странице письма уставного узора,
Преисполненный веры.

Разгорись, береста, ясным пламенем речи родной,
Оставляя печатью на сердце свой след огнепальный,
И свети, не сгорая, во тьме ледяной
Между кровью и сталью.

Угасание дня,
Увядание солнечных листьев,
Бескорыстная щедрость
Златых и румяных деревьев,
А по небу летят
Облаков серебристые кисти,
И склоняется солнце,
Ладони зари обогрев.

Вот бы в дальнюю даль
Улететь, ускользя от мрака
На крылах у зари,
В алых перьях, медовом пуху...
Там слова самородны,
И каждая строчка – оракул,
И цветы под ногами,
И синие звёзды – вверху!

Замечтаешься так –
И внезапно ни света, ни звука,
Лишь чернильная ночь
Неподвижно стоит под окном.
Лампа, столик, тетрадь,
Философия, вера, наука,
И любовь, и печаль,
И анапеста метроном.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

ПАРОМ НА ШЕКСНЕ

Шексна почти что недвижима,
И небо в серости сырой,
И клочья выхлопного дыма
Плывут над вспененной водой.

А север веет непогодой,
Дождём с зари и до зари...
Печальна русская природа,
Как на неё ни посмотри.
В ней не веселие, а воля,
И не успех в ней, а судьба,
И не цветник, а просто поле,
Не винограды, а хлеба.

Вглядись в её простор былинный,
В туман, ползущий по реке...
Уже зардела кисть калины
Горячей кровью на руке.

* * *

...И стать мальчишкой, умирающим
 под Вязьмой,
В палящем и кровоточащем октябре,
В распутице, в неразберихе безобразной,
На развороченном снарядами бугре,
И, не увидев торжествующие лица
Вчерашних братьев, нынешних иуд,
Покинуть этот мир, с родной землёй
 проститься,
Уйти на Божий Суд...

Нет, невозможно, надо всё перетерпеть –
Глумление врагов и доброхотов ругань,
Пока по полю хлещет огненная плеть,
Пока земля не помнит бороны и плуга...
И образы моей России молодой
Не отпускают, призывая к новой жизни,
И, в узел связанные, длятся труд и бой
За правый путь отчизны.

ВЕСНА И ВЕЧНОСТЬ

Памяти Ольги Качуры

В небе месяц золотой,
Крест восьмиконечный,
В чистом поле пыль да зной,
А над полем – вечность.
В мире света и покоя
Тают облака,
И уходит всё мирское –
Музыка легка.

Это музыка любви
Над страной взлетает,
Как её ни назови,
А она такая –
Ей не дали нотных знаков,
Клавишей, струны...
Только залп, за ним атака
На полях войны.

У неё была судьба,
Но отняли силой...
Орудийная пальба,
Свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,
Песенку им спеть,
Но под сердцем кровь алеет,
И приходит смерть.

Но жива её земля,
Но тверды устои...
Хлебодарные поля,
Море золотое,
Пламенеет жаркий уголь,
Рельсы мчатся вдаль,
Распрямяется упруго
Боевая сталь!

Купол звёздно-голубой,
Крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
Перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
Приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская Весна.

В ЧАС ПОСЛЕДНЕГО ГРОМА

Через многие-многое годы наступит весна –
 В час последнего грома и первого вдоха
 сирени
 Внучка тихо попросит, забравшись
 к тебе на колени:
 «Расскажи, что такое война».

И тогда на мгновение ты онемеешь,
 И промчатся сквозь память жестокие
 майские дни,
 Где в крови лепестки, где встают смоляные
 дымы,
 Извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том, что любил
 и мечтал
 О зелёных полях, и садах в подвенечном уборе,
 И о городе белом у самого синего моря,
 Где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
 Как проснулись подсолнухи и серебрится река,
 И война умирает слезой на щеке старика,
 И Азовское море смеётся на детской ладони.

Вот бы завтра задул
 Светлым холодом северный ветер,
 Паруса облаков
 Раздирающий на лоскуты,
 Ветер, чистый, как иней,
 И самый свободный на свете,
 В серебро и лазурь
 Оправляя дворцы и мосты.

Широко и легко
 Напевая и слёзы сдувая
 С тихих липовых веток
 И колких еловых ресниц,
 Пролетев по проспектам,
 Стрелой обгоняя трамваи,
 Разметав по газонам
 Пожухлые листья страниц!

Будет звонкое небо
 И вдох, что глоток родниковой
 Заповедной воды
 И дыхание вешней травы,
 Будет вольный полёт
 Долгожданного чистого слова
 От моста до моста
 Над суровым простором Невы.

* * *

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Словно сырость подвала,
 Где сетка в окошке стальная,
 Словно тягостный текст
 С изложением бед мировых,
 Непогода нависнет,
 Снега и дожди рассыпая,
 Опадая на крыши
 И чёрную слизь мостовых.

На неделю придёт
 И ещё на неделю застрянет,
 Сея южную сырость
 И западной гнилью дыша
 На поникшие кроны
 И стены ветшающих зданий,
 Штукатурку с лепниной
 Уродуя, словно парша.

В поезде сесть у окна и смотреть на дорогу,
 Просто смотреть, не вникая в детали пейзажа.
 Эта весенняя дымка сама всё расскажет –
 И о страдании, и о надежде, и даже о Боге.
 Он ведь недавно прошёл вон по этой тропинке,
 Здесь мураву приминая босыми ногами,
 Там оставляя следы на холодном суглинке
 И удаляясь в туман и покой за стогами.

Поезд меж тем улетает всё дальше и дальше
 В дым городов, на гремучие цепи вокзалов,
 Чтобы на пыльном перроне тебе о заветном
 сказала

Тонкая струнка души, твой смеющийся мальчик.
 Сердце моё, говори! Ты ещё не устало
 Ритму дорог отзываться и верить простому,
 Небу и тучам, траве и кустам чернотала
 И замерцавшему в сумраке тихому дому.

Андрей РАСТОРГУЕВ

* * *

Однажды в единении с народом
Варил я две железки электродом.
Так профориентировали нас:
Из класса школьного – в рабочий класс.

Исход ориентации летален –
Погиб во мне уральский пролетарий.
Но с тех отодвигающихся пор
Иначе вижу суть Уральских гор.

Граница меж двумя частями света –
Из пошлого бродячего сюжета,
Пустая приземлённая молва
Не различает в них сварного шва.

Он тоже был, конечно, первой пробой,
Но крепко держит Азию с Европой.
И если заодно земная плоть –
Явился добрым сварщиком Господь.

XX ВЕК

*Бабушке моей Надежде Владимировне
и старшей дочери Оле*

Вот сюжет традиционный
Со времён Луи Дагера
Или красочных портретов
Принаряженных инфант:
Перед фотообъективом
Двое – девочка и мальчик.
У неё – витые кудри,
У него – огромный бант.

Даты нет на обороте –
Лишь рекламные медали
Да по толстому картону
Надпись: «Тереховъ и Сынъ».
В старом Екатеринбурге
Это в нескольких кварталах
От Ипатьевского дома,
Что ещё не знаменит...

Вот ещё сюжет сюжетов:
У старинного буфета
Смотрит девочка другая
Удивлённо в объектив.
С нею рядышком – старуха.
И едва ли уловимо
Сходство с девочкою первой
На морщинистом лице.

Между девочками теми –
Поколения и горы,
Панихиды и крестины,
Две германские войны.
А прошла – и уместилась
Под картонною обложкой
Одного фотоальбома
Человеческая жизнь...

* * *

Над Катеринбургом – птичий клин.
Мало ли на свете Катерин,
А под коромыслами рябин
Город с этим именем один.

Но десятилетия пока
Маши здесь не сходят с языка –
То не от Марий или Марин,
А от металлических машин.

Но железо мне по бороде –
Я живу в Мельковской слободе.
Баяли намедни мужики:
То не от муки, а от реки.

Ничего, что мелкая была, –
Говорят, по золоту текла.
И поныне тянется к пруду –
Жалко только, спрятана в трубу.

А то я бы золота намыл,
Тёще Катерине подарил –
При народе да средь бела дня.
Тёща золотая у меня!

* * *

Без долгих слёз и возгласов отчальных,
Гонимы холодеющей водою,
Останные отчаянные чайки
Поднялись над Мельковской слободой.

На Покрова октябрь посерединке
Тепла и стужи, воли и неволи.
Сегодня две невидимые льдинки
Из темноты мне скулы укололи...

Распахнутые токам восходящим,
Кружатся птицы, как парашютисты.
Бог даст, и мы грядущее обрящем,
Стремительны, крылаты и лучисты.

Парят они с медлительностью гордой
Над мельницей, Московскою заставой...
И снова перехватывает горло,
Как над парящей прорубью крестовой.

ВАЛЕНКИ

На железной нашей наковаленке
Неразлучны золото и медь...
В Екатеринбурге носят валенки –
И не только дворники, заметь.

Кругло-, остро- или тупорылые
Сыщутся по моде башмаки,
Да сравняли птицы белокрылые
Рыжие рубли и пятаки.

Строгий пост или чревоугодие –
Всё ли на душе, что наяву?
В Екатеринбурге новогодие,
И яснее небо к Рождеству.

Чаю после баенки да баиньки –
Беленькую, грешен, не люблю...
Вот разбогатею – тоже валенки
Екатеринбургские куплю.

* * *

Посреди мельтешенья мирского
Есть одно, что ему вопреки, –
Рукавичка пруда городского
На кручёной резинке реки.

Знать, она различимей глазами
Голубей, тополей и синиц,
Да иные они голосами
И обходятся без рукавиц.

Это детское и человечье –
От завода, сначала, сперва:
Для прогулки – шубейку на плечи
И – резиночку сквозь рукава.

Да, видать, перетёрлась обычка,
И махнуло дитя – пустяки...
И набухла водой рукавичка,
Обронённая с левой руки.

ГРЕБЕЦ

Обдирая о жёсткую воду бока,
Облака раздвигает байдарка...
Бесконечность в руках у него, но пока
Мост – его триумфальная арка.

Догоняя весну запоздалым броском,
Золотится расцветшая липа...
На пруду заводском, а теперь городском
Можно ли догрести до Олимпа?

Или тоже дерзать и души не терзать,
На земную ступив переправу,
И собой равновесие мира держать,
Не склоняясь ни влево, ни вправо?

* * *

В тесной долине Исети
Строится каменный Сити,
А возле самой реки
Спят на траве мужики.

Тонна за тонной бетонной
Башня встаёт за колонной,
А на воде поплавки –
Сущие большевики.

Жизнь поднимается кверху –
К пафосу и фейерверку,
А отступи от дверей –
Всё лопухи да пырей.

В сторону от суетливой –
И обожжёшься крапивой.
Мол, землячок, не взыщи –
Помни крапивные щи...

НЕВЬЯНСКАЯ БАШНЯ¹

В тёмной ладони крестьянская пашня
Выдохом греет зерно поутру.
В полупоклоне Невьянская башня
Жестью гремит на студёном ветру.

Вечная тяжба ростка и металла,
Белой берёзы и рыжей руды.
Горнозаводская доля Урала –
Трата народа, земли и воды...

Но, упираясь в железные плиты,
С края последнего восьмерика
Ты убедишься, что воды разлиты,
Люди малы, а земля велика...

Будь мы заводчики или холопи,
Стриженой, бритую ли головой
Кланяться Родине или Европе
Нам на рассветной заре не впервой.

И не впервые от сонной гордыни
В разных углах необъятной дали
Не шелохнутся земные твердыни –
Замки, соборы, дворцы и кремли.

И лишь во мраморной лёгкой рубашке,
От Галилея, наверно, мудра,
Вторит Невьянской Пизанская башня,
Словно старейшая в доме сестра.

НА ВЕРХОТУРСКОЙ КОЛОКОЛЬНЕ²

Славен город Верхотурье,
Да за прежние дела...
На кремлёвской верхотуре
Трогаю колокола –
Не хватает духу, чтобы
Откровенно, прямиком
Врезать в бронзовое небо
Тяжеленным языком,
Чтобы сонная корова
Головою повела,
И старинная дорога
На минуту ожила,
И запела, загудела
Задубелая земля,
Обнимающая тело
Заповедного кремля,
Чтобы молодецкой дури
В забубённой голове
Отозвались бы в Кунгуре,
Устюге и на Москве,
И везде, где малахольных
Привечают до поры,
Где шатры на колокольнях –
Как походные шатры,
И живучи в обиходе
Не пока, а на века
В замороженном народе
Повести про Ермака,
И, не глядя на житуху,
Жила русская цела,
Хоть и не хватает духу
Зазвонить в колокола.

¹ В Невьянке, былой уральской столице прославленных на всю Европу заводчиков Демидовых, сохраняется легендарная наклонная башня, возведённая в начале XVIII века.

² Старейший (с 1597 г.), а ныне малый уральский город Верхотурье стоит на давнем пути из Московии в Сибирь.

Сивый мерин

Валерий СЕРЯКОВ

РАССКАЗ

Просёлок двумя хорошо укатанными колёсами сворачивал влево и уходил вверх по косогору. Соловой масти мерин уныло тянул телегу, так, будто выполнял опостылевшую трудовую повинность. Когда на подъёме становилось тяжело, он подавал корпус вперёд и твёрдо, со стуком ставил копыта на землю, словно старался о неё опереться. В такие моменты наше тягло мотал вверх-вниз головой в такт движению, крутил сивым, белёсым хвостом, как пропеллером, и натужно сопел.

После подъёма стало легче. Дорога покатилась по плоской вершине холма, и старый мерин, засыпая на ходу, снова ровно, не спеша потащил повозку, вытянув шею и понуро опустив уши.

Стояла ранняя мещёрская осень. Тихо. Воздух прозрачный и чистый. Ветер не колышет разноцветные листья. Бордовые, красные, жёл-

тые, местами ещё зелёные, они неподвижно висят на деревьях в обрамлении яркой, махровой, набирающей сок хвои, радуя сердце и молодя душу. Пора утиной охоты!

Солнце стыдливо выглядывало из-за макушек елей и сизых берёз, готовясь к своему невысокому восхождению. По тёмным уголкам придорожных полей, куда не успели дотянуться его лучи, виднелись остатки ночных заморозков, серебряным налётом обметавших местами ещё зелёную траву и подлесок.

Хрустальная прохлада воздуха, отдающего хвоей и сухой травой, бодрила, наполняла каким-то безотчётным внутренним восторгом. Утро нового дня, а может, и чьей-то новой жизни!

В такие мгновения кажется, что мир открывается для тебя вновь и то, что раньше было простым, обыденным и незаметным, вдруг

становится ярким, впечатляющим и невероятно притягательным. Хочется хорохориться, бодриться и заражать своим задором других.

Однако из тех, других, рядом был только Прокофьич – невысокий крепкий мужичок с окладистой подстриженной седой бородой, что из породы сельских философов, основательно протёртый через сито жизненных передраг.

Ему можно было дать лет шестьдесят, а может, пятьдесят или все семьдесят. Возраст терялся за глазами – молодыми, с озорным огоньком в ещё голубых зрачках. Его житейская философия – это смесь жизненного опыта и по-своему понятых библейских откровений, изречаемых им порой не к месту.

Ось колеса в плохо смазанной, расхлябанной ступице время от времени нервно поскрипывала. Мы полулежали, откинувшись на охатках свежего сена, кричали, когда телега подпрыгивала на выступающих поперёк дороги корневищах, и толковали за жизнь под повизгивание старых изношенных колёс.

– Вот город, силы из человека сосёт, душу опустошает, а всё эта гонка за рублём, мда-а-а... А в себе русского человека теряем. – Он глубоко затянулся «козьею ножкой» и продолжил, на местный манер усиленно налегая на букву «о»: – Отошли от земли, от веры, дорогу к дому Божьему забыли. Потерялись. В жизни как ни крутись, а всё одно любая тропа, ежели мимо храма, непременно в овраг приведёт, мда-а-а-а... в бездну, стало быть.

Старик чуть потянул вожжу и продолжил:

– Здесь ранее, при дедах-то наших, как было? Оженили молодых, стерпится-слюбится, детей рожали, и всё шло по чину. По праздникам у стариков вся родня собиралась. Старшие своей дорогой идут, а младший остаётся со стариками, для пригляду – по-другому не моги! Мда-а-а-а... – И, подняв указательный палец, назидательно произнёс: – Мещёра!!!

Всем дорогам начало – родовой дом, и с бедой в него, и с радостью великой. А чуть что – вся родня как один поднимется друг за друга. Оттого и легче жилось, даже в войну. Обчеством так и превозмогли. А ныне? Всех разметало за длинным рублём по стройкам да

университетам, мда-а-а... Конечно, учёность – она того, дело серьёзное, да только от рода своего отрываться-то – что ветке отломанной от ствола, зачахнет человек. К дому надо стремиться, в нём спасение и опора, а что Божий, что отчий – оно всё едино...

Мой возница досадливо махнул рукой и затих, но по лицу было видно, что в глубине души он продолжает переживать о чём-то давно наболевшем и мучившем его. Через некоторое время, словно очнувшись, он продолжил:

– Вот коняга и та свою заботу знает, и куда её ни заведи, завсегда к своему дому, к стойлу, значит, выйдет. Нутром чует. Потому и правильность в ей. Так бы и человеку по жизни, да куда там – расплылись.

А Рассея для них что? Рассея – она что та баба, её пестовать, матушку, кормилицу, надо, а её иссушают дочиста. Вот скажи мне, мил человек, что, колодец бывает бездонным? То-то и оно. Рано или поздно оскудеет.

Солюшко земли – люди-то. На них скудота наступает. Потеряли в себе русского. Не всем открывается-то храм Божий на земле нашей грешной или в сердце, может, оттого и погибель приходит...

Прокофьич примолк, снова затянулся «козьею ножкой» и отвернулся, глядя в сторону, на мелкий сосняк и ещё куда-то дальше. Потёртая фуражка фасона 30-х годов с прямым козырьком-лопатой, в которых ходили партийные работники, агрономы и красные командиры, скрывала его глаза от всё ещё яркого, но уже холодного осеннего солнца. Ворот застиранной косоворотки, торчавшей из-под тёплой тужурки грубого драпа, туго обтянул шею, подчёркивая густую сеть морщин на «гусиной коже».

От широкого крупа животного и его спины поднимался едва уловимый пар. На нас пахнуло конским потом, но нетерпким и негустым. Душистый самосад окутывал курильщика витиеватым закручивающимся дымным облаком, медленно расходившимся в стороны и пикантно дополнявшим конский букет забористым, приманчивым запахом махры.

Лес посветлел и отступал всё дальше и дальше от дороги. Впереди открывался дол с

длинными и пологими скатами, по дну которого меж низких берегов медленно текла неширокая лесная речка, у омутов проросшая розогом. Справа виднелась местами осыпавшаяся плотина, полуразобранный мост и старая мельница.

От плотины, выше по течению, там, где русло казалось мельче и более подходило для перехода, стояла новенькая «Победа». Вокруг неё хлопотали мужики, по всем приметам из охотничьей артели, и из последних сил пытались вытолкать легковушку на ровную и твёрдую часть просёлка. Ружья и весь охотничий скарб беспорядочно валялся на заднем сиденье салона.

Ноги их скользили по камням, разъезжались в разные стороны в мути из песка и ила. Они то и дело падали на коленки, кряхтели и вполголоса неумело сквернословили.

Машина сидела, что называется, «на брюхе», колёса крутились вхолостую, разбрызгивая мутную изжелта-глинистую жижу, и никак не хотели цепляться за грунт.

Один из артельщиков сидел за рулём, давил на педаль газа, двое других изо всех сил толкали машину. Двигатель ревел, трясясь и выкидывая клубы сизого прогорклого бензинового дыма. Казалось, «Победа» вот-вот выберется из ямы, но в какой-то точке силы её иссякали, она, цепляясь протектором покрышек за грунт, постепенно скатывалась назад, затихала, набираясь сил и недовольно урча перед очередным рывком.

Повозка наша подъехала к броду и встала на берегу вдоль русла. Мы сели и, свесив ноги с края телеги, стали наблюдать за хлопотами любителей природы.

Охотники больше походили на новичков. Тот, что казался постарше, был в шляпе, очочках с круглой оправой, патронташем на поясе и почему-то в стареньком застиранном галстуке. По виду он напоминал бухгалтера. На пару с ним упирался сухопарый, с колючим взглядом крепыш лет шестидесяти в ватных штанах и ватной куртке, которыми обычно снабжают лесорубов в местах не столь отдалённых.

– Кхе-кхе, – прокашлялся Прокофьич, – вот она, матушка наша Русь, эх и народ, мда-а-а...

Приехали, вишь, городские благодетели, франты в галхстухах, и ждут, когда «пятый ангел протрубит...». Скрипуны (скрипун – молодой глухарь), стало быть, мда-а-а...

Машина закрывала проезд через брод, и помочь бедолагам был не только наш христианский долг, но и просто необходимость. Дед слез с телеги, сопя и покряхтывая, направился к мученикам.

Мужики обернулись разом, и лица их говорили о том, что узрели они не Прокофьича, а ангела, сходящего с небес.

Тот, который по виду напоминал бухгалтера, с блаженным лицом двинулся навстречу.

– Товарищи, граждане, братцы... – тонкий, не сообразный фигуре голос его дрогнул, – такая вот оказия с нами случилась, уж четвёртый час бьёмся – и никак. Поспособствуйте, за-ради Христа...

Нервным движением он машинально обтер пот с лица, скопившуюся на кончике носа мокроту, громко шмыргнул и затих, ожидая, что скажет Прокофьич.

Тот молча обошёл застрявшую технику, попыхивая «козьей ножкой», с тяжёлым вздохом присел на корточки. Охотники напряжённо следили за каждым его движением. Обойдя легковушку, он, не говоря ни слова, направился назад, к телеге.

Подойдя к мерину, Прокофьич похлопал его по лоснящейся шее и проговорил, будто самому себе:

– Ну что, коняга, поладимся во благо общества, а? – Мерин, словно понимая, о чём идёт речь, согласно замотал головой и фыркнул. – Во, молодец, одобряешь, значит. Ну-ну, – Прокофьич хмыкнул и принялся ослаблять гужи, освобождая оглобли и дугу.

Закинув вожжи за продольную шлею на спине мерина, он ухватил поводья широкой заскорузлой ладонью в аккурат у самых удил и, с силой потянув морду животного на себя, вывел его из-под дуги и оглоблей. Вытянув шею, мерин тяжело и как будто нехотя двинулся за хозяином, гулко стучая копытами по взбитой дороге.

Заведя животное перед автомобилем, Прокофьич молча завязал новые сырмятные

вожжи за бампер и передние крюки. Закончив, слегка хлопнул ладонью мерина по крупу. От шлепка по коже животного разбежалась волною мелкая дрожь. Мерин чуть подался вперёд и снова застыл как вкопанный.

С места водителя неспешно, с расстановкой выбрался солидный мужчина в баварской шляпе с пёрышком, охотничьей куртке, с замшевыми налокотниками, в солидных роговых очках. Повадками он представлял собой человека, привыкшего быть в центре внимания и слово которого непременно и подобострастно обязаны слушать.

Он подал знак. «Лесоруб» открыл капот и поставил упор. От мотора валил чад и пар.

– Ну, братья и сестры, с Богом. – Прокофьич потащил мерина вперёд под уздцы, но тот топтался на месте. Переминаясь с ноги на ногу, он вытянул вперёд сначала голову, потом шею, но не проявил никакой заинтересованности в чужой нужде и с места не сдвинулся ни на дюйм.

Прокофьич хлестанул ещё пару раз вдоль лошадиного хребта для порядка, но мерин стоял неподвижно, только лёгкая дрожь пробегала судорогой по крупу и затухала где-то в районе паха.

– Ну, сердешные, – Прокофьич сдвинул фуражку на затылок, – надо бы подмогнуть твари божьей, про вас старается.

Артельщики с разной степенью рвения ухватились кто за что смог, и работа закипела. Старик нахлёстывал мерина по крупу, «лесоруб» и «солидный» тянули за постромки, «бухгалтер» толкал животное в зад, но оно стояло как бетонное изваяние.

Сели, измученные, вытерли пот со лба.

– Может, заведём машину да ещё раз попробуем? – спросил «солидный».

Прокофьич согласно кивнул. «Солидный» полез на место водителя, но, прежде чем завести двигатель, развернулся и, встав коленками на сиденье, наклонился в заднюю часть салона за папиросами.

Старик, подняв голову вверх, размашисто перекрестился:

– Господи, протрубите трубы иерихон-

ские да помощи нам, Господи, в час трудов и страданий...

В этот момент «солидный», взяв папиросы, не рассчитал и со всего разворота сел ягодицами на круглую клавишу клаксона. Раздался рёв сирены. Мерин скакнул влево, потом вправо, чуть приподнялся и наконец рванулся вперёд. Подпорка из-под капота вылетела, и он, массивный, со всей высоты упал на корпус.

Раздался грохот как из орудия. Животное взвилось на дыбы, дико заржало, затем, сделав мощный скачок вперёд, вырвало машину из колеи и грязи. «Солидный» выпал из салона плашмя в речку. Вниз по течению поплыла баварская шляпа, слегка помахивая на прощанье пером.

Между тем заевшая клавиша клаксона продолжала непрерывно реветь. Мерин, дико вращая белками глаз, выскочил на дорогу и, отлягивая ногами, пытался сбить постромки. После нескольких несуразных прыжков он, закусив удила, рванул вперёд галопом «аллюр три креста». Чуть успокоившись, мерин постепенно перешёл на рысь и, выгнув шею лебедем, как скаковой жеребец, скрылся за лесным поворотом, утягивая за собой автомобиль, оружие, документы и весь остальной походный скарб.

– Ох ты, батюшки, оказия-то какая! – простонал тенором «бухгалтер».

«Солидного» подняли из воды, поймали и надели на голову шляпу. Избавившись от инородного тела, вода в речке стала чистой и прозрачной.

Охотники обступили Прокофьича. «Солидный» от всей артели обратился к нему хорошо поставленным густым баритоном, каким говорят престарелые артисты, лекторы и руководители средней руки:

– Дружище, э-э-э-э... позволь узнать, а куда мог ускакать твой иноходец? Сам понимаешь, документы, оружие и всё такое...

Прокофьич покосился на телегу, потом с прищуром посмотрел на городских. Мне показалось, что где-то там, на доньшке его глаз, блеснула озорная искорка и тут же потухла.

– Да кто ж его знает, тварь божья, она разума не имеет, да и дорог дальше – видимо-не-

видимо, куды её со страху занесёт, одной ей и ведомо...

А вы, сердешные, ступайте своим путём. Мы бы поспособствовали, да на мне имущество колхозное, – он кивнул на телегу, – ежели б подмогли доставить её как-то до места, уж и за нами не пропадёт – поищем животную...

Посоветовавшись, артельщики поручили дальнейшие переговоры вести «лесорубу», видимо, как классово более близкому к нам.

– Слышь, бодрило, мы согласны, но смотри, старый хрыч, когда дотянем – ты будешь с нами, пока не найдём твоего мерина, нашу машину и рухлядишку.

Прокофьич согласно кивнул.

– Только вы троём тащите за оглобли, а мы, если что, будем толкать сзади, – сказал он.

– Лады.

Артельщики прикинули, что негоже «солидного» ставить пристяжным, и поставили его в центре под дугой и колокольчиком, а сами впряглись в боковые лямки.

Разогнав телегу под уклон, мы сходу проскочили брод. На противоположном берегу очистили сапоги, стряхнули грязь с одежды и наконец двинулись вперёд.

Минул третий километр. Скрипела в ступице ось, позвякивал над баварской шляпой с пером колокольчик. Тройка уже не так резво тащила телегу. Прокофьич время от времени забегал вперёд, всматриваясь то в дорогу, то куда-то вдаль. Получалось, телегу тащили трое из охотничьей артели да я.

Лес закончился внезапно, и впереди, за небольшой луговиной, на вершине пологого холма показалась ферма и скотный двор.

Артельщики, раздетые до рубах, красные и потные, втащили телегу на холм, где располагался скотный двор. Когда «тройка» повернула за угол сарая, перед ними появилась старая ко-

нюшня с приоткрытыми воротными створками. Уткнувшись в створки, стояла «Победа». На её бампере болтались обрывки вожжей, обе фары выпали из гнёзд крепления и висели на проводах, капот примят. Охотники бросили оглобли и кинулись к своему автомобилю.

Мы с Прокофьичем подошли следом. Он протиснулся внутрь конюшни. Там, в своём стойле, переминался с ноги на ногу наш мерин и, медленно водя мордой внутри яслей, выбирал самые лакомые пучки сена.

Учуяв хозяина, он фыркнул, поднял голову, сдержанно и призывно заржал. Глядя на нас блестящими, влажными глазами, животное продолжало мерно жевать, прядая ушами.

Прокофьич вышел из конюшни, засунул руки в карманы тужурки и стал смотреть на возню наших невольных попугачиков. Следом за ним из конюшни вышел мерин. Он неслышно подошёл сзади, глубоко вздохнув, положил морду с длинной сивой чёлкой на плечо старика, и уже на пару они продолжали наблюдать за суетой артельских.

Они загружались в машину и словно дети радовались тому, что всё как будто бы обошлось. Только классово близкий «лесоруб», время от времени недобро косившийся исподлобья в сторону парочки, зло прошипел:

– Ну, сивый мерин... старая кляча... сволочь...

Охотники наконец загрузились в «Победу» и, пыля по просёлку, поехали за своей удачей.

Прокофьич хмыкнул:

– Мда-а-а, здесь, брат, не забалуешь...

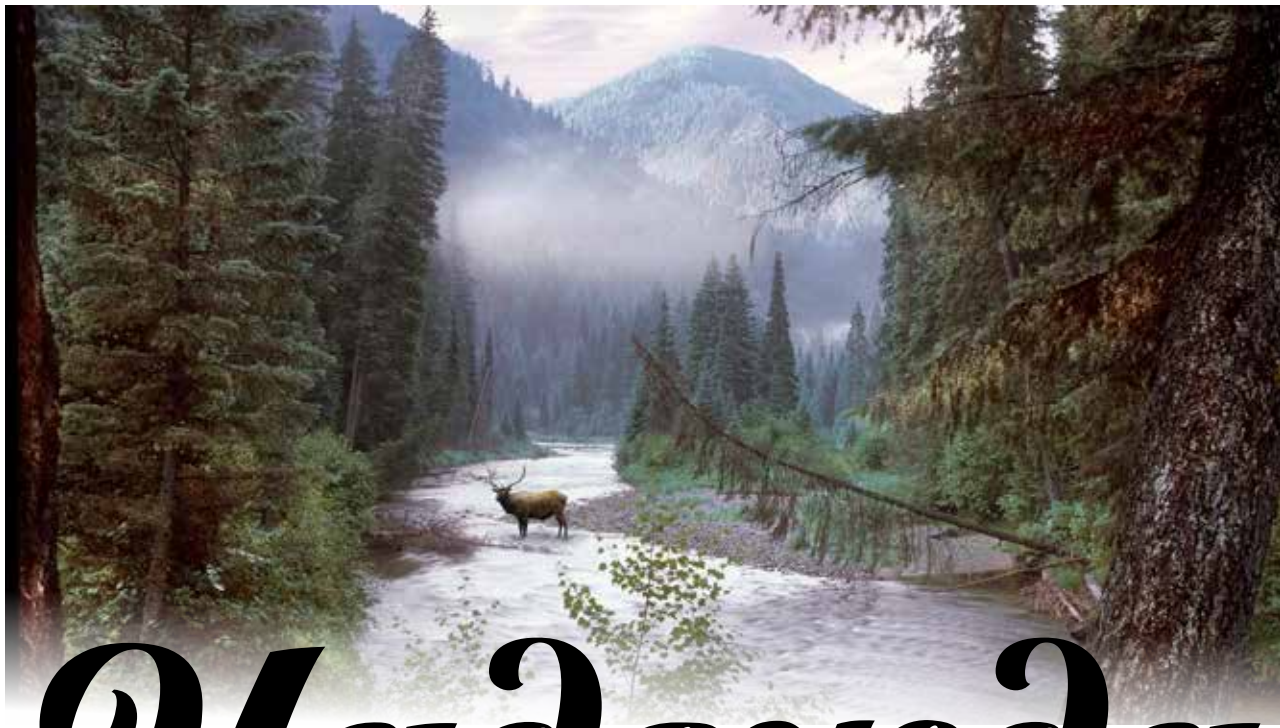
И, подняв указательный палец вверх, твёрдо произнёс:

– Мещёра!

Затем, аккуратно распахивая в стороны сапогом путавшихся под ногами кур, двинулся куда-то по своим крестьянским делам.

Валерий СЕРЯКОВ

Надежда

РАССКАЗ ИЗ СБОРНИКА ПОБЫВАЛЬЩИН «СКАЗКИ СТАРОГО ХАЙ ДУН ШЭН-ГО»

Виктор УСОВ

Пустое предупреждение:

– Внимание: укол! – И беспощадная рука тычет в меня иглой.

«О-о-о-о...» – скрипя зубами, проклинаю день и час, когда нелёгкая занесла меня в поликлинику. Тот тощий из очереди прав: «От укола глаза лезут на лоб...»

– Второй укол, – буднично сообщает экзектор, и острая железка натужно впивается в самые нежные места.

«Ох!» – закативши глаза, сдерживаю стон. «Болезный хлестался, что после подобной манипуляции с этой кушетки его эвакуировали на скорой». Я клянусь всех и вся, а врач буднично колдует над моим покорным телом, прокладывая путь к исследуемому органу.

– Гель ваш? – один доктор спрашивает другого, хозяйку кабинета. – Хорошо... – Получив добро, хлопочущий эскулап фарширует мои внутренности чем-то прохладно-лип-

ким. Опосля внутри меня нарастает давление, ткань моих потрохов, сопротивляясь, прогибается, прогибается – рвётся! Щелчок, щелчок... пошла потеха. Острая игла вырывает из меня кусочки плоти. Раз, другой, третий... боль, нарастая, жжёт огнём, и, теряя счёт этим щелчкам, сжимаю зубы так, что крошится эмаль...

Подельница в белом халате суетится под рукой главного мучителя:

– Давайте возьмём образец вот отсюда.

Молчун в очередной раз щёлкает своим медицинским пистолетом, и, закатив очи, я выпадаю в глубокий нокдаун. Руку сдавливает манжета тонометра, но это меня не беспокоит. Голова налита свинцом, в глазах гаснет свет, звук глохнет, глотка ссохлась, ни глотнуть, ни выплюнуть.

– Пульс 90/60, – ровным голосом комментирует подручная, и чужие пальцы трут мне виски, тыча под нос что-то влажное. – На нашатырь не реагирует...

«Ну, – смиряюсь с неизбежным, – настал мой черёд кататься на карете с крестами». Однако бог миловал, отпустило.

* * *

Проходит две недели, я прибываю к моему давешнему мучителю за приговором и слышу:

– Что ж, милейший, годик другой я вам гарантирую... – Мне кажется или его заверения и ранее не приносили душевного облегчения ни одному страждущему?

* * *

Когда за твоими плечами в прошлое тянется дорога длиной в шесть десятилетий, отмеренный тебе безжалостной судьбой жалкий год на дожитие кажется попавшей в обувь дорожной соринкой. Проще вытряхнуть, всё одно не сумеешь толком распорядиться этой малостью. Оно и понятно, позитивные мысли больше не гостят в твоей голове. Там хозяйничает дефективный вопрос: «Как прожить оставшееся... чтобы и себя потешить, и людям было что сказать – когда придёт время?»

Загибаю пальцы: «Отдаться созидательному труду? – подумал, и самому сделалось неловко. – Бред! Где и что созидать – кругом сплошной сиволапый маркетинг».

Кончаю маяться дурью: «Была же у меня "гусарская" молодость. Да какая, с огоньком! К лешему больничные стены, будь что будет!» Утверждаю в голос план краткой жизни:

– Женщины, вино, азартные игры... – былого запала едва хватило на озвучивание громадьи планов, и он сменяется депрессивным нытьём: «Заманчиво, вот только от баб одни проблемы, я доподлинно знаю. Пить в одиночку моветон, а сидючи с приятелями за водкой, треба поддерживать задушевные разговоры о прелестях жизни. Выходит, и это не выгорит», – грешную душу поедом едят жалостливые думы лишь о себе любимом. «Остаются игры с кутежом, но на подобные забавы нужны немеряные ассигнования. Значит, возвращаемся к вопросу о труде, ибо воровать не обучен. Но тогда

придётся вкалывать – пить и блудить будет некогда, а времени-то в обрез! Вот засада...»

* * *

Остановился на привычных забавах – рыбалка-охота... По лету обловил рыбные места, осенью погонял птицу, и к декабрю занесла меня нелёгкая в охотхозяйство «Орлиное». Со мной увязался сосед-дембель, Пашка Кучумов, так вдвоём и отправились. Добрались по асфальту до села Майхе и гравийкой, ведущей к Ивановке, отмахали долиной реки Майхе километров с полста, до самого устья речки Пейшула. Дальше свернули к кордону заповедника, жмущегося к скалам горы Змеиной. Той самой, с пещерой «Спящей красавицы». Вид знаменитой горы заставил вспомнить журнальные снимки волоокой девы с бледными известковыми щеками: «Что творит мать-природа!» Восхищаюсь вычурности мироздания, а самому хочется верить, что человек приложил свою руку к созданию нежного лика каменной красавицы. Ведь во тьме пещерных залов нашлась ещё парочка стилизованных фигур непонятной чертовщины.

– Останови, – говорю, – имею намерение забраться на гору, глянуть на чудный образ.

Пашка, вереща, жмёт педаль газа:

– Не дури, дядя Рома, сорвёшься с обрыва – костей не соберёшь. – Заботливый малый. Эх, если б пацан знал, что мне предстоит вынести-пережить, не спорил бы. А так никаких страданий – шмяк с верхотуры, и делу конец.

Добрались до зимовья, наскоро обустроились и отправились тайгу тропить. Она кормилица в тех местах матерущая, с подхода можно изюбря добыть или бурого мишку-шатуна с белогрудым родственником встретить. Про полосатого кабаньего пастуха и вспоминать не хочется. Пасёт себе клыкастый свинячьи выводки, кочует вслед за живым холодильником, скрадывает отставших поросят, вот пускай и пасёт. Помирать в тигриных когтях, словно зачуханный свинтус, по мне, явный перебор: «Бр-р-р!»

Всё выше, выше и выше взбираемся к перевалам Да-дьян-шань. Здоровенький Паха рвёт

вперёд – не утонишься. А у меня и без прочих осложнений лишний вес и одышка. Устраиваю себе передышку верхом на выворотне. Гляжу, пострел притих, тихо-тихо крадётся зарослями леспедецы, разве что не ползёт к перевалу. Дополз, привстал, упёрся плечом в ствол дерева, не дыша замер, выцеливая дичь на противоположном склоне. Выстрел! Гром на всю тайгу. Не спеша подхожу к стрелку, он с идиотским видом – рот раззявлен, аж слюни с уголков губ стекают, и глаза из орбит лезут – как сидел под деревом, так и сидит. Интересуюсь:

– В кого пулял?

Борясь с сомнениями, Паша отвечает:

– По козлу.

– Каков результат?

– Полетел, – всплеснув руками, мычит горе-охотник.

Недоумеваю:

– Кто полетел? – моя очередь удивиться, а сам думаю, всё ли в порядке с городским пацаном, может, свежим воздухом отравился? Чуть не плача напарник срывается на крик:

– Да козёл, дядя Рома! Раскрыл широкие чёрные крылья и полетел, вон туда, – сам дрожащую ручонку тянет, указывая направление – вниз.

«А-а, – думаю, – ну полетел и полетел. С его болячкой жить даже интересней. Тут помещаются розовые собаки, там вместо грифа привидится летающая косуля... а вот мне отломилось, – грусть гнетёт сердце, – так отломилось. О-хо-хо, доля моя горькая». Машу рукой на пришибленного Пашку: «Эх, с дурачком турусы разводить что в воду ступе толочь, навязался на мою голову».

Едва вскарабкались на гребень, опечаленный Паша жалуется:

– Дядя Рома, живот прихватило, я мигом, – и шуганул обратно вниз.

В гордом одиночестве люблюсь с высоты орлиного полёта открывшейся красотой. Подо мной сплошным ковром расстилается чёрно-бело-коричневая тайга. Мне с гребня далече видно. Снегом присыпанная, сухим дубовым листом прикрытая. И тишина, ветерка и того нет. Повсюду теснятся кручи сопки.

Одна из них одолжила название реке Пейшула. Правильно будет: Бэй – «север», Шу – «гора», соответственно Ла – «скала». В складках лесистых сопки прячутся Майхе, большая и малая Лутонга, Сица и Хангула – реки, несущие хрустальные воды угольями охотхозяйства вдоль подножья горной гривы. Дальше, за волнистой линией горизонта, угадывается место обитания чудес приморской природы – Шкотовское плато.

Ожидая напарника, позволяю себе расслабиться. Расстёгиваю гульфик, чего время зря терять, вроде при занятии, а глаза свободны. Пока орошаю жухлую растительность, замечаю ниже по откосу среди сухих метёлок пампасной травы кусты в оленьих заломах. Присмотрелся – из высокой травы торчит голова сайка. Который раз подмечаю: идёшь – пусто в лесу. Остановился, глядь, кругом жизнь куролесит. Оставляю мокрое занятие, прицеливаюсь, стреляю. Животина как лежала, так и лежит, только голова опала. Поздравляю себя с охотничьей удачей, а сам не могу отделаться от ощущения, что на меня сбоку кто-то смотрит. Не опуская стволов (в одном остался якан), поворачиваюсь в сторону наблюдателя.

Метрах в десяти, не более, боком, как в зоопарке, замер красавец рогач, лобастый и длинноухий. Через прицел мне отлично виден бок зверя буро-рыжей окраски, осыпанный весёлыми светлыми пятнами. Забывая о мушке, поверх стволов любуюсь широкой бычьей шей в длинной густой шерсти, стройными сухими ногами, подвздошьем, прикрытым чёрным жирным мехом. Олень-цветок бессовестно пучит в мою сторону карие глаза, огромно-блестящие, завораживающие... и ждёт выстрела. Но я не дурак: «Шалишь, не мне тебе, дружок, вредить, я и без того на ладан дышу. Обидишь хозяина леса – и каюк, он не человек, от него в лещине не спрячешься, без расплаты не отпустит».

Видимо, Пашино умственное расстройство оказалось заразным! Сознаю, что порю чушь, но, ей-ей, это он, Сам Амба смотрит мне в глаза глазами глупого пугливого существа. Проверяет меня на вшивость, оценивает, допускать

ли до своих сокровищ. Недаром по соседству, на перевале Лян-за-лин, лет триста стоит каменная кумирня, знак поклонения инородцев «Господину, истинному духу гор, охраняющему леса». Вспоминаю слова обращения к непознанной силе природы, вычитанные в какой-то книженции:

«Духу Хурэн Эдени, что бродит в лесах в облике медведя с девятью горбами, обращаю просьбу свою, и моя радость сверкает чешуёй рыбы, а её красивое оперение переливается радугой. Владыка гор и лесов, охраняющий их богатства, не оставь меня милостью своей, а моих близких без прокорму. Замолви за меня слово перед хозяином охотничьих угодий Боа Эдени и пошли мне в помощь маси, духов – покровителей людей, и главного среди них Калгамо», – бормочу нелептицу, а сам под древний заговор тихонько опускаю ружьё. Гляделки затянулись. Без гипноза стволов самец, забыв про моё присутствие, очнулся от наваждения, тряхнул рогатой башкой и, величаво развернувшись, неспешно потрусил к гадившему в кустах Кучумову.

– Вы чего бегали вниз? – громкий окрик карабкающегося ко мне Паши выводит меня из оцепенения.

– Чего? – машинально переспрашиваю и заливаюсь краской. Штаны-то я позабыл застегнуть. Суечусь, приводя себя в порядок, по ходу оправдываясь: – Пока тебя, Паша, ждал, и шага в сторону не сделал!

Он настаивает:

– Сижу, значит, развлекаюсь, мимо меня пробегают, а не видно никого. Ясен пень, вы бежите, больше здесь бегать некому! Мне и сделалось любопытно, за кем это дядя Рома гонится?

Похоже, я оказался прав. Не увидеть зверя полутора метров в холке и килограммов под двести весом, который на тебя наступил копытом?! Без разницы, находишься ты в состоянии дефекации, иначе говоря какаешь, или ещё чего делаешь. Экая небывальщина! Да и таких крупных особей мне не приходилось встречать. Килограмм на сто – сто двадцать, не больше, попадались. Озадаченный, рассуждаю: «Сколь-

ко было отростков на рогах быка?» – тужусь, но не могу припомнить. «Чертовщина...» – закрываю глаза, красавец олень стоит передо мной как наяву, а его рога кажутся мне ветвистым кустом. Увещаваю сам себя: «Ну не живут в природе такие старые олени», – и, унимая сердцебиение, спокойно говорю:

– Паша, там, ниже, саёк лежит, тащи наверх, шкуру спустим, освежаем да домой почпаем, – беспричинно озираюсь окрест. – Знаешь, парень, мне тоже чудное зверьё мерещиться начало.

За полчаса упаковав мясо по мешкам, мы без приключений спустились к подножью и добрались до зимовья. Подходим к жилью, а у входа в балаган поверх отпечатков кабаньих копыт и наших дневных следов лежалый снег истоптан чужими ногами. Мой пацан кивнул на серую «Мицубиси Делику», прижавшуюся бортом к его крошечному внедорожнику:

– У нас гости!

Негатива в моей действительности хватало и без его кислого вида, и, указывая на светлый дымок над кирпичной трубой избушки, через силу радуюсь:

– Они за нас протопили хату к ночлегу, нам остаётся повечерять – и на боковую! – сказал как отрезал. Поджав губы, малый расстроился. Юношу не укатали сопки, и я заверяю: – Завтра, Паша, непременно завтра догоним всех кабанов! – тычу пальцем в звериные следы. – Не сомневайся, далеко не уйдут.

Сую нос в дверь зимовья и чую замешанный на табачном дыме, сивушных парах, прелых шубёнках и пропотевших кирзачах тёплый печной дух:

– Ух, какая прелесть! – со свистом втягивая носом балаганное амбре, вхожу в полутёмную комнату. Единственное помещение с низким зачумлённым потолком просторно. С левой руки стена из проконопаченного бруса обустроена оконцем и широкой лавкой под ним, прямо дощатые полаты морд на десять, третья стена утыкана колышками и увешана тулупами, ватниками, куртками и прочим портяночным тряпьем, жмущимся к печке, обмазанной глиной. Посередине главным украшением охотничьего

привала красуется стол с зажжённой керосиновой лампой. Затёртая до чёрного блеска столешница уставлена мисками с соленьем, кружками и початыми бутылками. Подле стола на лавках сидят двое, крупный интеллигент с солидным лицом в овчинной безрукавке и мелкий крючок в водолазном свитере, не снявший серой солдатской шапки. Они беседуют:

– На кой, Савелий, вы поляну расчистили, – интересуется мордатый, кроша толстыми пальцами хлебную краюху.

Не донеся до рта солёный огурец, Савелий свободной рукой скребёт под шапкой затылок:

– Николаич, это вертолётная площадка, – оставляя в покое хлебную корку, любопытствующий в удивлении замер, – недавно ждали Самого, он прилетал целоваться с тигрицей...

– С тигрицей?

Крючок, хлебнув из алюминиевой кружки, морщась, передёрнулся:

– Ух, хорошо пошла... ага, с полосатой киской...

– И как, – мусоля сухую горбушку, не отставал сотрапезник, – понравилось?

Стаскивая трех с засаленных волосьев, малый в сомненье пожал костлявыми плечами:

– Начальству – не знаю, а зверюга сдохла...

Встречаю в мирную беседу со своим: «Здравствуйте!» Радуюсь появлению нового лица, интеллигент встаёт мне навстречу, его визави, возвращая шапку на место, поедает мою особу подозрительным взглядом:

– Гражданин, а лицензия...

– Савелий, – его обрывают на полуслове, – лицензию у нашего гостя проверили на кордоне, – и, протягивая мне руку, интеллигент радушно улыбается. – Милости просим с нами за стол...

Застольные посиделки затянулись. Пашка уже давно похрюкивал носом, сладко пуская слюнки на просторных полатях, неприятный тип, подвязав подбородок вязками шапки, храпел с переборами на подоконной лавке, а я всё слушал нового знакомого, просто напичканного историями на все случаи жизни:

– ...Здесь, в этом зимовье, остался в холода один мой приятель, – рокотал в ночи Николаич,

оказавшийся на поверку то ли травматологом, то ли ортопедом артёмовской больницы. – Ему поставили смертельный диагноз и дали полгода разобраться с земными проблемами. Горемычный замкнулся, ушёл в себя. Даже забросил работу, позабыв про все дела. Осенью мне удалось вытянуть его на природу, в Ольгу. Там, на берегу Аввакумовки, в деревне Михайловке, болезный пересёкся за водкой с местными тазами. Кто-то из них, видимо местный шаман, и надоумил умирающего попробовать выгнать болезнь силами природы: «Смерть – она что вечный холод. Попробуй её холодом и пугнуть», – вещал больному пьяненький знахарь. «Всё ерунда!» – злился наш приговорённый. И знаешь, Рома, так ничего и не вышло бы из идеи таёжных поклонников анимизма, да помогло христианство. Вычитал страдалец, что один из патриархов церкви в стародавние времена излечился в купели с ледяной водой после падения с высоты. Прочитав подобное, отчаявшийся, в одночасье собравшись, отправился в тайгу. В полном одиночестве он прокуковал здесь всю зиму, – разговорчивый травматолог-ортопед прихлопнул по столу ладонью, – окунаясь по нескольку раз в день в прорубь. Кончилась его затея тем, что беднягу обсыпали чирьи. Всё тело нарывало, поднялась температура, и он без постороннего ухода не ел неделю, а может, и больше. Только пил воду из запасённых в сенях вёдер, – Николаич указал на дверь в сенцы, в которых на лавке стояли рядом цинковые вёдра с водой. – Как только нарывы созрели и тело стала покидать гнойная гадость, почувствовал мой товарищ сильнейший голод. Всё подъял и с голодухи вышел к людям. Но вышел без смертельной хвори.

– Да ты что! – едва цежу слова, а у самого зубы клацают в нервном ознобе.

– Сказочные места! – заверяет артёмовский врач. – Ну, давай по маленькой, за здоровье излечившегося!

Как результат многочасового мозгоклюйства Николаича, ночью мне снилась всякая хрень. Казалось, а может и нет, что открываю глаза, а в окно пляшет синюшным светом луна. Вдруг чья-то тень – возможно, филин расправил

свои крылья против света – закрывает ночное светило, и, прильнув к мутному стеклу, мерзкая чёрная рожа жадными хищно-жёлтыми глазами высматривает меня внутри зимовья. Это Дегдэр Дуэнтэ, болезнетворный таёжный дух, вышел на ночную охоту собирать души провинившихся промысловиков. Верчусь с боку на бок на широких, рассчитанных на добрый десяток мужиков полатях. Решаю: поутру надо бы в благодарность за кров и защиту выставить за печку незримому хлопотуну домовому чарку с водкой и накрыть её толстой-претолстой коркой хлеба.

С перепою, да и спал я дурно, с головной болью и аритмией наступило для меня долгожданное утро. Прополоскав кишки крепким чаем – кусок не лез в горло, – подгоняю прожорливого мальчишку, чванствующего за артельным столом. Пора выходить в тайгу. Обул короткие пимы на меху, собрался с духом и выгнал парня из тёплой избушки на мороз. Чего он ждал? Приехал на охоту – марш-марш на мороз. В тайге некогда подле печки нежиться.

День промелькнул как в тумане. Что стрелял, что таскал, не ведал, всю дорогу переваривал услышанное ночной порой. Засветло вернулись к бивуаку. Упаковались, погрузились, прогрели картер двигателя жестяной шайкой с угольями, и Паша запустил мотор:

– Всё, дядя Рома, сидайте, отвезу вас до дому! – улыбочивый водитель заботливо отворил передо мной дверцу к пассажирскому месту.

Гляжу на политесы напарника, стою, оперев плечо о дверной косяк, и со стороны слышу свой голос:

– Знаешь, Паша! Поезжай один, я ещё на пару деньков останусь, поброжу с ружьишком, – слышу и не верю, что это говорю я.

Парень едва не расплакался:

– А я?

Усмехаюсь:

– Тебе в город нужно, ты же сам хвастал, что на работу устроился.

– В геолого-разведочную партию завербовался, – набычившись, соглашается Паша.

– Вот и отлично! С геологами вволю нагуляешься по горам-долам, а я домой с Николаичем уеду, – киваю на автобус травматолога...

Паша уехал. Долго смотрю ему вслед. Мне грустно. Так же некоторое время спустя я провожу и нового приятеля, врача, надомившего меня податься в отшельники, голодом и холодом взять на измор мою болячку. Может, что и получится из этой затеи, не знаю. Да и ладно! А пока смотрю на тянувшийся за Пашкиным джипом сизый дым, застрявший в еловых лапах, и представляю осыпанную веснушками довольную физиономию водителя: «Встретимся ли вновь?..»

* * *

В этой жизни не увидимся. Здоровый и молодой Паша утонет в холодной горной речке на далёкой Камчатке. Впрочем, я узнаю об этом, лишь вернувшись из таёжной ссылки... если, конечно, доведётся вернуться.

Виктор СЕМЕНОК,
врач-реаниматолог

УДАР МОЛНИИ

Июльский день в деревне моего детства начинался с появлением бледно-оранжевого зарева над горизонтом Судилового бугра, возвышающегося на востоке нашей деревни. Зарево наливалось багрянцем с волшебным превращением в золотисто-яркий, пылающий и расходящийся веером небосвод. Это завораживающее явление притягивало к себе всё живое, так как дарило ему жизненную энергию и пробуждение. Через какие-то минуты небосвод становился ярким до боли в глазах и расцветал дивным божьим светом от восходящего светила. Быстротечная завораживающая красота и получаемое от неё блаженство незаметно исчезали. Глаза щурились, отворачивались от яркого светила. Тело наливалось энергией и бодростью. Душа наполнялась радостью, созиданием и надеждой на удачный новый и неповторимый день. Я любил смотреть на завораживающее волшебство июльского рассвета. Одухотворённый колдовской картиной, я, не обращая внимания на лужи под ногами и холодную луговую росу, босиком быстро добирался до колхозного табуна, находящегося с километр за деревней. Там с помощью приманки и хитрости ловил гнедую кобылку и, вскарабкавшись на неё, трусой приезжал в родительский двор. Это была моя обязанность, она поручалась мне ещё с вечера отцом, когда приходилось использовать лошадку для сельхозработ.

И это памятное утро воскресного дня начиналось с обычной деревенской суеты и не предвещало ничего плохого. Селяне, отправив домашнюю скотину на пастбище, не спеша занимались своими дворовыми работами. Любопытная босоногая детвора ещё не выкатилась на улицу. Молодёжь после вечерних «танцулек» и ночных гулянок отсыпалась. Родители давали

им такую поблажку при отсутствии неотложных деревенских работ. Летнее солнце быстро набирало высоту, не забывая, однако, при этом заглянуть в окна деревенских хат и разбудить своими яркими тёплыми лучами заспавшихся гуляк. Мой отец, фронтовик, хлебнувший горя и ужасов отгремевшей войны с «поганой немчурой», привык вставать рано, до рассвета. Сделав обход своего хозяйства и прикинув в голове план работ нового дня, поспешил с косой на луговину. Мокрая от ночной росы трава ровными покосами стелилась из-под косы отца. Косил он мастерски, легко, чисто, без огрехов и с удовольствием. Косить он мог весь световой день без усталости с редкими короткими перерывами для правки косы и «потребных нужд». Я всегда удивлялся его работоспособности, выносливости и оптимизму. На косовицу он брал, как правило, с собой в торбу краюшку хлеба, шматок сала и литровку фруктового узвара. Энергии от такой трапезы ему хватало на косовицу в течение полного дня. Докосив «по росе» луговину, отец с ношей скошенной травы вернулся к завтраку домой. Я не удивился этому, но мне, отпускнику, было немного неудобно. Ведь отец уже «наработался», а я, разбуженный утренним солнышком, только что вышел из хаты на свет божий. Поздоровавшись с отцом и окинув взглядом голубые небеса с сияющим солнцем, я промолвил: «День ожидается знойным и безветренным». Отец снял свою мокрую от пота холстяную рубаху и, подходя к самовару-умывальнику, неторопливо проговорил: «Нет, сын, после обеда надо ждать дождя с грозой. Так что скошенную травку надобно будет непременно поворошить, а через три-четыре часа собрать в копну». После чего он оросил себя по пояс свежей ключевой водичкой, принесённой

из криницы, обтёрся холстяным рушником. Я тоже последовал его примеру. Вышла из хаты мать и пригласила нас к завтраку. Летом у крестьян-колхозников дел невпроворот. Времени для «расслабухи» за завтраком или обедом нет. Приём простой, домашней, я бы сказал, скудной и в то же время здоровой пищи, скорый, как в армии. Дела не ждут, одно за другим наваливаются, и все практически неотложные. Часа через два я поспешил на луговину и поворошил скошенную траву. А спустя ещё несколько часов мы с отцом вернулись в урочище Лавриново на луговину и собрали сенцо в копну. Солнце сияло в зените. Ослепительно голубое небо было чистым, без единого облачка. Округа наполнялась молчаливой тишиной и знойной жарой. Перегретый воздух звенел своим особым, тонким, непостижимым излиянием. Смешанный аромат скошенного разнотравья ощущался остро и опьяняюще. Обливаясь потом от жары, мы возвращались с отцом домой. Нагретый солнцем песок обжигал мне ноги. Отца это не беспокоило, он был в сапогах. А меня потянуло на песчаное искушение. Хотелось прохладного дуновения ветерка. Звенящий зной и завораживающая тишина угнетающим образом действовали на окружающий живой мир: листочки на кустарниках скручивались, цветочки прикрылись своими тонкими и нежными лепестками, травинки сжались и стали колкими. Полевые и луговые птички попрятались и умолкли. Даже теплолюбивые кузнечики притихли, лишь изредка кое-где из-под кустов прозвенит их одинокое и ленивое стрекотание. Дорога, а потом узенькая тропинка привели нас в отцовский сад. Здесь было посвежее. В тени фруктовых деревьев мы присели на скамеечку и дали отдых своему телу и душе. Это был мой первый отпуск после получения специальности врача – анестезиолога-реаниматолога, которую я освоил в Ростовском медицинском институте.

Эта специальность мне пришлось, как говорится, по сердцу и душе. Она требует от врача постоянного совершенствования, обширных и глубоких знаний в медицине, быстрого, оперативного и ответственного принятия решений в диагностике и лечении. Оказание экстренной, неотложной помощи угасающему организму чело-

века довольно часто приходилось мне проводить вне лечебных учреждений, как говорится, с ходу, когда нет возможности с кем-то посоветоваться или использовать специализированные методы обследования и лечения. В семидесятых годах двадцатого века многих современных методик и технологий не было. Поэтому приобретённые знания, опыт, а в дальнейшем и интуиция были залогом успеха врача-реаниматолога. Зато какое же было внутреннее удовлетворение и счастье, когда я возвращал человека к жизни. Никакие материальные блага не способны были заменить мне победу жизни над смертью. Результаты моего труда были видны сразу, что вдохновляло и двигало меня к самосовершенствованию, несмотря на бессонные ночи и беспокойные дежурства в больнице и на «скорой».

В тот жаркий июльский день я был приглашён на свадьбу. Мой двоюродный брат по отцу, Ванюха, шофёр по специальности, укатил с утра в другую деревню за своей невестой на грузовике-«ласточке», как он его величал. Жених Ванюха был весельчак и балагур. Светловолосый, с карими глазами, со светло-чистым девичьим лицом, худощавый, выше среднего роста, всегда подтянутый. Любил элегантно одеваться и выглядеть модным щёголем. В движении, как у нас говорили, «быстряк», а работа в его руках споро ладилась. Речь его сопровождалась прибаутками с перчинками. С лица не исчезала переливающаяся улыбка.

Около двух часов дня деревня наполнилась серенадой автомобильных гудков, зажигательной свадебной музыкой с песнями, которые катились по деревне к месту свадьбы. Дом жениха находился на окраине деревни, на пригорке возле деревенского погоста. На улице и во дворе собралось уже много селян и гостей в ожидании свадебного кортежа. Любопытные зеваки и любители «перемывать косточки» группками занимали лучшие места обозрения. Кортеж из ЗИС-«Урал» и ГАЗ-51, разукрашенный цветами и разноцветными ленточками, издавая протяжные гудки, подкатил к дому. Толпа ожидающих притихла. Заглушив мотор, Ванюха стрыгнул на землю. В модной розовой тенниске с мелким замочком, в широких светлых брюках типа

«клёш» и лакированных венгерских туфлях, соколом направился к невесте. Дружки его открыли уже дверь кабины, где восседала улыбающаяся и смущённая невеста в венчальном наряде. Она протянула к нему свои белые и нежные ручки. Он, наполненный счастьем и любовью, подхватил её на руки и быстро внёс во двор под сопровождение радостных возгласов гостей. Невеста после длительной езды по ухабистой дороге выглядела бледно-озабоченной, со смущённой улыбкой. Её озабоченность и беспокойство мне были известны. Накануне Ванюха мне поведал о её беременности, но об этом, как он выразился, «ни гу-гу!». По деревенским давним традициям родители жениха преподнесли молодым каравай (хлеб-соль) на цветастом льняном рушнике. Невеста поклонилась родителям и быстро откусила кусочек каравая. Возбуждённый Ванюха ухватился за край каравая зубами, но не мог его сразу откусить, вертел головой, потом взял его в руки и наконец оторвал кусок. Вышла заминка. Это у окружающих вызвало смех, улюлюканье и прибаутки, а любители предсказаний высказали, что это не к добру. По окончании церемонии молодых пригласили в дом и усадили их на «кут» под образами, то есть на самое почётное место. Поздравление молодых, тосты за их счастье, здоровье, за их будущих детей не стихали. Пиршество было в разгаре.

В доме с небольшой площадью было душно, да на улице ещё жара, поэтому двери и окна были раскрыты. Мы с отцом сидели за столом на лавке у окна, из которого открывался вид на луг до самого горизонта. Там, на западе, за лугом, над хутором Муравинка висела сплошная темнота. Она застилала небосвод и быстро поглощала небо над лугом. Прохлада, принесённая ветром, остудила дневную жару. Посыпались редкие крупные капли дождя. Сверкнула над лугом молния и прогреготал гром. Гости немного притихли, но через минуты продолжился весёлый и шумный праздник. Ветер и дождь усиливались, поэтому окна быстро закрыли. В хате потемнело, включили освещение из одной висящей под потолком лампочки. На деревню обрушились шквальный ветер и дождь. Селяне и гости, находившиеся во дворе, быстро разбежались по разным укрытиям

и домам. Шум от проливного дождя и ветра длился не более получаса. Потом резко стихло. Некоторые из гостей стали открывать окна, так как в хате стояла невероятная духота. Из открытых окон потянуло прохладой и свежестью. Внезапно вспышка ослепительной молнии с одновременным грохотом и треском потрясли и осветили хату. Лампочка под потолком погасла. Свадебный люд оцепенел и замолк на мгновение. Многие стали креститься и шептать молитвы. Резко запахло обугленной электропроводкой. Внезапный раздирающий крик «Невесту убило!» вывел нас всех из оцепенения. Началась невероятная суета. Плач, причитания, толкотня и крики: «Невесту на свежий воздух выносите, да в землю прикопать надобно». Я глянул в сторону молодых. Голова невесты лежала лицом прямо на тарелке с пищей. Ошарашенный Ванюха, подняв голову невесты, тряс её и что-то кричал. Я попытался протиснуться к ним, но возбуждённая толпа вынесла меня и остальных во двор. Я быстро последовал за ними. Во дворе трое мужиков уже успели выкопать в мокрой песчаной земле углубление, в которое дружки жениха опустили бездыханное тело невесты Раисы и начали присыпать его песком. Увидев такое мракобесие, я на мгновение опешил. Какая-то внутренняя сила сорвала меня с места. Растолкав взбудораженную толпу гостей, я быстро очутился у изголовья невесты. Ванюха с растерянным, беспомощным видом сидел на грязной мокрой земле, держа голову любимой в своих ладонях. Бледно-серое, с синюшным оттенком лицо Раисы отражало её критическое состояние и наводило на мысль о вознесении её души. Грудное дыхание не определялось. Для проведения искусственного дыхания я принял голову невесты из рук Вани в свои руки, а его попросил успокоить окружающих, чтобы они не галдели и не мешали мне оказывать ей неотложную помощь, о чём он сразу всех и оповестил. Наступила молчаливая и тревожно-ожидательная тишина. Принимая голову Раисы в свои ладони, я успел прощупать пульс на сонных артериях. Он был слабый и «хромал». Обследовав пальцами ротовую полость пострадавшей и убедившись в отсутствии в ней пищевых остатков, начал проводить искусственное дыхание «рот в рот», предварительно зажав ей

нос. Мой большой дыхательный объём воздуха, вдуваемого в её лёгкие, довольно выраженно поднимал её девичью, тонко сложенную грудь, что указывало на эффективную вентиляцию лёгких. Прodelав пять-семь дыхательных циклов, я заметил исчезновение синевы с её губ. Серая пелена сползала с лица, освобождая место нарастающему бледно-розовому цвету жизни. Усиление пульса и исчезновение его «хромоты» давали мне надежду и уверенность в благополучном исходе. Ещё через несколько проведённых дыхательных циклов у неё появились «кроткие» самостоятельные вздохи. Продолжаемое искусственное дыхание, но уже в такт с её редкими слабыми вздохами, привело к восстановлению самостоятельного дыхания. Задёрнулись ресницы, задвигались веки, потом открылись глаза, которые созерцали непонятное и неведомое для неё окружение. Увидев, что невеста открыла глаза, Ванюха прослезился. Я облегчённо вздохнул и успокаивающе сказал: «Самое страшное, Ваня, теперь уже позади». В окружающей тишине проплыли слова: «Слава Богу... Жива. Господь помиловал». Окружение заколыхалось, зашевелилось и наполнилось Божьей благодатью. Я попросил дружков жениха принести матрас и убрать землю с ног невесты. Дружки переложили Раису на принесённый сухой матрас. В это время, кем-то вызванная, ко мне подошла деревенский фельдшер Мария Васильевна и предложила свою помощь. Приняв от неё фонендоскоп и аппарат для измерения артериального давления, я провёл обследование пострадавшей. К моему счастью, показатели были обнадеживающими. Для стабилизации дыхания и сердечно-сосудистой деятельности я сделал назначение, которое Мария Васильевна исполнила. После чего, как говорится, Раиса «пришла в себя». Слабым голосом она промямлила: «Что случилось? Почему я здесь?» Мы попросили её не волноваться и сказали, что всё хорошо, обошлось. Я спросил, что у неё болит, хорошо ли она видит всех вокруг, узнаёт ли кого. Она медлительно сообщила, что болей не ощущает, только слабость. «Вижу хорошо всех вас. А почему мой Ванечка плачет?» – спросила Раиса. Ванюха обнимал её, и слёзы радости крупными каплями падали на её лицо. Мы все были счастливы,

что сознание вернулось к ней и Божья душа не улетучилась из тела. Очередная набежавшая тучка, как бы в подтверждение Божьей милости, внезапно оросила всех нас тёплым редким дождем. Из-за тучки выглянуло солнышко, и разноцветная радуга изогнулась над лугом. Не мешкая, дружки подняли матрас с невестой и перенесли в дом. Переодев невесту в сухую тёплую одежду, уложили в кровать. Свадьба, естественно, расстроилась, гости расходились. Мы с Марией Васильевной снова провели тщательный осмотр пострадавшей. Она замедленно, но адекватно отвечала на мои вопросы. Хрипы в лёгких не выслушивались. Артериальное давление было компенсированным, ритмия не определялась. При осмотре грудной клетки было обнаружено на коже спины тёмно-красное пятно. Это был ожог от разряда молнии. Мария Васильевна обработала рану и закрыла её стерильной повязкой. Поражение от молнии Раиса получила через розетку, к которой она сидела спиной. И действительно, розетка и провода, идущие к счётчику и далее на улицу, к столбу, стоящему рядом с домом, были обуглены. Даже Божьи иконы, висевшие над головами молодых (на «куту»), не отвели от них беду. Как говорится в народе, «на Бога надейся, а сам не плошай». Техникой безопасности во время грозы пренебрегать никогда не следует. Так как пострадавшая нуждалась в дальнейшем наблюдении и лечении, мы предложили ей госпитализацию. Раису быстренько перенесли в автомобиль, и Ванюха на своей «ласточке» доставил её в районную больницу.

Через полторы недели её выписали. Я навещал её уже после выписки. Исходом я был доволен, так как в таких необычных условиях мне удалось справиться с бедой, свалившейся с небес на голову невесты. Она благодарила меня, как она выразилась, за своё спасение. Последствий от грозовой травмы для её беременности и родов не было. Она родила здоровую девочку в срок. Однако отпечаток перенесённой травмы оставил следы. Она оставалась несколько медлительной, с растянутой речью и чуть заторможенной реакцией.

Это было моё крещение как врача-реаниматолога.

«ПОРА В КОСМОС!»

«Да, пора!» – решили писатели после презентации новой книги в Литературной гостиной СПР «Парк культуры».

17 января в 15:30 в Шолоховском зале прошла презентация уникального сборника произведений различных литературных жанров, объединённых одной общей темой – космонавтикой и всем, что связано с покорением пространства Вселенной.

В книге «Пора в космос» представлены поэты, прозаики, публицисты, которых привлекает и вдохновляет на творчество огромный звёздный мир и овеянная романтическим ореолом, поистине героическая профессия космонавта.

Ведущая программы Литературной гостиной «Парк культуры» Нина Дьякова в приветствии к гостям и участникам презентации заметила, что, пожалуй, не случайно слово «космонавт» очень хорошо рифмуется со словом «аргонавт» из античных мифов и легенд. Ведь

есть в избранных теми и другими жизненных дорогах много общего. А самое главное – и аргонавты, и космонавты всегда идут в неизведанное, всегда их ожидает нечто непредсказуемое, таинственное и часто... опасное.

Презентация новой книги началась почти торжественно, на хорошей эмоции, к чему обязывает и само событие, и главный объект внимания, ведь книгу «Пора в космос» уже сейчас можно полноправно считать бестселлером. Об этом с полной уверенностью сказал председатель Союза писателей России Николай Иванов. Николай Фёдорович подтвердил, что инициатива Союза писателей издать вот именно такой – большой, содержательный и со вкусом оформленный – художественный сборник вылилась в отличный результат. А составите-

ли книги – публицист Анатолий Труба и поэт Василий Попов – добавили, что уже начинают сбор материалов для новой книги о космосе, космонавтах и, по большому счёту, о великом романтическом стремлении человечества заглянуть хотя бы однажды в притягательный звёздный мир.

Безусловно, оригинальным дизайном и художественным оформлением книга обязана народному художнику России Никасу Сафронову – здесь и тонкий рисунок космической тематики, и необыкновенно живая графика, в которой выполнены портреты Юрия Гагарина и Валентины Терешковой, и обложка. Этот важный этап работы над книгой тоже не обошли вниманием гости «Парка культуры» – Никас Сафронов по возможности появляется в Союзе писателей и всегда с интересом общается с мастерами слова. Его участие в книге «Пора в космос» вполне логично.

Безусловно, книга, по мнению издателей и авторского коллектива (около 90 писателей из самых разных регионов России!), предназначена для широкого круга читателей. Однако начиная с идеи создания и далее, в процессе работы над ней, всё больше утверждалось понимание: важность издания с любой точки зрения переоценить невозможно. Как и то, что в презентации новенького бестселлера участвовал космонавт-испытатель, Герой России Олег Артемьев. Конечно, всё внимание в Литгостинной в этот вечер было обращено к нему.

Отличного качества, яркие, профессиональные фотографии Олега Германовича в книге создают необыкновенную энергетику, способную приподнять даже самого закоренелого скучающего пессимиста из любимого кресла и выйти в ночь, когда небо звёздно, когда мир и Вселенная манят неизвестностью, как античных аргонавтов и сегодняшних космонавтов. Олег Артемьев из космоса вёл свою, космическую, гостиную. Это, по его мнению, кроме большой

начитанности и хороших познаний в мировой литературе, требует весьма серьезной и вдумчивой подготовки. Впрочем, это ведь тоже часть космической профессии...

К счастью, Олег Артемьев – человек открытый, с теплотой, дружеским мягким юмором – не только рассказал о недавней командировке на орбиту (кстати, командировочное удостоверение в космос на сей раз было именно от Союза писателей России, полноправным членом коего он является), но и ответил на многочисленные вопросы гостей.

Чаще всего спрашивали саκραментальное: как же всё-таки можно слетать ТУДА?.. Или – об иных цивилизациях. Или – о снах... Оказывается, во сне космонавты иногда просыпаются в панике: приснилось, как опоздал, а ракета улетела!

Олегу Германовичу после его выступления один из гостей – председатель Рязанского землячества в Москве, представитель Ассоциации городов России Юрий Николаевич Васюнькин – вручил памятную награду и пригласил побывать в любом из более чем 80 российских регионов, где встреча с космонавтом – всегда неординарное событие. Ведь именно наша страна стала первой космической державой в мире.

На презентации звучали стихи, отрывки прозы, художественной публицистики, интересное и полезное общение сделало и этот вечер в Литературной гостиной «Парк культуры» неповторимым, незабываемым.

А составители бестселлера «Пора в космос» Анатолий Труба и Василий Попов уже собирают новую команду – авторский коллектив для следующей большой книги по космической теме. Есть отличная возможность художественно рассказать о самой романтической мечте любого землянина – увидеть нашу красавицу-планету из космоса...

Яна ПЕРОВА
Снимки А. ТОКАРЕВОЙ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru